

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Котельников Артём Валерьевич

**АНТРОПОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ ГОРОДСКИХ КОММУН В САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЕ 2010-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2020-Х ГГ.**

Специальность 5.6.4 – Этнология, антропология, этнография

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

PhD in Anthropology

Николай Владимирович Ссорин-Чайков

Санкт-Петербург – 2026

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Методологические моменты и объект исследования.....	28
1. Методы и формы полевой работы в коммунах Петербурга.....	28
2. Параэтнография и реципрокность в поле.....	33
3. Исследования темпорального разнообразия в намеренных сообществах.....	36
4. Выводы.....	40
Глава 2. Намеренные сообщества в России: история и современное состояние.....	42
1. Намеренные сообщества в России XIX-XX веков.....	42
2. Разнообразие намеренных сообществ в современной России.....	50
3. Происхождение и этнографическая специфика коммун Петербурга в XXI веке.....	59
4. Выводы.....	79
Глава 3. Экономические и трудовые темпоральности в жизни городских коммун.....	80
1. Темпоральности общения, труда и саморазвития в жизни коммун.....	80
2. «Домовые» в темпоральном измерении.....	88
3. Присутствие и возвращение: товарные и нетоварные темпоральности в коммуне.....	100
4. Выводы.....	111
Глава 4. Светлое будущее и общее прошлое коммун Петербурга.....	113
1. Борьба за и против «светлого будущего» в ДОме на синей ветке.....	114
2. Будущее, правила и повседневные циклы.....	119
3. Длительная временность в ДОме на синей ветке.....	138
4. Темпоральности коммуны-семьи и коммуны – общего дела.....	150
5. Выводы.....	157
Заключение.....	159

Список литературы.....	164
Список полевых материалов автора.....	175
Список иллюстраций.....	177
Приложения.....	181
1. Иллюстрации.....	181
2. Редакции «Договорённостей» ДОма на синей ветке.....	233

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа представляет собой этнографическое исследование намеренных сообществ. Намеренное сообщество по-разному определяется в историографии. В этой диссертации используется одно из двух доминирующих определений намеренного сообщества (*intentional community*), оно понимается как группа людей, разделяющих общее пространство (жилище или поселение) и некоторые общие хозяйственные ресурсы, а также обладающая осознанным намерением быть сообществом. Примером может служить городская коммуна или экопоселение. То есть, такое сообщество, которое намеренно создаётся и выбирается его участниками, а не предстаёт перед ними просто существующим обстоятельством¹.

Примером этих намеренных сообществ также являются связанные между собой коммуны, находящиеся в Санкт-Петербурге. Коммуны являются частью сети «нефорских» (субкультурных) связей, связанной с традицией советской субкультурной «Системы»² (подробнее об этом в §1 Главы 2), при этом они генеалогически объединены в разные волны образования коммун – появление нескольких сообществ часто является результатом распада предшествовавшего. На сегодняшний день мне известно около 15-и коммун, связанных с двумя волнами, подсчитать коммуны, находящиеся за пределами исследованных волн, не представляется возможным. Петербургские коммуны также имеют связи с жителями коммун других российских городов – прежде всего, Москвы.

Работа посвящена темпоральностям (они же формы времени) этих коммун. Под темпоральностью в работе понимается социальное время, которое представляет собой отношение, организующее практики участников этого времени – время, которое связано не столько с отделёнными от человека физическими реалиями, сколько с практиками людей. Оно объединяет в себе как представления о будущем и прошлом, так и циклические практики повседневности, поскольку те находятся во взаимном влиянии – представление о будущем и прошлом определяют то, как выстраиваются циклы настоящего и наоборот³.

¹ Miller, T. *The Quest of Utopia in Twentieth Century America*: in 2 vol. Vol. I. 1900-1960. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1998. P. xx-xxi.

Brown, S. L. *Introduction // Intentional Community: An Anthropological Perspective.* / ed. ibid. N. Y.: University of New York Press, 2002. P. 1-17.

² Щепанская, Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2006. – 282 с.

³ Munn, N. *Gawan Kula: Spatiotemporal Control and the Symbolism of Influence // The Kula: New Perspectives on Massim Exchange* / eds. by Jerry W. Leach and E. Leach. Cambridge, London, N. Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1983. P. 277-308.

Greenhouse, C. *A Moment's Notice: Time Politics Across Cultures.* Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1996. P. 82-83.

Актуальность темы исследования

Исследования намеренных сообществ являются актуальными в контексте тенденций, отмечаемых представителями социальных наук в целом и антропологии в частности в связи с современной трансформацией и развитием различных форм социального времени.

Одна из них связана с редукцией или даже полным устранением будущего в пользу настоящего.

Целый ряд антропологов, специализирующихся на исследованиях Восточной Европы, отмечают, что в отличие от модерных темпоральностей, доминировавших до начала 1970-х годов и предполагающих движение к «светлому будущему» (коммунистическому или капиталистическому), современная темпоральность часто содержит в себе только настоящее. Категория будущего «эвакуирована»: будущего нет — есть только «когда-нибудь», выраженное, например, во времени окончательной расплаты по кредиту⁴. Социолог Ульрих Бек, разрабатывая концепцию общества риска (*risk society*) альтернативного по отношению к индустриальной модерности, вменяет ему безбудущность (*futurelessness*), которая основана на принципиальной невозможности сделать шаг из настоящего в будущее, как, например, в обстоятельствах структурной безработицы на рынке труда, который не может предоставить работу бывшему студенту⁵. Будущее в рамках текучей современности (*liquid modernity*) Зигмунта Баумана заменено настоящим, по отношению к которому нельзя предложить альтернатив. В этих обстоятельствах люди предпочитают не искать средства для реализации новых жизненных планов, а изменять планы под имеющиеся у них средства⁶. Философ Бён-Чхоль Хан считает темпоральным следствием неолиберализма без-времяе (*Un-Zeit*), в рамках которого постоянное стремление к многочисленным вариантам никогда не наступающего окончательно будущего приводит к господству деятельного настоящего, где цель деятельности не может быть достигнута, таким образом, субъект оказывается в настоящем, состоящем из множества изолированных моментов, не соотносящихся ни с будущим, ни с прошлым⁷. Историк Франсуа Артог описывает,

Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени: очерк истории и современности // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 6. – С. 83–103.

Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Chicago University Press, 2017. P. 3, 62.

⁴ Guyer, J. Prophecy and the Near Future: Thoughts on Macroeconomic, Evangelical, and Punctuated Time // American Ethnologist. – 2007. – Vol. 34. – No. 3. – P. 409–421

Stein, F. Work, Sleep, Repeat: The Abstract Labour of German Management Consultants. London: Bloomsbury Publishing, 2017. 248 p.

Ringel, F. Back to the Postindustrial Future: An Ethnography of Germany's Fastest-Shrinking City. Oxford: Berghahn Books, 2018. 238 p.

⁵ Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 219, 226–227

⁶ Бауман, З. Текучая современность. СПб.: Питер Пресс, 2008. С. 29, 36, 68–70.

⁷ Хан, Б.- Ч. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания. М.: Изд-во АСТ, 2023. С. 21–37.

по его мнению, крайне характерную для современности форму отношений людей с прошлым на уровне дискурса – презентизм, в рамках которого, как полагает исследователь, прошлое и будущее теряют самостоятельность, оказываясь служебными по отношению к настоящему⁸.

На российском материале, Наталья Веселкова, Михаил Вандышев и Елена Прямикова, обращаясь к идеям Никласа Лумана⁹, анализируют будущее, конструируемое как вполне реальное, но неопределённое. Они описывают его как продолженное настоящее (в формулировке Н. Лумана – *the present future*), оно является лишь следствием настоящего и при этом может быть описано исключительно как возможное, но не обязательное (это касается, например, катастрофического будущего). Продолженное настоящее описывает модерность постсоветской России и принципиально отличается от советской модерности, где будущее имело самостоятельную сущность¹⁰.

Исследователи, также являющиеся теоретиками и практиками коммунарской жизни, настаивают на переходе от намеренных сообществ, устремлённых в «светлое будущее», к сообществам в идеологии и практиках которых «хеппи-энд абсолютно не гарантирован»¹¹. В более радикальных версиях утопическое будущее вовсе исключается из понимания жизни современных намеренных сообществ¹².

Я рассматриваю городские коммуны Петербурга как одну из форм жизни внутри отмечаемой исследователями и оправдываемой ангажированными интеллектуалами безбудущности. Это делает актуальной их этнографию в темпоральном разрезе. Антропологический анализ коммунальных реалий, таким образом, имеет важность в контексте больших трендов развития социального времени.

Исследование темпоральностей намеренных сообществ имеет актуальное значение в русле феномена жилищной и трудовой прекарности. Исследователи отмечают, что труд всё большего количества людей лишается постоянства – он утрачивает жёсткий график, а заработок

⁸ Hartog, F. *Regimes of Historicity. Presentism and Experiences of Time*. N. Y.: Columbia University Press, 2015. 260 p.

⁹ Luhmann, N. *The Future Cannot Begin: Temporal Structures in Modern Society* // *Social Research*. – 1976. – Vol. 43. – No. 1. – P. 130-152.

¹⁰ Веселкова, Н. В., Вандышев, М. Н., Прямикова, Е. В. Продолженное настоящее: капсулы времени как социальная практика и метод исследования // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2023. – Вып. 15. – No.1. – P. 4–32.

¹¹ Holloway, J. *Crack Capitalism*. London: Pluto Press, 2010. P. 9.

¹² Graeber, D. *The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement*. N. Y.: Spiegel and Grau, 2013. P. 233. Graeber D. *Direct Action: An Ethnography*. London: AK Press, 2009. 600 p.

Бей Х. Автономные зоны: временные и постоянные. М.: Chaoss/Press, 2020. 347 с.

Подробнее о темпоральностях в концепциях Д. Гребера и его сторонников см. Ssorin-Chaikov N. *Sociopolitics // Reviews in Anthropology*. –2015. – No. 1(44). – P. 5–27.

становится ситуативным. Таким образом, труд становится прекарным¹³. Это же касается практик, связанных с жилищем: распространение аренды приводит к неопределённости продолжительности проживания в том или ином жилище – наряду с трудовой появляется жилищная прекарность¹⁴. Распространение прерывности и непостоянства в отношении жилища и работы делает необходимым анализ форм коммунальной жизни, формирующихся как одно из средств приспособления к прекарности и её осуществления¹⁵. Это актуализирует также и этнографию петербургских коммунаров, чьё жилище также является принципиально прекарным, во многом в силу экономических обстоятельств, а труд, как будет показано в §1 Главы 3, оказывается прекарен в силу выбора.

Объектом диссертационного исследования является сеть коммун, расположенная в Санкт-Петербурге.

Предмет исследования – разнообразие темпоральностей, имеющих значение в жизни петербургских коммун.

Хронологической рамкой исследования являются 2010-е – первая половина 2020-х годов. Это обусловлено особенностями источниковой базы. Начало 2010-х – самый ранний период, затрагиваемый воспоминаниями информантов в их интервью, первая половина 2020-х – время проведения моего этнографического исследования, в т. ч. включённого наблюдения.

Географическая рамка – город Санкт-Петербург. Интервью с моими информантами также захватывают коммуны других городов (в первую очередь, Москвы), кроме того, московские коммунары также были среди моих информантов, являясь гостями петербургских коммун, однако непосредственным наблюдением были охвачены только коммуны Петербурга.

Теоретические основы исследования

Теоретическим основанием диссертационного исследования является концепция намеренного сообщества, охватывающего собой городские коммуны, экопоселения, сквоты и т. п., которая также включает в себя темпоральную составляющую – предполагает дискуссию о том, устремлены ли намеренные сообщества в будущее.

¹³ Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

¹⁴ Литвинцев, Д. Б. Жилищная прекарность: факторы, дискурсы и зарубежный опыт измерения // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Том 22. – № 3. – С. 553-566.

¹⁵ Bergan, T. L., Gorman-Murray, A., Power, E. R. Coliving Housing: Home Cultures of Precarity for the New Creative Class. *Social & Cultural Geography*. – 2021. – Vol. 22. – No. 9. – P. 1204–1222.

Определение намеренных сообществ двойственно. Более узкие сходятся в том, что намеренным сообществом является группа людей, разделяющих хозяйство, место проживания и образ жизни в попытке реализовать, по крайней мере частично, свои идеалы и, тем самым, внести вклад в более совершенное общество будущего, противопоставляемое критикуемому обществу настоящего¹⁶. Ориентируясь на этот ряд определений часть исследователей предпочитают переводить «intentional community» не как «намеренное сообщество», а как «идейная община»¹⁷.

Более широкое определение акцентирует внимание на осознанном намерении участников сообщества быть сообществом, которое реализуется также через общее пространство и некоторые общие хозяйственные ресурсы¹⁸. В таких концептуальных границах намеренные сообщества противопоставляются естественным (*natural community*), к которым принадлежат, семьи, крестьянские общины и пр., члены которых не выбирают жить в том или ином сообществе, а, например, рождаются в них¹⁹. Таким образом, в отличие от естественного, намеренное сообщество создаётся и выбирается, а не обнаруживается для его участника уже существующим.

Сама концепция намеренных сообществ содержит в себе напряжение, касающееся вопросов темпоральности: особенностью, лежащей в основе такого рода сообщества, признаётся либо устремлённость к общему как для его участников, так и для «большого общества», будущему, либо само намерение создать и воспроизводить сообщество, которое может и не носить футуристический характер.

В связи с этим в анализе намеренных сообществ оказывается релевантной антропология времени и само понятие социального времени.

Под темпоральностями в рамках этого направления понимаются формы организации (социального) времени. Эти формы времени принципиально множественны и разнообразны. Разнообразие форм времени связано не только с культурным разнообразием, оно имеет место и в рамках одной культуры или сообщества. Более того, одни и те же люди могут быть вовлечены в разные темпоральности²⁰: например, воспроизводя, с одной стороны циклическую

¹⁶ Metcalf, W. *The Findhorn Book of Community Living*. Forres: Findhorn Press, 2004. 129 p.

Shenker, B. *Intentional Communities: Ideology and Alienation in Communal Societies*. London: Routledge, 1986. – 296 p.

Pitzer, D. E. *Developmental Communalism: An Alternative Approach to Communal Studies // Utopian Thought and Communal Experience*. / eds. by D. Hardy and L. Davidson. London: Middlesex Polytechnic 1989. P. 68–76.

¹⁷ Задорин, И. В. Экопоселения как форма внутренней эмиграции.

Демидова, Ю. А. Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной России.

Крыков, Е. А. Анархия-в-деревне.

¹⁸ Miller, T. *The Quest of Utopia in Twentieth Century America*. P. xx-xxi.

¹⁹ Brown, S. L. Introduction.

²⁰ Munn, N. *Gawan Kula*.

темпоральность аграрного труда, а с другой следуя христианскому линейному времени, ожидать Страшного суда.

Я солидаризируюсь исследователями, что предлагают описывать темпоральности как отношения. Кэрролл Гринхауз обращает внимание на то, что действия человека в рамках той или иной темпоральности нормативно обусловлены – например, циклическое время обрядов жизненного цикла воспроизводится благодаря предписаниям о том, что те или иные обряды необходимо проводить в тех или иных биографических обстоятельствах. При этом, исполнение любых норм связано с действиями конкретных индивидов и их выбором – воспроизводство различных форм времени обуславливается агентностью тех, кто в неё вовлечён, то есть их способностью или неспособностью к определённым действиям. Эта агентность может быть полностью детерминирована, как в случае с природными изменениями, определяющими темпоральную организацию каких-либо практик, так и основываться на действиях агентов, которые, делая свободный выбор, остаются под влиянием культурных норм, как в случае с людьми. Агентности множества акторов согласуются и складываются в отношения между ними, благодаря этому темпоральности можно считать формами распределённой агентности²¹. Исследовательница также указывает на то, что темпоральности в этом смысле не являются представлениями о времени, характерными для той или иной культуры, а существуют как организация практик²². Впрочем, развивая идеи К. Гринхауз, Николай Ссорин-Чайков указывает на то, что темпоральность включает в себя как организацию деятельности, так и представления о будущем и прошлом, которые сами влияют на эту организацию и, таким образом, могут рассматриваться как часть того же феномена. Так, ориентации на технические и социальные новшества в повседневных практиках может быть обусловлена футуристической верой в прогресс²³. В связи с этим стоит отметить, что темпоральности также нельзя считать исключительно дискурсивными явлениями, то есть лишь формой спекуляций и рассуждений о времени и его элементах, как, например, понимаются режимы историчности (*régime d'historicité*) у Ф. Артога, устанавливающие отношения между прошлым, настоящим и будущим лишь риторически²⁴.

²¹ Greenhouse, C. A Moment's Notice. P. 82–83.

²² Ibid.

²³ Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени. Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 3, 62.

²⁴ Артог, Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. – 2007. – №83. – С. 22-35.

Артог, Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. – 2008. – №3. – С. 19-38.

Более узко я буду пользоваться подходом, сформулированным и обозначенным Н. В. Ссориным-Чайковым как аналитика темпоральной множественности, противопоставляемым им аналитике темпоральной сингулярности. Исследователь настаивает на том, что необходимо не только признать многообразие темпоральностей – такой подход он называет аналитикой темпоральной сингулярности – но рассматривать те отношения, в которые темпоральности вступают между собой, например, вытесняя друг друга как линейное время вытесняет циклическое²⁵. Подробнее об этом в §1 Главы 3.

Представляется, что использование аналитики темпоральной множественности позволит исследовать роль времени в создании и воспроизводстве намеренных сообществ, а именно петербургских городских коммун, за пределами понимания намеренных сообществ как принципиально ориентированных на локальное построение глобального будущего (согласно одному из определений). Описание отношений между разными темпоральностями даёт возможность, с одной стороны, избежать сведения их к некой единой характеристике (например, утопизму), а с другой рассматривать эти темпоральности как связанные внутри жизни коммуны и коммунаров, не расчленяя и не изолируя разные формы времени внутри существования одного и того же сообщества.

Анализ отношений между темпоральностями имеет ценность как для рассмотрения отношений, конституируемых через время – например, прекарности, в которой по определению нет ясности будущего и повседневного устойчивого графика, то есть она, определяется именно особенностями организации времени – так и тех отношений, где темпоральность является лишь одним из аспектов – например, общих правил, которые те или иные коммунары пытаются утвердить для своих сообществ (подробнее в §2 Главы 4). Акцент на темпоральном аспекте позволяет описывать разного рода отношения в едином поле и, благодаря этому, описать взаимодействие между ними, не останавливаясь на рассмотрении их как взаимно изолированных (например, отделяя темпоральные отношения от пространственных).

Антропология времени в диалоге с рядом других концептуальных направлений позволяет также описывать намеренные сообщества как внутренне интегрированные, несмотря на отмечаемый исследователями характерный для «нефоров» индивидуализм²⁶. Указать на те темпоральные особенности, что позволяют индивидуалистичным коммунарам (подробнее об этом в §3 Главы 1 и §2 Главы 4) жить сообща.

²⁵ Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени.

²⁶ Щепанская, Т. Б. Система. С. 164-168.

Развивая определение темпоральности как формы распределённой агентности я буду использовать и другие концепции распределённой агентности. К ним принадлежит разработанная на меланезийском материале концепция киборга Мэрилин Стратерн, описывающая ситуацию, в которой один агент оказывается символически представлен через другого (например, даритель через подарок)²⁷ и, как я полагаю, тем самым сцепляет прошлое и настоящее, пребывая одновременно и, например, и в статусе покинувшего коммуны, и в качестве актуального коммунара (подробнее в §3 Главы 3). К этим концепциям также принадлежит социальная топология Джона Ло, настаивающая на том, что разного рода объекты, имеющие социальную природу, включают в себя в качестве своей основы ядро отношений, определяющее сохранение этого объекта в собственном качестве и процесс преобразование его в другой объект (например, корабль без команды становится кораблём-призраком)²⁸. Я полагаю, что построения Дж. Ло применимы также и к анализу темпоральных множественностей, создающих такие объекты как коммуны. Соответственно, внутри темпоральной множественности также возможно выделить темпоральности, принадлежащие к этому ядру, и агентов, с ними связанных. Теории масштаба и масштабирования М. Стратерн и Анны Цзин²⁹, описывающие сведение множества агентов к единой высокоуровневой сущности (например, всех членов клана к клану как целостности), также важны для анализа ситуаций вменения для всех участников коммуны единых повседневных циклов и общего будущего, определяющих их не просто как совокупность индивидов, а как коммуну в целом.

Для описания отдельных темпоральностей я обращаюсь к концепции длительной временности, разработанной в миграционных исследованиях и описывающей ситуацию, когда долговременные реалии воспринимаются как исключительно ситуативные и нестабильные³⁰, концепции префигуративной политики, рассматривающей ситуации в которых участники тех или иных сообществ стремятся реализовать утопическое будущее в своей повседневной деятельности в настоящем³¹, а также марксистской интерпретации цикла воспроизводства рабочей силы и

²⁷ Strathern, M. *Partial Connections*. P. 38–40.

²⁸ Ло, Дж. Объекты и пространство // *Социология власти*. – 2006. – Том 2. - №1. – С. 30–42.

²⁹ Strathern, M. *After nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. Cambridge, N.Y., Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press 1992. 240 p.

Strathern, M. *Environments within: An Ethnographic Commentary on Scale* // *Ibid. Learning to see in Melanesia: Four lectures given in the Department of Social Anthropology, Cambridge University, 1993–2008* / Ed. by G. da Col. Manchester: HAU Society for Ethnographic Theory, 2013. P. 208–239.

Tsing, A. *On Nonscalability: The Living World Is Not Amenable to Precision-Nested Scales* // *Common Knowledge*. – 2012. – Vol. 18. – No. 3. – P. 505–524.

³⁰ Biao, X. *The Making of Mobile Subjects*.

Бредникова, О. Е., Ткач О. А. Дом для номады.

Бредникова, О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта.

³¹ Boggs, C. *Marxism, Prefigurative Communism and the Problem of Workers' Control* // *Radical America*. – 1977. – Vol. 6. – P. 99–122.

концепции трудовой прекарности, среди которых первая описывает практики, в рамках которых отдых рассматривается как подготовка к работе, что и приводит к воспроизводству циклического времени³², а вторая предполагает принципиальную ситуативность и отказ от устойчивых циклов³³.

Цель исследования – проанализировать темпоральное разнообразие в коммунах Петербурга, отношения между этими темпоральностями, их роль в практиках и образе жизни коммунаров.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- проанализировать связи петербургских коммун 2010-х – первой половины 2020-х годов с коммунами более ранних волн образования намеренных сообществ;
- установить особенности полевых реалий петербургских коммун и выявить исследовательские методы релевантные анализу темпорального разнообразия в коммунах;
- рассмотреть существующие в историографии подходы к анализу темпоральностей намеренных сообществ;
- исследовать роль темпоральностей, связанных с хозяйственной жизнью коммуны, в их соотношении с другими формами времени, характерными для этих сообществ и их участников;
- проанализировать последствия отказа жителей коммун от воспроизводства экономических темпоральностей;
- рассмотреть соотношение товарных и нетоварных темпоральностей в жизни коммун;
- исследовать попытки установления проектной темпоральности «светлого будущего» в коммунах и борьбу за отказ от него;
- проанализировать влияние темпоральности коммуны как проекта на повседневные циклы и правила коммунарской жизни;
- выявить темпоральные последствия отказа коммунаров от «светлого будущего»;

Boggs, C. Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power // Theory and Society. – 1977. – Vol. 4. – No. 3. – P. 359–393.

³² Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 4 т. Т. I, кн. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 578.

³³ Стэндинг, Г. Прекариат.

Литвинцев, Д. Б. Жилищная прекарность.

Bergan, T. L., Gorman-Murray, A., Power, E. R. Coliving Housing.

- рассмотреть роль общего будущего и общего прошлого коммуны в практиках её участников.

Структура исследования

В соответствии с поставленными задачами сформирована структура диссертации. Работа состоит из четырёх глав, дополненных введением и заключением, а также приложениями, содержащими в себе текстовые и иллюстративные материалы.

В **Главе 1** рассматриваются методологические аспекты этнографического исследования петербургских коммун.

В первом параграфе подробно описываются три формы полевой работы, имевшие место в период проведения исследования: верандная этнография, предполагавшая краткие появления в коммунах, интервью и наблюдения, лишённые контекста и насыщенного описания; включённое наблюдение, связанное с проживанием в коммунах; устно-исторические интервью, вовсе вынесенные за пределы коммун. Второй параграф посвящён реципрокным практикам во взаимодействии этнографа и информантов, в которых этнограф не только получает информацию от информантов, но и предоставляет её по их запросу. Кроме того, в параграфе описывается методологическая роль параэтнографии. Третий параграф посвящён исследованиям темпоральностей намеренных сообществ, базирующихся на европейском и североамериканском материале второй половины XX – XXI веков. В нём представлены подходы, описывающие намеренные сообщества как утопические, акцентирующие внимание на непостоянном и недолговременном характере намеренных сообществ, на понимании их жителями своей истории, а также на описании отношений темпоральностей, сложившихся внутри намеренных сообществ в противопоставлении тем, что существуют вне таковых.

В **Главе 2** описывается история намеренных сообществ в России с конца 1860-х годов до настоящего времени, а также рассматривается вопрос влияния разных волн образования намеренных сообществ друг на друга, даётся комплексный этнографический очерк петербургских коммун 2010-х – первой половины 2020-х годов, на этнографическом материале прослеживаются связи сообществ этого периода с коммунами более ранних волн.

В первом параграфе предложено краткое описание истории коммунитарного движения в Российской империи, коммуналистских экспериментов в намеренных сообществах в ранние советские годы (молодёжных городских коммун и сельских коммун, созданных репатриантами и иностранцами), кратко затрагиваются коммуны советских хиппи. Во втором параграфе даётся описание разнообразия намеренных сообществ в России начиная с 1990-х годов: этнография

экопоселений (в т. ч. поселений родовых поместий), поселений представителей движений New Age и (в наименьшей степени) сообществ, созданных сторонниками секулярных идеологий. В третьем параграфе даётся общая характеристика генеалогически связанных кластеров петербургских коммун, их комплексное этнографическое описание. На основе этнографических наблюдений демонстрируются связи современных коммун Петербурга с «Системой» (средой общения хиппи и других «нефоров») 1980-х годов. Также приводится список коммун, в которых непосредственно проходила полевая работа, и тех из них, о которых собирались интервью, даются краткие сведения о них.

Глава 3 анализирует экономические (трудовые и хозяйственные) темпоральности в жизни городских коммун, а также отношения между ними. Также, в связи с этим поднимется вопрос о соотношении внутренних темпоральностей коммун и внешних по отношению к ним форм времени.

Первый параграф рассматривает экономические темпоральности коммун в их отношениях с темпоральностью общения и биографическими проектами саморазвития коммунаров, анализируются процессы вытеснения темпоральностью общения трудовых темпоральностей и практикуемые участниками сообществ альтернативы этому вытеснению. Второй параграф посвящён жителям коммун, наиболее радикально практикующим отказ от внешних форм времени в пользу внутренних, анализируется их роль в воспроизводстве ядра отношений между темпоральностями, обеспечивающего существование того или иного сообщества. Третий параграф рассматривает отношения чётко разделяющей прошлое, настоящее и будущее товарной темпоральности, связанной с арендой квартиры для коммуны, и темпоральности присутствия, стирающей такого рода различие.

В **Главе 4** описываются темпоральности, ориентированные на общее прошлое и общее будущее коммуны и коммунаров в их отношениях с другими формами времени.

В первом параграфе описывается конкуренция представителей темпоральности «светлого будущего» и сторонников отказа от общего будущего для сообщества в одной из петербургских коммун. Второй параграф описывает влияние попыток установления общего будущего коммуны на повседневные циклы жизни коммунаров, а также сопротивление этому влиянию и, соответственно, складывающиеся в связи с этим отношения между темпоральностями. Второй параграф посвящён результатам отказа от общего будущего в коммуне – темпоральности длительной временности. В четвёртом параграфе рассматривается роль общего прошлого в различных коммунах, а также вопрос о классификации коммун в темпоральном измерении.

Методология и методы исследования

Этнографическая работа происходила в период с декабря 2021 по август 2025 года в трёх основных формах, связанных с разными методами наблюдения. Первая из них предполагала посещение коммун в качестве гостя, с ней были связаны не погружённые в контекст наблюдения и некоторые интервью. Такого рода исследовательский подход может быть назван верандной этнографией, противопоставляемой включённому наблюдению, основанному на контекстуализации³⁴. Вторая форма предполагала непосредственно включённое наблюдение во время проживания в той или иной коммуне. В эти периоды было собрано наибольшее число интервью, которые часто имели неформальный характер, то есть, не фреймировались как интервью и не предполагали аудиозаписи, а фактически являлись беседами. Третья форма полевой работы была исключена из контекста существовавших и существующих на момент исследования коммун. Она имела устно-исторический характер и сводилась к интервью с жителями распавшихся и, соответственно, к тому моменту недоступных для прямого наблюдения коммун. Соответственно, это были интервью, вовсе не сопровождавшиеся какими-либо наблюдениями и их контекстом (подробно методы исследования описаны в Главе 1).

Источниковая база

Источником диссертационного исследования являются собранные мной полевые этнографические материалы, включающие в себя полевой дневник³⁵, аудиозаписи интервью, фотографии, а также тексты, созданные информантами без моего участия – посты в социальных сетях и своды правил коммун³⁶. В общей сложности мною было записано 125 интервью, подсчитать количество неформальных интервью (бесед с информантами), не подвергавшихся записи, не представляется возможным, полученная в ходе них информация фиксировалась в дневнике. Некоторые сделанные в коммунах фотографии приведены в Приложении. В работе также используются журналистские тексты и видеоролики, посвящённые жизни коммун.

В процессе обработки полевого материала дневниковые записи и тексты интервью (после расшифровки) тематически тегировались, прежде всего, с помощью этных понятий.

³⁴ Kuper, A. *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. P. 203.

Okely, J. *Anthropological Practice Fieldwork and the Ethnographic Method*. London, N. Y.: Routledge, 2012. P. 1, 17–19, 76.

³⁵ Полевой дневник автора 2021-2025

³⁶ Полевые материалы автора 2021-2025

Анализ одного из сводов правил коммуны носит текстологический характер, в Приложениях предложены три его редакции.

К текстам, созданным коммунарами, применимо понятие параэтнографии. Дуглас Холмс и Джордж Маркус называют параэтнографией практики остраниженного наблюдения и описания реальности той или иной культуры её носителями, не сводящиеся к воспроизведению господствующих нарративов, которые уже существуют в традиции и, например, передаются от учителей к ученикам³⁷. Собственно примерами параэтнографических текстов служат посты в социальных сетях, представляющие собой анализ наблюдений коммунарской жизни.

В целях анонимизация всем коммунаам даны ложные названия. Всем информантам, упоминаемым в статье, также присвоены псевдонимы. Часть из них согласована с самими информантами, другая выбрана случайным образом. По той же причине не приводятся ссылки на журналистские материалы и социальные сети коммун и их жителей. На фотографиях, предлагаемых в Приложении также удалены названия коммун, имена и прозвища коммунаров. Это связано с тем, что поиск в интернете по оригинальным названиям, именам и прозвищам позволяет относительно легко получить информацию о той или иной коммуне и её жителях. На фотографиях также удалены надписи в обценной лексикой.

Степень исследованности

Аналитика темпорального многообразия в исследованиях намеренных сообществ, как правило, предполагает рассмотрение таковых как попыток реализации утопий.

Концептуально такого рода описания, как правило, связаны понятием префигуративной политики Карла Боггса (*prefigurative politics*), описывающим стремление создать локализованное будущее в настоящем, которое впоследствии будет распространено на весь мир и всё общество³⁸. Такого рода исследования намеренных сообществ как формы префигуративной политики на российском материале, прежде всего, связаны с анализом жизни народнических коммун в пореформенный период³⁹, а также, в меньшей степени с этнографией коммуналистских попыток

³⁷ Criado, T. S., Estalella A. Experimental Collaborations // Experimental Collaborations: Ethnography through Fieldwork Devices / Eds. A. Estalella and T. S. Criado. N. Y., Oxford: Berghahn, 2018. P. 1-30.

Holmes, D. R., Marcus G. E. Collaboration Today and the Re-Imagination of the Classic Scene of Fieldwork Encounter // Collaborative Anthropologies. – 2008. – Vol. 1. – P. 81-101.

Marcus, G. E. Collaboration Mode 3: A Found Condition of Anthropological Field Research Today... and What Might Be Made of It // Experimental Collaborations: Ethnography through Fieldwork Devices / eds. A. Estalella and T. S. Criado. N. Y., Oxford: Berghahn, 2018. P. xi-xvi.

³⁸ Boggs, C. Marxism, Prefigurative Communism and the Problem of Workers' Control.

Boggs, C. Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power.

³⁹ Гордеева, И. А. Забытые люди. История российского коммунистического движения. М.: Common place, 2017. 280 с.

самоорганизации левых диссидентов в СССР⁴⁰, современных российских анархистов⁴¹ и создателей экопоселений⁴².

Связь утопического будущего и коммунального настоящего описывается в рамках концепции проживаемого утопизма (*lived utopianism*) Люси Саргиссон и Майкла Сарджента. Намеренные сообщества, существующие в рамках проживаемого утопизма, формируют своё настоящее как временное состояние, подлежащее постоянному изменению в пользу расположенного в будущем идеала⁴³. На российском материале анализ проживаемого утопизма касается, прежде всего, городских коммун 1920–1930-х годов, участники которых практиковали «научную организацию труда» как средство регламентации несовершенной повседневности для формирования рационалистической утопии⁴⁴.

Ещё одна ветвь историографии, основывается на построениях теоретика анархизма Хаким Бей и его последователей⁴⁵, и рассматривает намеренные сообщества как принципиально временное и непостоянное явление, которое, несмотря на эту свою темпоральную черту, идеологически устремлено в будущее⁴⁶. В значительной степени это направление связано с исследованиями коммун-сквотов⁴⁷. В России в таком разрезе описаны студенческие коммуны

⁴⁰ Fürst, J. “We All Live in a Yellow Submarine”: Dropping Out in a Leningrad Commune // *Dropping out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc.* / eds. By J. Fürst and J. McLellan. Lanham, Boulder, N. Y., London: Lexington books, 2017. P. 179–206.

⁴¹ Крыков, Е. А. Анархия-в-деревне: переосмысление «сельского» как нового либертарного устройства общества // *Вестник антропологии.* – 2024. – № 2. – С. 67–85.

⁴² Задорин, И. В., Колесникова Е. Ю., Мальцева Д. В., Халкина Е. В., Хомякова А. П., Шубина Л. В. Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения: итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования. М.: ЦИРКОН, 2012. 113 с.

⁴³ Sargisson, L., Sargent M. *Lived Utopianism: Everyday Life and Intentional Communities* // *Communal Societies.* – 2017. – No. 1(37). – P. 1–24.

⁴⁴ Willimott, A. *Living the Revolution: Urban Communes & Soviet Socialism, 1917–1932.* N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 61.

Willimott, A. ‘How do you live?’: experiments in revolutionary living after 1917 // *The Journal of Architecture.* – 2017. – No. 3 – P. 437-457.

⁴⁵ Бей, Х. Автономные зоны: временные и постоянные.

Graeber, D. *Direct Action.*

Holloway, J. *Crack Capitalism.*

Ssorin-Chaikov, N. *Sociopolitics*

⁴⁶ Kuhlmann, H. *The Illusion of Permanence: Work Motivation and Membership Turnover at Twin Oaks Community* // *The Philosophy of Utopia* / ed. by B. Goodwin. London: Routledge, 2001. P. 157-171.

Sargisson, L., Sargent M. *Lived Utopianism.*

⁴⁷ Kadir, N. *The Autonomous Life? Paradoxes of Hierarchy, Authority, and Urban Identity in the Amsterdam Squatters Movement.* Manchester: Manchester University Press, 2016. P. 172-173.

Cermeño, H., Bretfeld N., Bernhardt F. 2022. Knowledge Practices Within and Beyond Sharing and Commoning Urban Initiatives // *Frontiers in Sustainable Cities* – 2022. – Vol. 4. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frsc.2022.767365/full>.

McArdle, R. ‘Squat City’: Dublin’s Temporary Autonomous Zone. Considering the Temporality of Autonomous Geographies // *City.* – 2022. – No. 26(4). – P. 630–645.

Milligan, R. *Cracking Buildings, Cracking Capitalism: Antagonism, Affect, and the Importance of Squatting for Housing Justice* // *City.* – 2023. – No. 27. – P. 413-432.

раннесоветского периода, которые, с одной стороны считали себя местом формирования «нового человека», а с другой, воспринимались их участниками как временный этап жизни⁴⁸.

Менее подробно рассмотрены намеренные сообщества, практикующие отказ от общего утопического будущего. Чаще исследования таковых демонстрируют неполное исключение утопизма. Например, попытки сделать вклад в будущее только на уровне одного района⁴⁹ или понимание коммунального образа жизни как полезного для совершенствования общества в целом при принципиальной невозможности достижения утопических идеалов⁵⁰.

В качестве альтернативного утопическому будущему основания солидарности жителей намеренных сообществ, начиная с 1960-1970-х годов, другой сегмент историографии рассматривает совместное прошлое. Коммуна становится средством воплощения ностальгических образов⁵¹ или легитимирует своё существование в глазах окружающего общества с помощью нарратива о прошлом⁵². При этом ряд исследователей описывают сочетания утопического будущего и ностальгического прошлого в намеренных сообществах⁵³. Акцент на такого рода сочетаниях также делают исследователи поселений родовых помест движения «Звенящие кедры России» (анастасийство), в которых утопическое будущее становится средством воссоздания утраченного прошлого⁵⁴, а также в одном случае исследователи коммунальных практик советских хиппи, указывающие на столкновение в одной из коммун сторонников ностальгии и утопии⁵⁵.

⁴⁸ Stites, R. *Communes in the Town* // *Ibid. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 213–219.

⁴⁹ Sargisson, L. *Second-Wave Cohousing: A Modern Utopia?* // *Utopian Studies*. – 2012. – Vol. 23. – No. 1. – P. 28–56.

⁵⁰ Lockyer, J. *Sustainability and Utopianism: an Ethnography of Cultural Critique in Contemporary Intentional Communities*: PhD-thesis. // Joshua Peter Lockyer. – Athens, 2007. – 429 p.

⁵¹ Kanter, R. *Commitment and Community: Communes and Utopias in Sociological Perspective*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1972. P. 166–169.

⁵² Starecheski, A. *Squatting History: The Power of Oral History as a History-Making Practice* // *The Oral History Review*. – 2014. – Vol. 41. – No. 2. – P. 187–216.

Starecheski, A. *Ours to Lost: When Squatters Became Homeowners in New York Cities*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2016. P. 191–256.

Starecheski, A. *Squatters Make History in New York: Property, History, and Collective Claims on the City* // *American Ethnologist*. – 2019. – No. 46(1). – P. 61–74.

⁵³ Manzella, J. *Common Pursue, Uncommon Future: The Long, Strange Trip of Communes and Other Intentional Communities*. Santa Barbara, Denver, Oxford: Praeger, 2010. P. 176–178.

⁵⁴ Andreeva, J. *Traditions and the Imagined Past in Russian Anastasian Intentional Communities* // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. – 2021. – No. 15 (2). – P. 25–42.

Andreeva, J. *“Fairyländ”: Kin’s Domain as a Place of Utopia and Experiment* // *Russian Peasants Studies*. – 2023 – Vol. 8 – No. 4. – С. 121–136.

Ожиганова, А. А. *Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2022. – №2(33). – С. 262–286.

Andreeva, J., Pranskeviciute R. *The Meanings of Family Homestead in the Anastasia Movement: the Cases of Russia and Lithuania* // *Humanitāro zinātņu vēstnesis*. – 2010. – No. 18. – P. 94–107.

⁵⁵ Fürst, J. *“We All Live in a Yellow Submarine”*.

Анализ намеренных сообществ в связи с их повседневными, экологическими и хозяйственными циклами мало представлен в историографии. Он обращён прежде всего к городским коммунам⁵⁶ и к тем же поселениям анастасийцев⁵⁷.

Наконец, некоторое количество исследований рассматривает взаимоотношения темпоральностей, характерных для намеренного сообщества, и темпоральностей, связанных с внешним по отношению к ним миром, противопоставляя их как темпоральность замедления и темпоральность изменчивого мира⁵⁸, темпоральность статичных дружеских отношений и темпоральность реализации биографических планов⁵⁹, темпоральность семейных связей и темпоральность рабочего времени⁶⁰.

Исследования намеренных сообществ в России, начиная с пореформенного периода и до современности в большинстве своём, впрочем, как правило, не предполагают анализа темпоральностей.

Анализ намеренных сообществ, существовавших в Российской империи, концентрируется на народнических⁶¹ и толстовских сельских коммунах⁶², продолживших своё существование в

⁵⁶ Jarvis, H. Saving Space, Sharing Time: Integrated Infrastructures of Daily Life in Cohousing // *Environment and Planning A*. – 2011. – No. 43(3). – P. 560-577.

Starecheski, A. Ours to Lost. P. 191-256.

⁵⁷ Бессонов, И. А. Календарные праздники современных экопоселениях (на материале субкультуры «анастасиевцев») // *Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. науч. ст.* – Вып. 14. – 2011. – С. 396–406.

Октябрьская, И.В., Чиркина Е.М. Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – 2020. – Т. XXVI. – С. 795-799.

⁵⁸ Manzella, J. Common Purse, Uncommon Future. P. 8-9, 31, 171.

⁵⁹ Heinonen, A. Commitments beyond Coupledness: Negotiating Relational futures in Finnish Small-Scale Communes // *Time & Society*. – 2024. – Vol. 33. – No. 2. – P. 149-169.

⁶⁰ Starecheski, A. Ours to Lost. P. 191-256.

⁶¹ Гордеева, И. А. Забытые люди.

Фатющенко, А. В. Интеллигентские земельные коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты): дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 // Фатющенко Андрей Валентинович. – М., 2007. – 187 с.

Панаэтов, О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 46–52.

Трёхбратов, Б. А. Кубанская интеллигенция в поисках идеальных форм жизни и быта (конец XIX – начало XX вв.) // *Культурная жизнь Юга России*. – 2015. – № 1(56). – С. 38–45.

⁶² Агарин, Е. В. Трудом рук своих: Толстовские земельные коммуны в дореволюционной России. М.: *Common place*, 2019. 384 с.

Мелешко, Е. Д. Хозяйственная этика толстовства. Толстовские земельные коммуны // *Она же Христианская этика Л. Н. Толстого*. М.: Наука, 2006. С. 281–294.

Петров, Д. С., Должиков, В. А. Коммуны толстовцев Западной Сибири: социальный состав и хозяйственно-экономическая деятельность // *Известия Алтайского государственного университета*. – 2013. – № 4 (80). – С. 193–197.

Калашникова, А. Л., Поселенова, Е. Ю. Наследие сибирской коммуны последователей учения Л. Н. Толстого в региональной культурной системе // *Вестник КемГУКИ*. – 2013. – № 23 – С. 52–58.

Калашникова, А. Л., Поселенова, Е. Ю. Наследие кузбасских коммунаров в контексте современного исследования творчества Л. Н. Толстого // *Сибирский филологический журнал*. – 2020. – № 1. – С. 114–121.

раннесоветское время⁶³. Среди раннесоветских намеренных сообществ в наибольшем числе описаны сельские коммуны иностранцев⁶⁴, иммигрировавших и репатриировавшихся в СССР для участия в строительстве социализма, и студенческие или рабочие коммуны в городах⁶⁵. Из намеренных сообществ советских хиппи 1960-1980-х годов относительно подробно рассмотрена только одна ленинградская коммуна⁶⁶.

Среди намеренных сообществ, существующих в России, начиная с 1990-х годов, наиболее детально изучены экопоселения. В наименьшей степени среди них исследованы сообщества, ориентированные на концепцию устойчивого развития и секулярные варианты зелёных идеологий⁶⁷, гораздо более подробно описаны поселения, созданные в рамках тех или иных движений New Age. Наилучшим образом в историографии представлены поселения родовых поместий, принадлежащие к движению «Звенящие кедры России». Исследователями описаны их темпоральные особенности (устремлённость в «светлое будущее» и пассеизм), а также связанные

Трёхбратов, Б. А. Кубанская интеллигенция в поисках идеальных форм жизни и быта (конец XIX – начало XX вв.).

⁶³ Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России. Ульяновск: УЛГТУ, 2008. С. 42–58.

Редькина, О. Ю. Толстовцы Нижней Волги в 1917-м – 1930-х годах // Стрежень: научный ежегодник. – 2004. – Вып. 4. – С. 315–325.

⁶⁴ Хиллиг, Г. «Войо-Нова» в Крыму – забытая сельхозкоммуна (кибуц). Марбург: Марбургский университет, 2005. 188 с.

Аверьянов, А. В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2019. - № 3 (51). – С. 30–38.

Романов, В. В., Николашин, В. П. Американские иммигрантские коммуны Кирсановского уезда Тамбовской губернии 1920-х – 1930-х гг.: основные источники и особенности изучения // Вестник архивиста. – 2024. – № 4. – С. 1070–1082.

Рубан, Н. Б. История становления и развития Ирской коммуны (по документам Государственного архива Тамбовской области) // Современные вопросы государства, права, юридического образования. Сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции / под ред. А. В. Латаева. Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2024. С. 74–80.

Берлявский, Л. Г., Бондарев В. А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920–1930-х годов: организация, функционирование, взаимоотношения с властью. // Новая и новейшая история. – 2021. – № 6. – С. 65–79.

⁶⁵ Willimott, A. Living the Revolution.

Stites, R. Communes in the Town. P. 213–219.

Лебина, Н. Б. Советский дом-коммуна: границы тела. // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2012. – №23. – С. 133–151.

Рожков, А. Ю. Студенческие коммуны // Он же В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 289–312.

⁶⁶ Fürst, J. “We All Live in a Yellow Submarine”: Dropping Out in a Leningrad Commune.

⁶⁷ Задорин, И. В. и др. Экопоселения как форма внутренней эмиграции.

Kuliasova, A., Pchelkina, S., Tysiachniouk, M. Building Sustainable Communities in Russia: Nevo Ecoville Case Study // Proceedings – Review Environmental Interdisciplinary. – 1999. – No. 2. – Vol. 1. – P. 59–66.

Tysiachniouk, M., Kotilainen, J. Intentional Communities Finding Space Amid Geopolitical Turmoil: Belbek Valley Case Study // Sustainability. – 2022. – No. 14. – P. 1–28.

Шубин, А. В. Альтернативные общины: экзотика или дорога в будущее // Бюллетень Московского ИСАР. –1998. – С. 8–16.

Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае // Он же Экологические экопоселения. Екатеринбург: Ridero, 2016. С. 7-31.

с ними практики⁶⁸, идеологическое разнообразие и разнообразие идентичностей⁶⁹, хозяйственная организация и практики коллективного принятия решений⁷⁰, эволюция сообществ во времени⁷¹, отношения родопоселенцев с соседями-селянами⁷².

Менее подробно описаны «эконоосферные» поселения Церкви Последнего Завета (виссарионовцы). В основном исследователи акцентируют внимание на их дисциплинарных

⁶⁸ Задорин, И. В. и др. Экопоселения как форма внутренней эмиграции. С. 5, 11–15.

Задорин, И. В., Мальцева, Д. В., Хомякова, А. П., Шубина, Л. В. Альтернативные сельские поселения: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 2. – С. 64–77.

Andreeva, J. Traditions and the Imagined Past in Russian Anastasian Intentional Communities.

Andreeva, J. “Fairyland”: Kin’s Domain as a Place of Utopia and Experiment.

Ожиганова, А. А. Дети New Age.

⁶⁹ Andreeva, J., Pranskeviciute, R. The Meanings of Family Homestead in the Anastasia Movement.

Октябрьская, И. В., Чиркина, Е. М. Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 726–730.

Бессонов, И. А. Календарные праздники современных экопоселениях.

Андреева, Ю. О. Модели сельской жизни в российских экопоселениях // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 52–69.

Польский, И. В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России» // Труды русской антропологической школы. – 2013. – Т. 12. – С. 136–155.

Демидова, Ю. А. Модели социальной интеграции на примере анастасийских экопоселений «Славное» и «Ковчег» // Социодинамика. – 2018. – № 5. – С. 1–7.

Демидова, Ю. А. Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной России // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 26–41.

⁷⁰ Андреева, Ю. О. Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные образы родовых поселений и «воплощение мечты» // Антропологический форум. – 2012. – № 17. – С. 101–128.

Андреева, Ю. О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии Нью-Эйдж в современной России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 // Андреева Юлия Андреевна. – СПб., 2017. – С. 135–138.

Позаненко, А. А. Факторы, определяющие успешность поселения родовых поместий // ЭКО. – № 2. – С. 143–157.

Позаненко, А. А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 129–153.

Позаненко, А. А. Два вида изолированных локальных сообществ как старые и новые тённисовские общности в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 20(3). – С. 161–178.

Андреева, Ю. О. Модели сельской жизни в российских экопоселениях.

Любимова, Г. В., Бут, М. О., Лугоненко, Д. С. «Сад как рай». Практики сакрализации пространства новых религиозных движений Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 3(37) – С. 345–356.

Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. Томск: Томское ЦНТИ, 2012. С. 109.

Селезнёв, А. Г., Селезнёва И. А. Идеиные и ландшафтные основы организации экопоселений (по материалам полевых этнографических работ в Омской области в 2019 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 736–742.

Октябрьская, И.В., Чиркина Е.М. Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика.

⁷¹ Кузнецов, Е. В. Жизненные циклы экопоселений // Крестьяноведение. – 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 170–179.

Гоманова

⁷² Долгих, Д. А. Из города в деревню: экопоселения в контексте социального взаимодействия «местных» и «пришлых» // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск I / под ред. А. А. Плеханова, Н. А. Лапкиной. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 38–48.

Позаненко, А. А. Два учения, два уклада: анастасийские и рериховские переселенцы в сельской местности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 64. – С. 164–171.

Андреева, Ю.О. «Новый мир» на краю деревни: родовые поместья и соседи // Вестник антропологии. – 2022. – № 1. – С. 104–116.

практиках, связанных с ориентацией на «светлое будущее»⁷³. Намеренные сообщества, появляющиеся в рамках New Age – движений, не имеющих «зелёной» идентичности описаны в единичных работах, прежде всего, в хозяйственном и гендерном ключе⁷⁴. Секулярные намеренные сообщества почти не представлены в историографии – исключение составляет одно поселение анархистов на Северо-Западе России⁷⁵.

Таким образом, среди российских намеренных сообществ этнографически оказываются изучены только сельские сообщества, почти всегда связанные с тем или иным учением New Age, городские сообщества и сообщества без артикулированной идеологии не затронуты вниманием исследователей.

Научная новизна исследования

Новизна диссертационного исследования включает в себя три аналитических линии.

Первая из них предполагает пересмотр некоторых подходов в анализе темпоральностей намеренных сообществ.

Поле петербургских коммун, частью которого являются весьма отличные друг от друга сообщества, позволяет предложить альтернативу традиционному для этой сферы исследований описанию намеренных сообществ как либо типологически единообразных (в т. ч. в темпоральном отношении), либо вовсе изолированных от других сообществ такого рода. Петербургские коммуны разного времени создания находятся во взаимном контакте и генеалогической связи друг с другом, что, с одной стороны, даёт возможность обобщённо описывать некоторые их темпоральные черты как части традиции, а с другой провести сравнение коммун различных в своей организации времени.

⁷³ Панченко, А. А. Утопия «Последнего завета» // Отечественные записки. – 2003. – № 3(12). – С. 317-320.

Панченко, А. А. Оккультизм и коммунистическая мораль: новые религиозные движения, советское прошлое и концепция метанарратива // Славянская традиционная культура и современный мир. – 2010. – Вып. 13. – С. 287-318.

Панченко, А. А. Деньги, эгоизм и конец света: «духовная экономика» новых религиозных движений // Фетиш и табу. Антропология денег в России. / под ред. Н. Стариковой. М.: ОГИ, 2013. С. 468-482.

Urbańczyk, J. Last Testament Church — the Power of Unanimity / Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / под ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 293-304.

Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 67-104.

⁷⁴ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 112.

Ожиганова, А. А. Конструирование традиции в неоязыческой общине «Правоведи» // Colloquium heptaplomeres. – 2015. – Т. 2 – С 30-39.

Селезнёв, А. Г. Полевое этнографическое изучение экопоселений: кейс поселения Азь Градь Омской области // Проблемы, археологии, этнографии и сопредельных территорий. – 2021. – Т. XXVII. – С. 933-939.

Позаненко, А. А. Два учения, два уклада.

⁷⁵ Крыков, Е. А. Анархия-в-деревне.

Материалы петербургских коммун также позволяют уйти от жёсткого разделения утопических и неутопических сообществ, сводящего организацию времени в сообществе к одной темпоральности (например, проживаемому утопизму). Взаимодействие между темпоральностями, ориентированными на «светлое будущее», и темпоральностями, отрицающими его, имеющее место в некоторых коммунах, даёт возможность рассмотреть намеренное сообщество как темпорально неоднородное.

Наконец, анализ взаимодействия темпоральностей позволит отказаться от подспудного разделения темпоральностей на внешние и внутренние по отношению к намеренному сообществу. Будет показано, что темпоральности, которые могут быть описаны как существующие вне коммуны, также определяют и определяются внутренней жизнью коммунаров, как и те, что принято интерпретировать как внутренние (например, повседневные циклы).

Вторая линия новизны диссертационного исследования включает в себя ряд дополнений к существующим концепциям внутри антропологии времени.

Среди таковых аналитика темпоральной множественности Н. В. Ссори́на-Чайкова, настаивающего на том, что следующим шагом за описанием многообразия темпоральностей должен стать анализ отношений между этими темпоральностями. Исследователь предлагает краткую типологию этих отношений, которая, по его же собственным словам, может быть дополнена⁷⁶. В этой диссертации рассматривается тип отношений между темпоральностями, не описанный в концепции Н. В. Ссори́на-Чайкова.

Также, благодаря обращению к социальной топологии Дж. Ло⁷⁷, появляется возможность более структурно анализировать темпоральные множественности – совокупности темпоральностей и отношений между ними. Темпоральности не просто вступают в отношения друг с другом, они образуют некоторые целостные объекты (в данном случае коммуны с их темпоральной спецификой), не просто включающие в себя совокупность этих отношений, но строящиеся вокруг их ядра, в котором присутствуют отношения, конституирующие ту или иную темпоральную множественность.

В работе также предлагается темпоральная интерпретация концепции киборга М. Стратерн. Предлагаемое исследовательницей понимание киборга как отношений распределённой

⁷⁶ Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 9-11, 19-39.

⁷⁷ Ло, Дж. Объекты и пространство.

агентности, в которых один агент оказывается представлен другим⁷⁸, я связываю с темпоральностью, в рамках которой прошлое и настоящее оказываются неразделёнными.

Наконец, в работе особым образом развивается концепция длительной временности – темпоральности, предполагающей отказ от устойчивого будущего и прошлого в пользу принципиально временного и неустойчивого настоящего. Исследователи, концентрирующиеся на эмпирическом изучении этой темпоральности, обращают своё внимание на её роль в жизни трудовых мигрантов⁷⁹. В работе показывается, что она может быть характерна и для такой во многом стационарной формы жизни как коммуна.

Третья аналитическая линия, на которой основывается новизна исследования, связана с заполнением лакун в российском эмпирическом контексте.

Среди современных российских намеренных сообществ этнографическим описанием охвачены, прежде всего, сельские коммунальные поселения, связанные с теми или иными движениями New Age. Исследование коммун Петербурга позволяет перенести акцент на анализ намеренных сообществ в городе, описанных только исторически, а также рассмотреть пример секулярной и идеологически не артикулированной формы коммунарских практик и, благодаря этому, рассмотреть их как образ жизни, а не как форму реализации того или иного учения.

Научно-практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в преподавании ряда дисциплин в системе высшего образования: курсов по антропологии времени, экономической антропологии, антропологии субкультур, социологии молодёжи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Темпоральности, ориентированные на «светлое будущее» в петербургских коммунах были вытеснены темпоральностями, предполагающими принципиальную неопределённость общего будущего. Были выработаны способы избегать формулирования общего будущего, дабы избежать конфликтов на этой почве. Таким образом, коммуны, описываемые в работе, не просто

⁷⁸ Strathern, M. *Partial Connections*. Walnut Creek, Lanham, New York, Toronto, Oxford: Altamira Press, 2004. P. 38–40.

⁷⁹ Biao, X. *The Making of Mobile Subjects: How Migration and Institutional Reform Intersect in Northeast China* // *Dialogue*. – 2007. No. 50(4). – P. 69–74.

Ramsay, G. *Time and the Other in Crisis: How Anthropology Makes Its Displaced Object* // *Anthropological Theory*. – 2019. – No. 20(4). – P. 385–413.

Бредникова, О. Е., Ткач О. А. Дом для номады // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2010. – №3. – С. 72–95.

Бредникова, О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // *Журнал исследований социальной политики*. – 2020. – №18(4). – С. 705–720.

не являются утопическими, они связаны с отказом от префигуративной политики и утопических темпоральностей.

2. Неудачные попытки утверждения общего проектного будущего в коммунах, видимо, связанные с логикой префигуративной политики, предполагали не только идеологические новшества, но и унификацию правил жизни в сообществе и, таким образом, циклов повседневного времени. Отказ от общего проектного будущего связан с переходом от унификации циклов к логике бриколажа, то есть совместного сосуществования некоторого разнообразия повседневных циклов характерных не для коммуны в целом, а для разных её коммунаров.

3. Коммуна рассматривается её жителями как объединяющая в себе место общения и уединения. С этим связана особая темпоральность общения, более доступного нежели общение с друзьями за пределами коммун. Эта темпоральность имеет экспансивный характер, она вытесняет собой темпоральность саморазвития и (частично) цикл воспроизводства рабочей силы, заставляя преобразовывать последний в темпоральность precarious труда.

4. Длительная временность – темпоральность характерная для некоторых коммун – обеспечивает восприятие реалий коммуны её жителями как устойчиво временных и непостоянных, находящихся в отношениях сменяемости. Это позволяет также воспринимать разные варианты организации времени в коммуне как временные, когда одна темпоральность может легко смениться другой. Таким образом, длительная временность обуславливает сосуществование, казалось бы, исключаящих друг друга темпоральностей и потенциально конфликтующих на этой почве групп коммунаров.

5. Распределённая агентность коммунаров, организованная посредством киборга по М. Стратерн, создаёт темпоральность присутствия жителей коммуны, уже покинувших её. В рамках этой темпоральности имеет место единство прошлого и настоящего. Ей противостоит товарная форма времени, связанная с отношениями аренды, чётко разделяющая прошлое, настоящее и будущее. Эти темпоральности балансируют друг друга, когда первая вытесняет вторую или вторая первую в тот или иной момент.

6. Коммуны как темпоральные множественности, то есть, разнообразия темпоральностей находящихся в различных отношениях друг с другом, организуются вокруг ядра отношений между темпоральностями, которые конституируют коммуны. К таким темпоральностям принадлежат арендный цикл и экспансивное время общения. Как конституирующие для коммуны воспринимаются люди, вытесняющие из своей жизни другие темпоральности в пользу названных.

7. Темпоральное разнообразие петербургских коммун может быть описано их эмной типологией, носящей паразитнографический характер: коммуны-тусовки, коммуны-семьи и

коммуны – общего дела. Первая отрицает устойчивое будущее и прошлое, будучи ориентированной на настоящее, вторая строится вокруг общего прошлого, а третья связана с существованием общего будущего, имеющего, впрочем, не утопический характер, но существующего в рамках совместных проектов коммунаров.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность исследования обеспечивается собранными автором полевыми материалами в коммунах Санкт-Петербурга.

Основные результаты и выводы диссертации опубликованы в 3 статьях в научных журналах (в том числе 2 статьи – в научных изданиях из перечня ВАК РФ). Автор диссертационного исследования в 2022–2025 гг. принимал участие в исследовательском проекте РНФ (23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов» рук. Н. В. Ссорин-Чайков).

Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на следующих конференциях, форумах и семинарах:

1) «Отношения темпоральностей и границы приватности в городской коммуне»; XVIII Всероссийская (с международным участием) научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Человек, сообщества, государства в социально-гуманитарных исследованиях» (Томск, 19-21.04.2023);

2) «(Не-) капиталистические киборги: о соотношениях капиталистической и нерыночной экономики в городской коммуне»; Международная научная конференция III Томский Антропологический Форум: «Страхи и надежды в мире ускользящего благополучия» (Томск, 3-5.10.2024);

3) «Киборги и отношения в петербургской городской коммуне»; Антропологический кружок (Санкт-Петербург, 20.01.2025);

4) «Коллективное безответственное» как Номо тајог в санкт-петербургской коммуне»; Семинар городской антропологии ИЭА РАН (Москва, 2.04.2025);

5) «Этнограф и параэтнограф: о роли исследователя в рефлексии "коммунарской" жизни его информантами»; Социально-антропологическая конференция Майский СБОР 2025: «В поле — зрение, или в поле зрения?» (Санкт-Петербург 15.17.2025);

6) «Неуничтожимое знание»: о практиках безвременья в диалоге этнографа и информантов»; XVI Конгресс антропологов и этнологов России (Пермь 2-6.07.2025);

7) «Застолье без еды: о праздниках в городской коммуне»; Всероссийская научная конференция «Еда и застолье с точки зрения антропологии домохозяйства и экологии культуры» (Владивосток, 28-31.10.2025);

8) «Параэтнография петербургских коммунаров»; Антропологический кружок (Санкт-Петербург, 2.02.2026).

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК и индексируемых в RSCI, Scopus и Web of Science:

1. Котельников, А. В. Время без обязательств: темпоральная множественность и устойчивость городской коммуны // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2024. – № 16(2). – С. 4–23.

2. Котельников А. В. Отношения и киборги: публичное и приватное в городской коммуне // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2025. – №3(28). – С. 228–257.

3. Котельников, А. В. “Коллективное безответственное”: о попытках создать “общество” в петербургской коммуне // *Этнографическое обозрение*. – 2026. – № 6. – С. 212–233.

Глава 1. Методологические моменты и объект исследования

1. Методы и формы полевой работы в коммунах Петербурга

В рамках исследуемого мною поля петербургских коммун можно выделить три формы этнографической работы, предполагающие разные наборы методов и особенностей взаимодействия с информантами.

Первая предполагала моё появление в той или иной коммуне в качестве гостя кого-либо из её жителей, либо же в качестве участника проводимого в ней мероприятия. Такого рода взаимодействие было связано с необходимостью вести полевую работу с теми, с кем я не был знаком заранее. Оно имело место в отношении почти всех коммун, исключение составили прежде всего те из них, что прекратили своё существование к моменту моего с ними уже заочного знакомства.

Роль гостя предполагала открытую позицию исследователя: я договаривался с тем или иным участником сообщества об интервью, находя его контакты на интернет-страницах коммун или же знакомясь через других информантов. За интервью следовали знакомства с другими жителями, которые также предполагали возможность взять интервью у них. Интервью часто были групповыми или предполагали присутствие слушателей. В некоторых коммунах я появлялся вновь и вновь с просьбой рассказать о жизни и истории сообщества. Интервью сопровождались верандной этнографией, игнорирующей призыв «спуститься с веранды» («*come off the verandah*»), приписываемый Брониславу Малиновскому – я не разделял с информантами их повседневности, соответственно, мои наблюдения не предполагали включённости и были слабо контекстуализированы (прежде всего, посредством интервью)⁸⁰. Во время такого рода гостевого/верандного взаимодействия я рассматривал коммуну как потенциальное место для проживания и включённого наблюдения, либо уже являлся жителем другой коммуны, в этом случае многие не только знали о моей деятельности как этнографа, но и репрезентировали меня как коммунара из другого сообщества. Участие в мероприятиях сопровождалось беседами с информантами, которые не фреймировались как интервью – они не назывались «интервью», не записывались на диктофон и, соответственно, не предполагали разрешения на аудиозапись.

⁸⁰ Kuper, A. *The Chosen Primate*. P. 203.

Okely, J. *Anthropological Practice Fieldwork and the Ethnographic Method*. London, N. Y.: Routledge, 2012. P. 1, 17–19, 76.

В одном случае такого рода этнографическая работа была связана с моим проживанием в коммуне. Наведавшись в Первый Дом на линии (о названиях коммун и их особенностях я расскажу несколько позже) в качестве зрителя заявленного в соц. сетях кинопоказа, а затем придя туда по договорённости об интервью, я поинтересовался у коммунаров могу ли я пожить в ней. Мне предложили пожить в качестве «вписчика», то есть не становится участником коммуны, но остаться в ней в качестве гостя с несколькими ночёвками⁸¹. Поскольку срок «вписа», не предполагавший проведения дополнительного собрания по этому поводу, составлял три дня, моё проживание в Доме было трёхдневным, однако короткие сроки не позволили сильно обогатить контекстуализацию, интервью с диктофоном также проводились ежедневно, беседы с моим участием, которые бы не фреймировались таким образом, были практически вытеснены.

В коммунах, которые я только посещал в том или ином качестве, или жил в них совсем недолго, в общей сложности было записано 31 интервью.

Вторая форма взаимодействия была связана непосредственно с включённым наблюдением и проживанием внутри коммуны. Это касалось ДОма на синей ветке (кратко её называют «ДОм»), в котором я жил с января по март 2022 года, и коммуны «Норм», участником которой я являюсь с начала ноября 2024.

Работа в ДОме разделилась на три этапа.

Первые пару декабрьских недель 2021 года моё присутствие в нём сводилось к описанной верандной этнографии и проведению интервью.

Второй этап продлился с января по февраль 2022 года и был связан с моим переездом в ДОм и возможностью вести активное включённое наблюдение. Всё это время многие информанты знали о моей позиции исследователя, значимую их часть это, впрочем, вовсе не интересовало, они называли наше общение дружеским, а «Антрополог» на какой-то период стало моим прозвищем (прозвища имели многие жители коммуны)⁸², в связи с этим моё наблюдение трудно охарактеризовать только как скрытое или открытое.

Большую часть времени я вёл наблюдение в местах, которые используют все или почти все «домашние» (так называли себя жители ДОма) – например, в гостиной или курилке – там же я проводил интервью. Наблюдения не были структурированы, не имели жёсткого графика, поскольку члены сообщества предпочитали бывать в одних и тех же местах в разное время в течении суток, в том числе ранним утром и поздней ночью. Я фиксировал свои наблюдения в

⁸¹ ПДА 2021a

⁸² ПДА 2022

телефоне, что позволяло не привлекать к этому отдельного внимания, а затем переносил в дневник, в других случаях фиксировал их в дневнике по памяти. Наблюдениям сопутствовали неформальные интервью – я инициировал беседы и вмешивался в них, тем самым воспроизводя типичные для коммуны практики, поскольку в гостиную многие «домашние» часто приходили именно за беседами. Соответственно, такие интервью часто были групповыми и предполагали дискуссию. В этом случае интервью и наблюдения трудно разделить как разные группы методов.

Некоторая часть моих разговоров с информантами также напрямую фреймировалась как интервью. Такие интервью проводились по мягкому опроснику и часто переносились в личные комнаты, если же они проходили в гостиной или, например, на курилке, то это совпадало с временем, когда там было мало посторонних или же их не было вовсе. Я часто проводил интервью с бывшими жителями ДОма, которые оказывались там в гостях.

В попытках расширить пространство бесед за пределы «общих мест» (типа гостиной и курилки) я, пользуясь тем, что многие знали о моих исследовательских намерениях, просил информантов проводить мне экскурсии в их комнатах. Некоторые интересовались, зачем мне это нужно, в ответ я рассказывал о том, что жилище – классическая для антропологии тема, подобно тому, как изучаются жилища разных народов, исследуются жилища современных горожан, а, тем более, тех, что живут в коммунах⁸³. Экскурсии имели сходство с нарративными интервью, рассказ строился на том, в каком порядке от места начала экскурсии были расположены вещи и элементы интерьера. Вещный мир комнат служил иллюстрацией к рассказам о прошлом ДОма и провоцировал жителей комнат на воспоминания о его происхождении и связанных с ним событий.

Экскурсии проводили для меня и бывшие жители коммуны, они могли многое рассказать о предметах, граффити и т. п. в «общих местах», в ещё большей степени обращаясь к прошлому в своих рассказах. Кроме того, благодаря ним я мог наблюдать практики возвращения в коммуну тех, кто в ней уже не живёт⁸⁴.

На третьем этапе своего исследования, покинув ДОм в марте 2022 года я сам стал его бывшим жителем и посещал коммуну в качестве гостя, а затем предпринимал попытки вернуться туда в статусе жителя. Я также имел возможность вести наблюдения в «общих местах», чаще всего это происходило на открытых мероприятиях, и продолжал брать интервью. От верандной этнографии это отличалось значительно более широким знанием контекста, накопленным мной

⁸³ ПДА 2022

⁸⁴ ПМА 2022а

во время жизни в ДОме, кроме некоторые информанты периодически рассказывали мне о ситуации в коммуне по переписке или при личных встречах⁸⁵.

Некоторое количество интервью, как во время моей жизни в ДОме, так и после, переходило в переписку в соцсетях. Как правило там я задавал «вопросы вдогонку» или информант, продолжая размышлять над интервью, предлагал мне свою рефлексия на тему нашего разговора – часто она также касалась прошлого коммуны⁸⁶.

В совокупности с «домашними» было записано 79 интервью (из них 8 с бывшими жителями коммуны), фреймированных как интервью, подсчитать количество неформальных интервью не представляется возможным.

В процессе исследования в моём распоряжении также появилось небольшое количество документальных и медиасвидетельств жизни ДОма: два кратких видеосюжета журналистов петербургских городских телеканалов и два короткометражных фильма, созданных студентами-кинематографистами, побывавших там в тот или иной период существования коммуны, а также блог одной из ныне бывших жительниц ДОма в Telegram (из соображений анонимизации вопрос о доступности материалов я оставляю за скобками). Ссылки на эти материалы я получал от бывших и нынешних жителей ДОма или находил в интернете.

Прежде чем стать, участником «Норм» – другой коммуны, где я имел возможность вести включённое наблюдение, я познакомился с её членами лично и заочно на мероприятиях, организовывавшихся в других коммунах. Узнав о поисках нового коммунара, я занял создавшуюся вакансию.

Все жители «Норм» знают о моей позиции исследователя, впрочем, считая меня человеком с «коммунарским опытом», поскольку им известно, что я жил в ДОме на синей ветке. Обо мне имеют обыкновение рассуждать как о коммунаре, например, отрицательно отвечая на мой вопрос о том должен ли пройти «посвящение в коммунары» (ритуал без устойчивого состава практик) – предполагается, что я уже являлся коммунаром, прийдя в «Норм». Иногда это заявлялось более эксплицитно: мои вопросы о существовании общей «закупки», комментировались фразой «Приятно иметь дело с тем, кто понимает в коммунарских делах»⁸⁷.

С точки зрения моих информантов, я скорее являлся и являюсь коммунаром, занимающимся антропологией, чем антропологом, который поселился в коммуне.

⁸⁵ ПДА 2023-2024

⁸⁶ ПМА 2022a

⁸⁷ ПДА 2024c

Большую часть времени я имел и имею возможность вести наблюдение в гостиной, на кухне и в комнатах, где я жил или живу с другими коммунарами. Там же я проводил и провожу интервью. Кроме того, я был участником переезда коммуны из одной квартиры в другую и имел возможность вести наблюдения не только в нынешнем месте проживания коммунаров, но и в квартире, которую они занимали до того. Наблюдения не были и не являются структурированными. Я фиксировал наблюдения в телефоне, что позволяло не привлекать к этому отдельного внимания, а затем переносил в дневник наблюдений, в других случаях также фиксировал их в дневнике по памяти. Наблюдениям, как и в ДОме на синей ветке, сопутствовали неформальные интервью.

Интервью проводились по мягкому опроснику и, как правило, являлись биографическими, либо касались прошлого тех или иных коммун. В большинстве случаев они не представляли собой цельных нарративов⁸⁸: повествование информантов, часто прерывалось после рассказа об основании той или иной коммуны фразой типа «А теперь задавай вопросы»⁸⁹, на этих этапах темы и структура интервью определялись опросником.

Как и в ДОме на синей ветке, я имел возможность брать интервью-экскурсии. Перед переездом на новую квартиру я просил информантов проводить мне экскурсии по квартире, которая в скорости должна была быть нами покинута. Экскурсии также имели сходство с нарративными интервью, рассказ строился на том, в каком порядке от места начала экскурсии были расположены вещи и элементы интерьера. Вещный мир «Норм», как и вещный мир ДОма, служил иллюстрацией к рассказам о её прошлом и провоцировал коммунаров на воспоминания о его происхождении и связанных с ним инцидентов.

В совокупности было записано 10 интервью (из них 4 в качестве экскурсий и 6 в качестве биографических нарративов), фреймированных как интервью.

Наконец, третьей форма полевой работы была вовсе вынесена за пределы коммун и носила чисто устно-исторический характер. Её целью было получение информации о прошлом ныне существующих коммун и о коммунах, прекративших своё существование к моменту исследования. Соответственно, она представляла собой интервью с теми, кто когда-то жил в коммунах, но на момент разговора покинул их – это были как бывшие жители существовавших на тот момент коммун, так и те, кто участвовал в жизни уже распавшихся. Поиск таких информантов осуществлялся методом снежного кома. Было записано пять интервью. Историям

⁸⁸ Бурдьё, П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2002. – № 1. – С. 75-81.

⁸⁹ ПМА 2024а, 2025

распавшихся коммун также были посвящены биографические интервью и беседы с моими соседями по ДОму на синей ветке и «Норм», однако они часто также были связаны с реалиями коммуны, где проводилось интервью.

2. Параэтнография и реципрокность в поле

Моё взаимодействие с информантами часто имело реципрокный характер. Многие из них вменяли мне экспертность в социальных науках. Меня спрашивали о том, как антропология и историческая наука смотрят на те или иные вопросы. Во время интервью я делился этнографическими анекдотами, почерпнутыми из книг и статей, а некоторые информанты, давая мне биографическое интервью, просили выслать им запись, дабы повторно отрефлексировать высказанные ими мысли. Интересовались также моей рефлексией – по окончании интервью спрашивали «Ну, и что ты из этого вынес?»⁹⁰. Реципрокность породила и особые жанры коммуникации: во время новоселья («день открытия») в коммуне я читал для всех желающих заранее заявленную лекцию⁹¹.

С реципрокными особенностями моего исследования было связано появление ключевых информантов в ДОме на синей ветке (их было двое). Я обращался к ним за интерпретацией произошедших в коммуне событий, когда не мог поговорить с непосредственными участниками. Они также описывали и комментировали события в коммуне, которые я пропускал, уезжая. Они же рассказывали мне о делах в ДОме, когда я переехал из него, приглашали меня в гости. Среди прочего, их интересовала моя интерпретация того, что происходило. Я имел возможность обсуждать с некоторыми «домашними» свои гипотезы и концепции, а также расшифровывать их интервью, получая комментарии к тексту их же рассуждений.

Особая форма реципрокности связана с особенностью поля, для обозначения которой Дуглас Холмс и Джордж Маркус ввели термин «параэтнография». Исследователь называет параэтнографией те практики своих информантов, которые направлены на отстранённое описание окружающих их культурных реалий. Информант, практикующий такого рода сходную с научной этнографией аналитику, таким образом, выступает как параэтнограф⁹².

⁹⁰ ПДА 2021-2025

⁹¹ ПДА 2024с

⁹² Criado, T. S., Estalella A. *Experimental Collaborations*.

Holmes, D. R., Marcus G. E. *Collaboration Today and the Re-Imagination of the Classic Scene of Fieldwork Encounter*.
Marcus, G. E. *Collaboration Mode 3: A Found Condition of Anthropological Field Research Today*.

Параэтнографические наблюдательные и описательные практики распространены в коммунах Петербурга и других городов, их жители периодически выступают в качестве исследователей своих или чужих коммун или в качестве их информантов.

Так, один из моих информантов утверждал, что его первый опыт знакомства с другими коммунами был связан с посещением их в попытках узнать у тамошних жителей, как устроено их обращение с общим бюджетом, коллективное принятие решений и т. д.⁹³

Нечто подобное демонстрировали посетившие «Норм» гости из московской коммуны. Один из них подготовил вопросник, вопросы из которого задавал мне и моим соседям, не возражая против пространных ответов. Интервьюер интересовался, по каким причинам каждый из нас выбрал Петербург для жизни, отличаются ли петербургские коммуны от московских, есть ли в «Норм» те или иные традиции, что «самого значимого» тот или иной его собеседник, по собственному мнению, сделал для «коммунарского движа», зачем вообще жить в коммуне. Позже он добавил вопросы «Что самое ценное в жизни коммуны?», «Без чего коммуна не может существовать?» и пр. Вероятно, он предлагал эту анкету и жителям других коммун, в которых гостил разные дни своей поездки⁹⁴.

Параэтнографические отчёты, обобщающие их наблюдения, жители коммун часто публикуют в своих Telegram-каналах. Одна из жительниц ДОма, целиком посвятила свой канал жизни «домашних». Эти размышления также звучали во время интервью: отвечая на очередной вопрос о коммунарской жизни, тот или иной информант начинал с фразы «У меня есть теория...»⁹⁵, а позже мог поинтересоваться, что об этом может сказать антрополог (например, «... что твои думают по этому поводу?»⁹⁶).

Некоторые свои тексты информанты-параэтнографы создавали в диалоге со мной. Я мог выступать в качестве того, кто может рассказать о жизни в других коммунах или выполнять некоторые функции медиатора, с которым советовались о том, как лучше описать компромисс, найденный в результате острого спора на тему коммун⁹⁷.

Преследуя сходные с моими информантами цели, я получил возможность использовать их рассуждения для анализа коммунальных реалий.

⁹³ ПДА 2024с

⁹⁴ ПДА 2025

⁹⁵ ПДА 2024с

⁹⁶ ПДА 2022

⁹⁷ ПДА 2024с, 2025

Я также полагаю, что взаимодействие параэтнографического и этнографического описания позволяет решить некоторые методологические проблемы взаимодействия с петербургскими коммунами как объектом исследования.

Антрополог-африканист Йоханнес Фабиан, анализируя темпоральные особенности этнографических исследований, охарактеризовал описания, создаваемые исследователем как проявления логики «этнографического настоящего» (*ethnographic present*), предполагающего вневременное повествование о реалиях анализируемого поля⁹⁸. Такого рода методологическое обобщение проблематично в рамках изучения петербургских коммун и жизни их обитателей. Исследуемые мной коммуны распались и появлялись во время проведения полевой работы в их стенах или же у их соседей. При этом распавшаяся коммуна не уходила из фокуса моего наблюдения: выходцы из неё продолжали основывать новые коммуны или принимать участие в жизни тех, что продолжали существовать. За время написания и редактирования одной статьи сменялись перечисленные в ней коммунары, а число коммун той или иной волны, упоминавшееся в качестве вводной информации, приходилось уменьшать и увеличивать. Такого рода непостоянство объекта исследования соседствовало неоднородности исследовательских практик. Как уже было сказано в предыдущем параграфе, в каких-то случаях я имел возможность вести включённое наблюдение, а в других мог ограничиться только интервью и верандной этнографией. Таким образом, результатом исследования можно считать не вневременное описание в понимании Й. Фабиана, но некоторую совокупность ситуаций, в которых участвовали этнограф, информанты и другие агенты изучаемого им поля (например, созданные ими граффити или тексты).

Такого рода исследовательские обстоятельства антрополог-меланезист Мэрилин Стратерн концептуализировала с помощью понятия этнографического момента (*ethnographic moment*). Исследовательница призывает отказаться от восприятия этнографии как создания вневременного описания в пользу обобщения этнографических моментов, делающих конкретное этнографическое описание открытым к изменению процессом⁹⁹.

В обстоятельствах поля петербургских коммун совокупность этнографических моментов не является столь связной. Полученные наблюдения не только рознятся во времени, они принадлежат к контексту разных сообществ, изменения внутри которых не представляется возможным отслеживать параллельно. Я полагаю, что обращение к параэтнографии может

⁹⁸ Fabian, J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N. Y.: Columbia University Press, 1983. 205 p.

⁹⁹ Strathern, M. *Property, Substance and Effect: Anthropological Essays on Persons and Things*. London, New Brunswick: The Athlon Press, 1999. P. 3-6.

послужить связующим материалом для создания внутренне единого исследования. Обобщения, проводимые самими жителями коммун, будучи дополнением к обобщениям со стороны этнографа, позволяют верифицировать последние на предмет искусственности, т. к. опыт коммунарской жизни многих информантов, значительно превосходит таковой у этнографа. Разрозненность тех или иных фрагментов поля, таким образом, может быть преодолена путём верификации одного обобщения другим.

3. Исследования темпорального разнообразия в намеренных сообществах

Связь проблематики антропологических исследований времени и намеренных сообществ, в т. ч. городских коммун, как было сказано ранее, проявляется уже в определениях намеренного сообщества, принятых в историографии.

Расхождение в определениях намеренного сообщества имеет темпоральный характер. Если более широкое определение связывает «намеренность» только с намерением быть сообществом, то узкое считает намерение связанным с будущей целью, к которой сообщество должно стремиться.

На последнем определении основывается традиция описания намеренных сообществ как ориентированных на утопическое будущее – мест локальной реализации утопий.

Такая сцепка будущего, проявляющего себя в утопической идеологии, и настоящего, определяемого повседневностью сообщества, описывается Люси Саргиссон и Майклом Сарджентом в рамках концепции проживаемого утопизма (*lived utopianism*). Обобщая материалы исследований новозеландских и британских сообществ, авторы рассматривают реалии настоящего как сопротивляющиеся переходу в «светлое будущее» – жителям идеологизированных коммун, экопоселений и пр. не удаётся сразу достигнуть желаемого. Они сталкиваются с тем, что те или иные практики, нацеленные на построение утопии (например, те или иные особенности диеты) не усваиваются всеми участниками намеренных сообществ, по этой причине любая сложившаяся в них ситуация, не соответствующая утопическим ожиданиям, становится временной, подлежащей постепенному или скорейшему преодолению в пользу приближаемого будущего. Это и называется проживаемым утопизмом¹⁰⁰. Практиками проживаемого утопизма можно считать и описываемую исследователями советских городских коммун 1920-х годов «научную организацию труда» и рабочего времени¹⁰¹.

¹⁰⁰ Sargisson, L., Sargent M. Lived Utopianism.

¹⁰¹ Willimott, A. Living the Revolution.

Темпоральные отношения такого рода также описываются с помощью понятия префигуративной политики (*prefigurative politics*), предложенного Карлом Боггсом. Под ней понимаются собственно попытки создать в настоящем островок «светлого будущего», которое настанет уже не для узкого круга людей (например, коммуны), а для всего окружающего общества¹⁰². Эмпирическими примерами анализа такого рода образа жизни на российском материале можно считать исследования энгельгардтовских коммун последней трети XIX века¹⁰³ и работу Егора Крыкова, описывающего жизнь современного анархистского поселения¹⁰⁴.

Ориентация намеренных сообществ на утопическое будущее связывается и с такой темпоральной особенностью как непостоянность и временность. Основой такого рода анализа часто служит концепция временных автономных зон (*temporary autonomous zones*) американского теоретика анархизма Хаким Бей и его сторонников, настаивавших и настаивающих на том, что зачатками будущего утопического общества служат недолговременные горизонтальные формы организации людей, которые быстро появляясь и распадаясь, тем не менее, вносят вклад в социальные изменения¹⁰⁵.

Такую особенность современных утопических намеренных сообществ отмечает и М. Сарджент, уподобляющий их бахтинскому карнавалу¹⁰⁶. На эмпирическом материале дублинских и лондонских коммун-сквотов подобное показывают Рэйчел МакАрдл и Роуэн Миллиган: исследователи демонстрируют, что несмотря на кратковременность существования сообщества, причиной которой являются принудительные выселения, его участники приобретают новые поведенческие и эмоциональные модели¹⁰⁷. Назима Кадыр считает практики сквотов квазиинициацией многих молодых жителей Амстердама, которые участвуют в сквотах, ассоциируя своё при этом будущее с другими сферами самореализации (типа семьи, карьеры и

Willimott A. 'How do you live?'

Stites R. Communes in the Town.

¹⁰² Boggs, C. Marxism, Prefigurative Communism and the Problem of Workers' Control.

Boggs, C. Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power.

¹⁰³ Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты).

Гордеева, И. А. Забытые люди.

Паназтов, О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница».

Трёхбратов, Б. А. Кубанская интеллигенция в поисках идеальных форм жизни и быта (конец XIX – начало XX вв.).

¹⁰⁴ Крыков, Е. А. Анархия-в-деревне.

¹⁰⁵ Бей, Х. Автономные зоны: временные и постоянные.

Graeber, D. Direct Action.

Holloway, J. Crack Capitalism.

Ssorin-Chaikov, N. Sociopolitics.

¹⁰⁶ Sargent, M. Utopianism: a Very Short Introduction. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 64-65.

¹⁰⁷ McArdle, R. 'Squat City'.

Milligan, R. Cracking Buildings, Cracking Capitalism.

брака), благодаря этому сквот и приобретает свою временность¹⁰⁸. Таким же образом, Ричард Стайтс характеризует студенческие коммуны 1920-х годов, которые как уже было сказано выше, воспринимались их участниками как временный этап в жизни молодого человека¹⁰⁹.

Парадоксальным образом текучесть и временность намеренных сообществ, не являющимися сквотами, связывают, наоборот, со стабильностью и долговременностью их существования. Хильке Кулман, описывающая трудовые практики в американском экопоселении Твин Оукс, существующем с 1960-х годов, указывает на то, что большинство его участников справляются со своими трудовыми обязанностями (прежде всего сельскохозяйственными) только первые месяцы, а затем покидают сообщество, убедившись в том, что не разделяют его трудовую этику. Однако вслед за ними приходят новые, крайне позитивно настроенные к труду в экопоселении как к альтернативе капиталистической экономике. Таким образом, постоянная текучесть участников сообщества делает её хозяйство жизнеспособным уже несколько десятилетий¹¹⁰. Хелена Серменьо, Нада Бретфелд и Флорис Бернхардт считают текучесть участников таким же условием устойчивости коммун в некоторых городах Германии, которые, по их мнению, получают с новыми участниками новые формы взаимодействия между разнообразными людьми, что делает это взаимодействие менее конфликтным и позволяет сообществу сохраняться¹¹¹.

Исследователи, впрочем, отмечают и отход многих намеренных сообществ от утопизма. Та же Л. Саргиссон анализирует эту особенность в американских сообществах совместного проживания (*cohousing*), участники которых негативно относятся к утопическим устремлениям, считая их нереалистичными. Автор полагает, что, несмотря на отказ от утопического воображения, жители кохаузингов занимают критическую позицию по отношению к мейнстримному образу жизни и, более того, не отказываются от созидания общего будущего, стремясь своими проектами и образом жизни, например, преобразовать к лучшему район своего проживания¹¹². Джошуа Локьер показывает подобное для двух экопоселений США: их участники сохраняют утопическое видение, признавая, однако, утопическое будущее недостижимым. Вместо этого, они считают важным вечное стремление к нему, которое, по их мнению, позволяет преобразовать общество к лучшему¹¹³. В наиболее радикальной форме это описывает Розабет

¹⁰⁸ Kadir, N. *The Autonomous Life?* P. 172-173.

¹⁰⁹ Stites, R. *Communes in the Town*.

¹¹⁰ Kuhlmann, H. *The Illusion of Permanence*.

¹¹¹ Cermeño, H., Bretfeld, N., Bernhardt, F. *Knowledge Practices Within and Beyond Sharing and Commoning Urban Initiatives*.

¹¹² Sargisson, L. *Second-Wave Cohousing*.

¹¹³ Lockyer, J. *Sustainability and Utopianism*.

Кантер, акцентируя внимание на городских коммунах американских мегаполисов ещё 1960-1970-х годов. Коммунальная жизнь для них не являлась ни средством достижения утопического будущего, ни локального или глобального преобразования общества, она была формой реализации ностальгии по ушедшему быту крестьянских общин и расширенных семей¹¹⁴. Впрочем, другие исследователи отмечают, что ностальгия вполне может сочетаться с утопизмом¹¹⁵, что соответствует и выводам исследователей описывающих поселения родовых поместий¹¹⁶, а также материалам Ю. Фюрст, связанными с Коммуной имени Жёлтой субмарины¹¹⁷.

На прошлое как источник солидарности в современных намеренных сообществах указывает также Хелен Джарвис, описывая британское сообщество совместного проживания. Она настаивает на том, что новые его новые участники, вовлекаясь в жизнь сообщества обретают три темпоральности, создающими общность между ними и их соседями: историческое, повседневное и экологическое время. Последние имеют циклический характер, а первое проявляет себя в памяти о конфликтах в сообществе¹¹⁸.

Эми Старечески, обобщая свою лонгитюдную этнографию нью-йоркских коммунальных сквотов, настаивает на важности конструирования их жителями исторического времени как средства легитимации их сообществ в глазах общества и государства. Создание исторического нарратива и архивирование связанных с ним источников о сквотах стало частью их компании против выселения¹¹⁹.

Вопрос о соотношении темпоральностей внутри намеренных сообществ и темпоральностей вне таковых обсуждается в небольшом количестве работ – прежде всего в разрезе взаимной альтернативности, взаимозамещения и конкуренции между ними.

Джозеф Манцелла считает, что переход к жизни в намеренном сообществе предполагает уход от глобальной темпоральности текучей модерности по Зигмунту Бауману, то есть ситуации, когда постоянная сменяемость реалий современности, приход всё большего и большего числа

¹¹⁴ Kanter, R. Commitment and Community. P. 166-169.

¹¹⁵ Manzella, J. Common Purse, Uncommon Future. P. 176-178.

¹¹⁶ Andreeva, J. Traditions and the Imagined Past in Russian Anastasian Intentional Communities.

Andreeva, J. "Fairyland": Kin's Domain as a Place of Utopia and Experiment.

Ожиганова, А. А. Дети New Age.

Andreeva, J., Pranskeviciute, R. The Meanings of Family Homestead in the Anastasia Movement

¹¹⁷ Fürst, J. "We All Live in a Yellow Submarine".

¹¹⁸ Jarvis, H. Saving space, sharing time.

¹¹⁹ Starecheski, A. Squatting History.

Starecheski, A. Ours to Lost. P. 191-256.

Starecheski, A. Squatters Make History in New York.

новаций разрывает линейность времени и делает его перманентно изменчивым¹²⁰. Намеренные сообщества, в свою очередь предлагают своим участникам принципиальное постоянство (этим, конечно, противореча описанному выше анализу временности)¹²¹.

Темпоральность городских коммун как темпоральность дружбы, связанной с отказом от планов развития отношений, рассматривает Анна Хейнонен. Исследовательница основывается на интервью с участниками городских коммун в нескольких городах Финляндии. Она противопоставляет темпоральности коммуны и дружбы биографическую темпоральность, включающую в себя планирование и создание семьи и брака. Благодаря последней участники коммуны принимают решение покинуть её, предпочитая семейную жизнь коммунарской¹²².

Более сложную картину множества темпоральностей в уже упомянутых нью-йоркских сквотах описывает Э. Старечески. Она связывает столкновение внешних и внутренних темпоральностей с процессом легализации сквоттерами занятого жилья. Обязанность по выплате ипотеки, вменённая участникам сквотов как обязательное условия легализации, привела к необходимости устройства их жителей на постоянную работу, с чем было связано разрушение календарных циклов, существующих в сообществах и включённых в них семьях¹²³.

Выводы

В сложившемся историографическом контексте представляется важным не только описать роль утопических темпоральностей в коммунах Петербурга, но и показать конкуренцию и отношения утопических и неутопических темпоральностей. В то время как в существующих исследованиях ориентированные и неориентированные на будущее намеренные сообщества рассматриваются изолированно, на материале коммун Петербурга можно показать конкуренцию стремления к «светлому будущему» и отказа от него в одних и тех же коммунах. Кроме того, работа в коммунах Петербурга позволяет описать не только отдельные коммуны с их темпоральной организацией, но целую сеть коммун с их разнообразием темпоральностей в сравнении и, до некоторой степени, взаимосвязи.

Анализ отношений между темпоральностями намеренных сообществ и темпоральностей внешнего по отношению к ним общества (текучей модерности у Дж. Манцеллы, ипотеки у

¹²⁰ Бауман, З. От паломника к туристу // Социологический журнал – 1995. – № 4. – С. 133–154.

Бауман, З. Текущая современность.

¹²¹ Manzella, J. Common Purse, Uncommon Future. P. 8-9, 31, 171.

¹²² Heinonen, A. Commitments beyond Coupledness.

¹²³ Starecheski, A. Ours to Lost. P. 191-256.

Э. Старчески, биографических планов у А. Хейнонен) также представляется не полностью адекватным петербургскому материалу. Этнография коммун Петербурга позволяет показать отсутствие границ между внутренними и внешними темпоральностями: время коммун не противопоставляется любому другому, темпоральное разнообразие коммун формируется как изнутри, так и извне.

Методологические особенности этнографического наблюдения в коммунах Петербурга также имеют темпоральный характер. Невозможность зафиксировать коммунарскую среду в сколько-нибудь неизменном состоянии (вплоть до постоянно меняющегося числа коммун) приводит к необходимости отказаться от описания этнографического настоящего в пользу этнографических моментов, которые могут быть обобщены, с одной стороны, посредством интеграции в исследование параэтнографии – этнографических построений не исследователя, но информантов, а с другой, использование комбинации различных этнографических методов. К этим методам принадлежат устно-исторические интервью, касающиеся уже исчезнувших сообществ и ушедших реалий ныне существующих коммун, длительное включённое наблюдение для коммун, в которых автор имел или имеет возможность жить, а также верандная этнография, которая позволила вести наблюдения в относительно большом количестве появляющиеся и исчезающих сообществ.

Глава 2. НАМЕРЕННЫЕ СООБЩЕСТВА В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Намеренные сообщества в России различных периодов, с одной стороны имеют крайне разнообразные формы, а с другой, обладают значительной степенью преемственности и взаимного культурного влияния (в т. ч. идеологического). Ниже эти связи будут показаны для разных волн коммуналистских движений и, в частности, для современных коммун Петербурга.

1. Намеренные сообщества в России XIX-XX веков

Наиболее ранние намеренные сообщества в России связываются исследователями с концом 60-х годов XIX века. Их относят к движению «интеллигентских» сельскохозяйственных коммун, получившим развитие в пореформенный период¹²⁴.

Ирина Гордеева подчёркивает разделение этого коммунитарного движения на две волны: энгельгардтовскую, связанную с идеей «окультуривания» деревни, основанную на теоретических построениях народника Александра Энгельгардта, и толстовскую, восходящую христианскому анархизму Льва Толстого¹²⁵.

Отмечается, что коммунитарное движение как утопический проект в Российской империи было двояким явлением: оно, с одной стороны могло служить приметой модернизации социального порядка, а с другой являлось проявлением его стабильности, внутри которой нонконформисты осуществляли поиск новаций¹²⁶.

Исследователи коммунитарного движения в Российской империи акцентируют внимание на идеологическом разнообразии участников энгельгардтовских коммун, настаивая на том, что значительная их часть вовсе не стремилась к привнесению «культуры» крестьянам, а принадлежала к адептам мистических и религиозных учений (например, теософии или баптизма)¹²⁷. С этим идеологическим разнообразием связывается непопулярность создания планов организации и уставов коммун. Объединяющим их началом служили, в большей степени, не идеологические дискурсы, а общие «культурные темы», определявшие содержание

¹²⁴ Гордеева, И. А. Забытые люди. С. 27.

¹²⁵ Там же

¹²⁶ Там же. С. 101-102.

¹²⁷ Панаэтов, О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница».

Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты). С. 90-121.

коммуникации их участников (например, идеализация крестьянства, космополитизм и элементы романтического национализма)¹²⁸.

Почву для конфликта внутри идеологического многообразия составляли разногласия между более молодыми и фундаменталистски настроенными и более опытными коммунарами¹²⁹.

Интерес образованных людей к коммунаам исследователи связывают с несоответствием распространённых в обществе дискурсов и практик – моральных суждений и действий, сопровождавшимся кризисом идентичности, характерным для молодых людей. Таким образом, выбор коммунарского образа жизни, будучи попыткой изменить общество, также предполагал работу по конструированию и совершенствованию себя¹³⁰. Мотивом ухода в коммуны служили не только попытки реализации коммунарных идеалов, но и стремление уйти от индивидуальной «неустроенности» в окружающем обществе, то есть отказаться от социального порядка, в котором потенциальные коммунары не смогли занять устраивающего их места¹³¹.

Необходимостью привести во взаимное соответствие дискурсы и практики объясняются и некоторые аспекты отношений жителей коммун с государством – отказы участвовать в бюрократических процедурах, следовать официальной религиозности¹³². Государство с подозрением относилось к проектам коммун: с одной стороны, предполагая их связь с революционной деятельностью, а с другой, не обнаруживая её¹³³.

Представители же самого революционного движения относились к коммунарам критически, поскольку те отказывались от насильственной борьбы за социально-политические изменения¹³⁴. Крестьянское же окружение часто воспринимало их как сектантов¹³⁵.

Распад большинства энгельгардтовских коммун связывается с их хозяйственной несостоятельностью, обусловленной резким переходом городских жителей к аграрному труду, для которого у них не было ни опыта, ни квалификации¹³⁶. Переход к сельской жизни также

¹²⁸ Гордеева, И. А. Забытые люди. С. 141–178.

¹²⁹ Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты). С. 114–121.

¹³⁰ Гордеева, И. А. Забытые люди. С. 101–127.

¹³¹ Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты). С. 21.

¹³² Гордеева, И. А. Забытые люди. С. 101–127.

¹³³ Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты). С. 133–136.

¹³⁴ Гордеева, И. А. Забытые люди. С. 188–206.

¹³⁵ Там же. С. 188–206.

¹³⁶ Панаэтов, О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница».

Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты). С. 106–111.

приводил к кризису идентичности многих коммунаров, рефлексировавших его как отказ от «интеллигентности», то есть, переход их интересов от интеллектуальной деятельности к хозяйственной¹³⁷. Впрочем, сами коммунары часто оценивали успех своих проектов не через долговременность существования коммун, а через количество людей, получивших коммунарский опыт¹³⁸.

Намеренные сообщества толстовцев были значительно менее однородными. Среди них выделяются «общины», обобществлявшие результаты труда; «артели», распределявшие продукт труда по степени вклада каждого; поселения единомышленников, которые предполагали взаимопомощь, но не совместный труд; и, вовсе не являвшиеся сообществами «хутора», где толстовцы и их семьи вели хозяйство принципиально отдельное от других толстовцев¹³⁹. Ефим Агарин также отмечает, что наиболее долговременными оказывались поселения единомышленников, т. к. отказ от обобществления труда позволял избежать конфликтов, связанных с распределением продукта, а также делал участников более заинтересованными в хозяйственной жизни¹⁴⁰.

Большинство среди представителей различных сословий, выбравших жизнь в той или иной коммуне к концу XIX века составляли разночинцы, на втором месте были крестьяне (прежде всего, середняки), а на третьем мещане и рабочие. После Революции 1905-1907 годов и столыпинской аграрной реформы возросла политизация и хозяйственная автономность отдельных крестьян, что привело к увеличению их доли в коммунах¹⁴¹.

Идеологическое разнообразие толстовцев-коммунаров было также велико как и в коммунах энгельгардтовцев: к ним примыкали теософы, джорджисты, пантеисты и пр.¹⁴²

В некоторых регионах (например, на Кубани и на Дону) коммуны были связаны между собой, а коммунары перемещались из одного сообщества в другое¹⁴³.

¹³⁷ Фатюшенко, А. В. Интеллигентские земельные коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты). С. 131-132.

¹³⁸ Там же. С. 143-150.

¹³⁹ Агарин, Е. В. Трудом рук своих. С. 134-137.

¹⁴⁰ Агарин, Е. В. Коммунитарное движение в России (1901-1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (53). – Ч. I. – С. 13-21.

¹⁴¹ Агарин, Е. В. Трудом рук своих. С. 270-279.

Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России. С. 42-58.

¹⁴² Там же. С. 64-67.

¹⁴³ Трёхбратов, Б. А. Кубанская интеллигенция в поисках идеальных форм жизни и быта (конец XIX – начало XX вв.).

Хозяйственная этика толстовцев, определяла жизнь в их коммунах. Она предполагала вегетарианство, отказ от убойного скотоводства и вообще насилия над животными (в некоторых коммунах с полным переход к ручному труду), осмысление растениеводства как помощи растениям, распределение работы по «склонности» и негативные отношения к практике найма и батрачества, то есть, отчуждению труда¹⁴⁴.

Хозяйство также становилось предметом идеологической полемики: попытками однозначно определить ту или иную коммуны как хозяйственное или духовное объединение¹⁴⁵.

Этические установки также имели значение в других сферах жизни сообществ. Они делали желательным целомудрие в браке¹⁴⁶ или даже полный целибат¹⁴⁷. С этим связываются причины распада некоторых сообществ – многие покидали коммуны, чтобы жениться или выйти замуж¹⁴⁸.

Толстовские этико-идеологические воззрения также обуславливали активность коммунаров в образовательных проектах для детей¹⁴⁹. С ними также были связаны попытки создания писательских кружков и «культ письменного слова» в коммунах¹⁵⁰.

Управление коммунами осуществлялось общим собранием, которое избирало исполнительный совет, ведший дела с государством и внешними людьми, отвечавший за распределение коммунаров на работы¹⁵¹. При этом по идеологическим причинам коммунары отказывались от утверждения устава и выборов председателя, что требовалось от них с связи с регистрацией в качестве «общества»¹⁵².

¹⁴⁴ Мелешко, Е. Д. Хозяйственная этика толстовства. Толстовские земледельческие коммуны // Она же Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. С. 281–294.

Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России. С. 59–63, 68–69.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Калашникова, А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие сибирской коммуны последователей учения Л. Н. Толстого в региональной культурной системе // Вестник КемГУКИ. – 2013. – № 23 – С. 52–58.

Калашникова, А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие кузбасских коммунаров в контексте современного исследования творчества Л. Н. Толстого // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 114–121.

¹⁴⁷ Агарин, Е. В. Трудом рождаются. С. 177–188.

¹⁴⁸ Там же

¹⁴⁹ Мелешко, Е. Д. Хозяйственная этика толстовства. С. 281–294.

Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России. С. 59–63, 68–69.

¹⁵⁰ Калашникова, А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие сибирской коммуны последователей учения Л. Н. Толстого в региональной культурной системе.

Калашникова, А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие кузбасских коммунаров в контексте современного исследования творчества Л. Н. Толстого.

¹⁵¹ Мелешко, Е. Д. Хозяйственная этика толстовства. С. 283.

¹⁵² Редькина, О. Ю. Толстовцы Нижней Волги в 1917-м – 1930-х годах // Стрежень: научный ежегодник. – 2004. – Вып. 4. – С. 315–325.

Исследователи характеризуют отношения коммунаров и государства в первое десятилетие советской власти как «мирное сосуществование»¹⁵³. Напряжение в них, однако создавалось отказом коммунаров интегрироваться в централизующуюся аграрную экономику, что со временем внесло вклад в восприятие их как «идеологически чуждой» и привело к массовой ликвидации коммун¹⁵⁴.

Городские коммуны также получили некоторое распространение в России, начиная с 1860-х годов. Они создавались преимущественно студентами и молодыми представителями интеллигенции, стремившимися к практическому воплощению идей Ш. Фурье и Н. Г. Чернышевского. Среди такого рода проектов коммуны швейных артелей, в которых организаторы из интеллигенции, вслед за героями «Что делать?», пытались привлечь работников швейных мастерских. Вне зависимости от социального состава участников такого рода коммуны (в т. ч. чисто «интеллигентские») не были долговечными, в т. ч. из-за негативного внимания властей и соседей¹⁵⁵.

Среди намеренных сообществ, создававшихся в сельской местности в связи с приходом советской власти, можно назвать иммиграционные коммуны – добровольные коллективные хозяйства, основывавшиеся на территории России иностранцами или репатриантами, вдохновлёнными коммунистическими идеалами Октябрьской революции.

Стоит оговориться, что намеренными сообществами можно считать отнюдь не все образцы советских коммуналистских экспериментов: колхозы и сельскохозяйственные коммуны, созданные крестьянами или с участием крестьян, также как коммунальные квартиры трудно назвать таковыми, поскольку в них отсутствовало намерение создать сообщество, определяющее намеренное сообщество как феномен – сообщества либо уже существовали в виде деревенских общин, либо создавались для их участников государством, производившим коллективизацию хозяйств и жилищ.

Исследователи отмечают разнообразие форм обобществления труда в иммигрантских коммунах – от равного распределения продукции до «борьбы с уравниловкой»¹⁵⁶. Отказ иммигрантов от обобществления хозяйственного имущества выделял их на фоне сельхозкоммун, создававшихся окружающими их крестьянами, что приводило к конфликтам, когда в коммуну

¹⁵³ Мелешко, Е. Д. Хозяйственная этика толстовства. С. 281.

¹⁵⁴ Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России. С. 86–94.

Редькина, О. Ю. Толстовцы Нижней Волги в 1917-м – 1930-х годах.

¹⁵⁵ Егоров, Б. Ф. Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. С. 241-251

¹⁵⁶ Берлявский, Л. Г., Бондарев, В. А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920–1930-х годов.

вступали местные¹⁵⁷. Эти конфликты также обострялись столкновением жизненного уклада местных селян и пришлых бывших горожан¹⁵⁸.

Хозяйство иммигрантских коммун было интегрировано в региональный экономический ландшафт: например, связанная с кибуцным движением еврейская коммуна «Войо Нова» в Крыму поддерживала связи с местными курортами, закупувшими у её участников овощи¹⁵⁹.

В хозяйственном отношении иммигрантские коммуны часто играли роль образцовых хозяйств (например, на Тамбовщине)¹⁶⁰, в т. ч. в связи с их хозяйственной успешностью¹⁶¹, что, однако, сопровождалось противопоставлением коммунаров местным жителям со стороны самих коммунаров. Состав коммун был очень устойчивым из-за их относительной изоляции в иноэтничном и иноязыковом окружении¹⁶². Местные власти были до некоторой степени враждебны – они связывали коммунаров с образом «господ капиталистов», подпитывавшимся тем фактом, что большинство из них было членами иностранных партий¹⁶³.

Особенности образа жизни и практик коммун первых лет их существования могли быть связаны с изоляцией внутри колхозной системы. Например, в случае с упоминавшейся «Войо Нова» имело место отсутствие «культработы», антирелигиозной пропаганды, скрытый отказ от участия в соцсоревновании, малое количество партийных, раскол между основателями коммуны и присланными туда государством новичками¹⁶⁴. Сохранялись практики, характерные для кибуцев: строительство многоквартирных, а не отдельных домов¹⁶⁵, стремление к облегчению труда женщин посредством создания яслей и детского дома, совмещавшего в себе функции детского сада и интерната¹⁶⁶.

¹⁵⁷ Берлявский, Л. Г., Бондарев, В. А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920–1930-х годов.

¹⁵⁸ Аверьянов, А. В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг.

¹⁵⁹ Хиллиг, Г. «Войо-Нова» в Крыму – забытая сельхозкоммуна. С. 56–57, 82–85.

¹⁶⁰ Романов, В. В., Николашин, В. П. Американские иммигрантские коммуны Кирсановского уезда Тамбовской губернии 1920-х – 1930-х гг.

Николашин, В.П., Рубан, Н.Б., Юхачев, С. П. Развитие взаимоотношений «образцовых коммун» и крестьянства на примере коммуны «Ира» (имени В.И. Ленина) Тамбовской губернии в 1920-е гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29. – № 5. – С. 1471-1481.

Данилова, Е. Н. Установка на создание образцовых хозяйств в доколхозной деревне и эксперименты по ее реализации // Экономическая история. Ежегодник. 2010. / под ред. Л. И. Бородкина, Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 298–316.

Рубан, Н. Б. История становления и развития Ирской коммуны (по документам Государственного архива Тамбовской области).

Берлявский, Л. Г., Бондарев, В. А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920–1930-х годов.

¹⁶¹ Супоницкая, И.М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. – № 9. – С. 46-59.

¹⁶² Аверьянов, А. В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг.

¹⁶³ Берлявский, Л. Г., Бондарев, В. А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920–1930-х годов.

¹⁶⁴ Хиллиг, Г. «Войо-Нова» в Крыму – забытая сельхозкоммуна. С. 86–88, 102–104.

¹⁶⁵ Там же. С. 91–92.

¹⁶⁶ Там же. С. 83–84.

Другим примером намеренных сообществ, созданных в рамках советских коммуналистских проектов, являются рабочие и студенческие коммуны 1920-1930-х годов, которые, впрочем, рассматриваются исследователями как, с одной стороны, наследники малоизученных городских коммун имперского времени, то есть, не новое явление, но результат лавинообразного распространения предшествовавших форм¹⁶⁷, а с другой стороны как средство обретения автономии внутри централизованного при ранней советской власти революционного движения, этим частично объясняется, например, демонстрировавшееся коммунарами несогласие с НЭПом¹⁶⁸.

Исследователи рассматривают коммуны как форму реализации концепции нового человека социалистического времени. Коммуна понималась её жителями как место самосовершенствования, связанного с созданием мира будущего¹⁶⁹, и, благодаря этому считалась временным этапом в биографии молодого человека¹⁷⁰.

Хозяйственная жизнь коммун была связана с институционализацией радикального обобществления: созданием комитетов для перераспределения доходов, одежды, пищи и т. п.¹⁷¹ В некоторых коммунах новые участники вовлекались в обобществление постепенно: например, сначала отдавая в общий бюджет меньшую часть своих доходов. Большое значение практик перераспределения даёт основания считать молодёжные коммуны средством приспособления к глубокому экономическому кризису периода Революции и Гражданской войны¹⁷².

Обобществление пространства жилища коммунаров, проявлявшееся, например, в отказе от ширм и перегородок в комнатах¹⁷³, позволяет противопоставить коммуналистские практики элиты и непривилегированных участников революционного движения. Отмечается, что прототипом обоих послужил фурьеристский фаланстер. Обобществление благ реализовывалось как в коммунах, созданных в студенческих общежитиях, так и в местах проживания наиболее влиятельной части большевиков – Смольном институте, гостинце «Астория», домах советов и т. п. Радикальная разница с низовыми коммунами была связана с практиками тела. Принципиальный отказ от отделения приватного пространства и перевод в общую собственность

¹⁶⁷ Willimott, A. *Living the Revolution*. P. 42, 60, 133.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Ibid.

¹⁷⁰ Stites, R. *Communes in the Town*. P. 213–219.

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Рожков, А. Ю. Студенческие коммуны.

¹⁷³ Stites, R. *Communes in the Town*. P. 213–219.

дефицитной одежды приводил в неэлитарных коммунах к размыванию границ индивидуального тела¹⁷⁴.

Исследователи выделяют и другие практики совместности коммунаров: получение вступающими в коммуны новых имён (для придумывания имён создавались комитеты), ведение совместных дневников¹⁷⁵ и создание открытых писем отдельных участников всему коллективу¹⁷⁶, обязанность участвовать в совместных мероприятиях (типа походов в кино)¹⁷⁷, совместное волонтерство (например, во время наводнения в Петрограде 1924 года)¹⁷⁸.

С коммунами также связываются некоторые особенности гендерного порядка, а именно попытки решения «полового вопроса» посредством коллективного целибата¹⁷⁹, а также критика черт, приписываемых женщинам – коммунарке негласно или артикулированно предписывалось приобрести черты, понимавшиеся как мужские (типа твёрдости в решениях)¹⁸⁰.

Проявлением социалистического строительства в коммунах также была рационализация повседневных практик, к которым принадлежала, прежде всего, «научная организация труда», предполагавшая, в частности, утверждение индивидуальных графиков и восходящая к учению об организации производства Фредерика Тейлора¹⁸¹, она также сопровождалась ведением статистики использования одежды¹⁸². Некоторые коммунары также публиковали требования к Комсомолу провести исследование быта их коммун, которое бы доказывало высокую эффективность используемых в них приёмов самоорганизации¹⁸³.

Более поздние практики жизни в коммунах, связанные с движением хиппи 1960-1980-х годов, практически не описаны в историографии, несмотря на наличие монографических исследований его культурных особенностей¹⁸⁴.

¹⁷⁴ Лебина, Н. Б. Советский дом-коммуна.

¹⁷⁵ Рожков, А. Ю. Студенческие коммуны.

¹⁷⁶ Willimott, A. *Living the Revolution*. P. 68.

¹⁷⁷ Stites, R. *Communes in the Town*. P. 213–219.

¹⁷⁸ *Ibid.* P. 66–67.

¹⁷⁹ *Ibid.* P. 213–219.

¹⁸⁰ Willimott, A. *Living the Revolution*. P. 101.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 61.

Willimott, A. 'How do you live?'

Stites, R. *Communes in the Town*. P. 213–219.

Рожков А. Ю. Студенческие коммуны.

¹⁸² Willimott, A. *Living the Revolution*. P. 90–92.

¹⁸³ *Ibid.* P. 72.

¹⁸⁴ Щепанская, Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2006. 286 с.

Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт: путешествие в Советскую Хипплиндию. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 664 с.

Исследователи, однако, отмечают популярность попыток коммунального строительства среди советских хиппи, обсуждавшегося, например, в субкультурном самиздате¹⁸⁵. Большинство коммун разгонялись милицией на раннем этапе развития или имели сугубо сезонный характер – продолжали своё существование в холодный сезон, когда были затруднены путешествия¹⁸⁶. Коммуналистские устремления хиппи были тесно связаны с популярностью толстовских идей, благодаря чему значимую часть коммун пытались создать в деревне¹⁸⁷.

Редким примером хорошо описанного намеренного сообщества, в создании которого принимали участие хиппи и левые политические диссиденты, является ленинградская Коммуна имени Жёлтой субмарины, существовавшая в Ленинграде в конце 1970-х годов. Жители коммуны предпринимали попытки сконструировать символическое пространство, культурно альтернативное советскому официозу¹⁸⁸. С этим связывается, например, обилие пародий на официальный язык в практиках коммунаров (фольклор, плакаты, стенгазеты и пр.). При этом альтернативность являлась субстратом конфликта между диссидентской средой, настаивавшей на том, что коммуна должна стать образцом для перехода к обществу будущего, противостоящему как советскому, так и капиталистическому, и жителями коммуны, видевшими в своём образе жизни ностальгический возврат к практикам приватности, характерным для ушедшего прошлого¹⁸⁹.

2. Разнообразие намеренных сообществ в современной России

Среди намеренных сообществ в России, существовавших и существующих с 1990-х годов и до сегодняшнего дня, к наиболее исследованным принадлежат экопоселения. Экопоселения, впрочем, выступают здесь категорией с весьма широкими границами. Как отмечается в отчёте исследовательской группы ЦИРКОН, намеренные сообщества, основанные на зелёной

¹⁸⁵ Гордеева, И. А. Тайны двух «Альтернатив»: неисследованные страницы истории самиздата советских хиппи конца 1970-х – начала 1980-х гг. // Книга. Чтение. Медиасреда. – 2024. – Т. 2. – № 4. – С. 278–288.

¹⁸⁶ Там же

¹⁸⁷ Там же

Gordeeva, I. Tolstoyism in the Late-Socialist Cultural Underground: Soviet Youth in Search of Religion, Individual Autonomy and Nonviolence in the 1970s - 1980s // *Open Theology*. – 2017. – No. 3. – 494–515.

Щепанская, Т. Б. Система.

Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 37, 193.

¹⁸⁸ Fürst J. “We All Live in a Yellow Submarine”.

Белоусов, А. В. Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «садистских стишков» // Лотмановский сборник. – 1995. – Вып. 1. – С. 681–691.

¹⁸⁹ Fürst, J. “We All Live in a Yellow Submarine”.

Казаков, Е. А., Рублёв Д. И. «Колесо истории не вертелось, оно скатывалось»: левое подполье в Ленинграде, 1975–1982 // *Неприкосновенный запас*. – 2013. – № 5(91). – С. 155–175.

Казаков, Е. А., Рублёв Д. И. Листовки «Движения революционных коммунаров» // *Acta samizdatica*. – 2016. – №3. – С. 27–43.

идеологии, можно разделить на те, что ориентированы натуралистически и стремятся практиковать экологически безвредный образ жизни, основываясь на (как полагают их жители) научно обоснованной концепции устойчивого развития, а также те, что считают себя безвредными или полезными для природы, основываясь на (около) религиозных убеждениях или, по крайней мере, на каком-либо из учений New Age¹⁹⁰. Эти две группы, впрочем, не всегда можно чётко разделить – новорелигиозные учения вполне могут соседствовать с концепцией устойчивого развития. Экопоселения, связанные с New Age, (прежде всего движение «Звенящие кедры России») представлены в историографии намного лучше.

Экопоселения, связанные концепцией устойчивого развития, часто предполагают долговременное пребывание в переходном состоянии: протоэкопоселений – сообществ горожан, перебравшихся в деревню для создания экопоселения, но живущих в уже существующих населённых пунктах¹⁹¹; сообщества горожан, годами живущих в деревне, но также на годы сменяющих этот образ жизни на городской, в каких-то случаях позже вновь долговременно возвращающихся в деревню; наконец, экопоселения, жители которых покидают их в холодный сезон¹⁹². При этом даже в относительно устойчивых экопоселениях и протоэкопоселениях большинство жителей являются временными и планируют покинуть их, однако всегда сменяются новыми¹⁹³. Временным жителям сопутствует постоянное ядро, к ядру принадлежат экопоселенцы, разделяющие общее будущее, понимающие экопоселение как единый проект¹⁹⁴.

Как правило, в экономическом отношении экопоселения представляют собой совокупность отдельных семейных хозяйств, ограничивающихся небольшой усадьбой с огородом¹⁹⁵. В редких случаях может иметь место небольшое количество общего скота или особое экономическое влияние лидера сообщества¹⁹⁶.

Хозяйственные практики, что ожидаемо, обусловлены этическими императивами. Например, почву могут вскапывать исключительно вилами, чтобы не травмировать червей¹⁹⁷.

¹⁹⁰ Задорин, И. В. и др. Экопоселения как форма внутренней эмиграции.

¹⁹¹ Шубин, А. В. Альтернативные общины: экзотика или дорога в будущее // Бюллетень Московского ИСАР. – 1998. – С. 8–16.

¹⁹² Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае // Он же Экологические экопоселения. Екатеринбург: Ridero, 2016. С. 7-31.

¹⁹³ Там же

¹⁹⁴ Там же

¹⁹⁵ Там же

Тысячнюк 1999.

¹⁹⁶ Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае.

Kuliasova, A., Pchelkina, S., Tysiachniouk, M. Building Sustainable Communities in Russia.

¹⁹⁷ Ibid.

Многие практикуют добровольную бедность, снижение углеродного следа (скажем, посредством использования только сухих дров), стремление к безотходности¹⁹⁸.

Заработок экопоселенцев также часто связан с местным туризмом и проведением мероприятий для гостей. Для этого наряду с «общим домом» в поселении может присутствовать дом для гостей¹⁹⁹.

Экопоселенцы нередко ориентированы на пропаганду среди местных, в том числе посредством вовлечения их в мероприятия и фестивали²⁰⁰. Впрочем, это взаимодействие легко может стать конфликтным: вплоть до создания поселенцами опергрупп для предотвращения браконьерства и вандализма со стороны соседей²⁰¹.

Отдельные поселения интегрированы в более широкие зелёные организации и сети экопоселений, внутри которых организуются фестивали, дискутируются общие проблемы, происходит обмен книгами²⁰².

New Age движением, наиболее плотно связанным с созданием экопоселений и вместе с тем, как уже было сказано выше, хорошо изученным, являются «Звенящие кедры России». Его последователи, основывающиеся на книгах Владимира Мегре об обладающей выдающимися духовными способностями женщине Анастасии, живущей в сибирской тайге, считают необходимым создание родовых поместий вдали от города. В историографии и публицистике сторонников движения, как правило, именуют анастасийцами или, реже, родопоселенцами.

Как отмечается в вышеупомянутом обследовании группы ЦИРКОН, создание поселений родовых поместий является актом побега (*escape*) от реалий города и государства, что отличает их от другого рода экопоселений, жители которых стремятся не покинуть критикуемое ими общество, но быть флагманом изменений в нём²⁰³.

Побег связан с ориентацией на воображаемое прошлое, реконструкция которого предполагается в пределах родового поместья. Эта пассеистская ориентация определяет многие

¹⁹⁸ Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае.

¹⁹⁹ Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае.

²⁰⁰ Tysiachniouk, M., Kotilainen, J. Intentional Communities Finding Space Amid Geopolitical Turmoil.

Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае.

Kuliasova A, Pchelkina S., Tysiachniouk M. Building Sustainable Communities in Russia: Nevo Ecoville Case Study // Proceedings – Review Environmental Interdisciplinary. – 1999. – No. 2. – Vol. 1. – P. 59–66.

²⁰¹ Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае.

²⁰² Там же

Tysiachniouk, M., Kotilainen, J. Intentional Communities Finding Space Amid Geopolitical Turmoil: Belbek Valley Case Study // Sustainability. – 2022. – No. 14. – P. 1–28.

²⁰³ Задорин, И. В. и др. Экопоселения как форма внутренней эмиграции. С. 5, 11–15.

Задорин И. В., Мальцева Д. В., Хомякова А. П., Шубина Л. В. Альтернативные сельские поселения.

повседневные практики родопоселенцев – например, сбор целебных трав. В хозяйственном контексте это прошлое коммодифицируется – то или иное растение не просто собирается на основании того, что так должны были делать предки, но и продаётся как пища и лекарство, использовавшееся в древности²⁰⁴.

Пассеизм, при этом, согласуется с попытками построения светлого будущего, предполагающего гармоничное сосуществование с природой и жизнь в унаследованных поместьях. Исследователи рассматривают эту ориентацию на будущее как наследие советского футуристического дискурса, проявлением советского в жизни родопоселенцев также является стремление к универсализму в навыках («сделай сам»), понимание собственной идеологизированной повседневности как вклада в большое общее дело и т. д.²⁰⁵ С этим также связывается особое отношение к детству среди анастасийцев: практики «естественных родов», обращение к альтернативной педагогике и пр.²⁰⁶

Для российских родопоселенцев характерно восприятие собственных практик не просто как неоархаических, но как воспроизводящих жизнь именно их славянских («ведрусских») предков²⁰⁷, что также может предполагать конструирование особой квазиэтнической «ведрусской» идентичности²⁰⁸. Это, однако, не отменяет её синкретический характер, выражающийся, например в праздничных циклах, чей состав черпается из этнографии русского крестьянства, российской государственной традиции, построений неоязычников, знаменательных дат, установленных экологическими организациями и пр.²⁰⁹

Вместе с тем, трудно говорить о достаточно прочном идеологическом единстве родопоселенцев. Часто их сообщества представляют собой неоднородные объединения разнообразных проектов, многие из которых не соответствуют магистральной идентичности движения. Жители поселений воспринимают поселения как творческую лабораторию, где каждый реализует интересные ему идеи²¹⁰. Единую идеологию жителям поселений родовых поместий может заменять гипертекст, включающий в себя множество разнородных идей, это позволяет им уйти от дисциплинирующих практик, с которыми ассоциируется покидаемый ими

²⁰⁴ Andreeva, J. Traditions and the Imagined Past in Russian Anastasian Intentional Communities.

²⁰⁵ Andreeva, J. "Fairyland": Kin's Domain as a Place of Utopia and Experiment.

²⁰⁶ Ожиганова, А. А. Дети New Age.

²⁰⁷ Andreeva, J., Pranskeviciute, R. The Meanings of Family Homestead in the Anastasia Movement.

²⁰⁸ Октябрьская, И. В., Чиркина Е. М. Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 726–730.

²⁰⁹ Бессонов, И. А. Календарные праздники современных экопоселениях.

²¹⁰ Андреева, Ю. О. Модели сельской жизни в российских экопоселениях // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 52–69.

город²¹¹. Несмотря на эту неоднородность, родопоселенцам, реализующим разные проекты и идеологии важно развивать совместную деятельность (прежде всего, досуговую) – вместо общей идеологии, они разделяют ценности добрососедства²¹².

Идеологическая и хозяйственная автономия отдельных семей, связанная с необходимостью развивать поместье именно для своего рода, сочетается с пониманием создания сообщества хозяев поместий как необходимого. Создание сообщества считается необходимым во избежание свободной продажи участков тем, кто не вовлечён в движение и планирует построить на купленной земле, например, завод или скотобойню²¹³. Следствием этого являются консенсусные практики совместного принятия решений, которые сами родопоселенцы называют «вечем»²¹⁴.

Характеризуя общий социальный и демографический портрет жителя поселения родовых поместий, исследователи настаивают на том, что для большинства из них характерна активная жизненная позиция, инициативность, самостоятельность, готовность брать ответственность на себя, склонность к экспериментаторству. Многие из них в прошлом имели собственный бизнес, этим объясняются такие качества как мобильность, «легкость на подъем». Спектр профессий поселенцев очень широк: много представителей творческих профессий, технической интеллигенции. Для родопоселенцев очень важны семейные ценности. Гендерное соотношение мужчин и женщин в поселениях примерно одинаково, так как чаще всего жители экопоселений живут парами или семьями. Наличие детей уже само по себе становится одним из факторов, побуждающих к переезду. В поселениях люди продолжают активно рожать. Возраст типичного жителя поселения – это скорее от 25-30 лет в более молодых поселениях и 40-50 лет в более старых²¹⁵.

Хозяйственная жизнь поселений родовых поместий мало связана с земледелием как средством жизнеобеспечения – большую часть дохода их жителям приносит удалённая работа и

²¹¹ Польский, И. В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России» // Труды русской антропологической школы. – 2013. – Т. 12. – С. 136–155.

²¹² Демидова, Ю. А. Модели социальной интеграции на примере анастасийских экопоселений «Славное» и «Жовчег» // Социодинамика. – 2018. – № 5. – С. 1–7.

Демидова, Ю. А. Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной России // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 26–41.

Позаненко, А. А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 129–153.

²¹³ Андреева, Ю. О. Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные образы родовых поселений и «воплощение мечты» // Антропологический форум. – 2012. – № 17. – С. 101–128.

²¹⁴ Андреева, Ю. О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия».

²¹⁵ Задорин, И. В. и др. Экопоселения как форма внутренней эмиграции. С. 7–8.

Гоманова, С. Р. Экопоселения России: институциональный аспект // Власть. – 2017. – № 1. – С. 67–71

работа в городе – однако оно имеет идеологическое значение²¹⁶. Так практики садоводства могут основываться на христианском образе райского сада²¹⁷. Широкую популярность имеет пермакультура – обработка земли с минимизацией вмешательства человека²¹⁸. Земледельческие практики важны для формирования ландшафта родового поместья, скажем, посредством высадки деревьев²¹⁹. Для поселений также характерно влияние земледелия на календарный цикл праздников²²⁰.

Экономическая ориентация на внешний мир определяет устойчивость поселений родовых поместий. Её связывают с географическим поясом их расположения. Поселения, находящиеся в пригородах больших городов наименее устойчивы, поскольку в них возникает конфликт между теми, кто считает важным жить в своих родовых усадьбах постоянно, и теми, кто приезжает туда сезонно. Наиболее самодостаточны же изолированные поселения, из которых трудно добраться до города. Поселения, находящиеся вблизи больших городов, но не в пригородах, впрочем, имеют важное преимущество – доступность земли для родовых поместий. Устойчивость поселений также связана с официальным коллективным владением землёй или оформлением её на одного из участников, т. к. это позволяет исключать тех, кто желает владеть землёй, но не разделяет идеологических устремлений. Впрочем, почвой для конфликта здесь оказывается желание отдельных семей оформить своё поместье в личное владение²²¹.

Исследователи описывают устойчивость поселений родовых поместий как поэтапный процесс. Сильвия Гоманова, основываясь на серии интервью с жителями ряда поселений, выделяет шесть этапов развития поселения: 1) создание инициативной группы; 2) поиск и оформление земли; 3) строительство первых поместий; 4) переезд первых жителей; 5) принятие в сообщество новых участников и их переезд; 6) стабилизация. Евгений Кузнецов связывает этапы создания поселения с процессом утверждения норм и правил среди его участников. Следуя концепции социального психолога Брюса Такмана²²², исследователь выделяет в качестве первого

²¹⁶ Андреева, Ю. О. Модели сельской жизни в российских экопоселениях.

²¹⁷ Любимова, Г. В., Бут М. О., Лугоненко Д. С. «Сад как рай». Практики сакрализации пространства новых религиозных движений Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 3(37) – С. 345-356.

²¹⁸ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. Томск: Томское ЦНТИ, 2012. С. 109.

²¹⁹ Селезнёв А. Г., Селезнёва И. А. Идеиные и ландшафтные основы организации экопоселений (по материалам полевых этнографических работ в Омской области в 2019 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 736-742.

²²⁰ Октябрьская И.В., Чиркина Е.М. Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика.

²²¹ Позаненко, А. А. Факторы, определяющие успешность поселения родовых поместий // ЭКО. – № 2. – С. 143-157.

²²² Tuckman, B.W. Developmental sequence in small groups // Psychological Bulletin. – 1965. – Т. 63. – № 6. – Р. 384–399.

этапа формирования группы, при котором важны ритуалы инициации новых участников; второй этап (конфликт), по его мнению, предполагает столкновение между сторонниками разных норм; на третьем этапе совместно вырабатываются и фиксируются правила, приемлемые для всех; четвёртый этап (функционирование) включает в себя стабилизацию²²³.

Отношения анастасийцев с жителями соседних сёл часто предполагают вялотекущий конфликт: первые считают вторых «неосознанными», а вторые первых «сектантами». Конфликты имеют экономический аспект – возникает конкуренция, например, строительных бригад местных и пришлых, а некогда колхозная земля, воспринимавшаяся селянами как общая, внутри родового поместья становится собственностью отдельной семьи²²⁴. Отмечается покровительственное отношение просветительски настроенных родопоселенцев к старым сельским жителям, которые, однако, как отмечает Ю. О. Андреева, нельзя назвать колониальным, в силу отсутствия экономического доминирования²²⁵. Имеют место и моменты экономического сотрудничества: заимствование местными технологий (например, солнечных батарей)²²⁶ и предоставление им возможности заработка²²⁷.

Среди New Age движений, связанных с созданием экопоселений в России, также описана Церковь Последнего Завета (виссарионовцы) – синкретическое новое религиозное движение, основанное в начале 1990-х годов во главе с харизматическим лидером Виссарионом (отсюда краткое название). Одной из составляющих практики движения является создание поселений в сельской местности. Исследователи говорят о нескольких десятках поселений, расположенных в Красноярском крае, которые их жители называют «эконоосферными»²²⁸.

Большую часть населения виссарионовских поселений исследователи характеризуют как людей с высшим техническим образованием²²⁹.

Хозяйство поселений чётко разделено на женскую (внутреннюю) и мужскую (внешнюю) части, где мужчины, в основном, зарабатывают ремесленным трудом, продавая свою продукцию вне поселений или также вовне оказывая услуги²³⁰. При этом семьи, несмотря на наличие общего

²²³ Кузнецов, Е. В. Жизненные циклы экопоселений // Крестьяноведение. – 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 170–179.

²²⁴ Долгих, Д. А. Из города в деревню: экопоселения в контексте социального взаимодействия «местных» и «пришлых» // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск I / под ред. А. А. Плеханова, Н. А. Лапкиной. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 38-48.

²²⁵ Андреева, Ю.О. «Новый мир» на краю деревни.

²²⁶ Позаненко, А. А. Два учения, два уклада: анастасийские и рериховские переселенцы в сельской местности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 64. – С. 164-171.

²²⁷ Андреева, Ю.О. «Новый мир» на краю деревни.

²²⁸ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 69.

²²⁹ Там же. С. 72-73.

²³⁰ Там же. С. 73, 94.

для каждого поселения хозяйственного совета, экономически автономны²³¹. Огородное и полевое земледелие распространено в поселениях: оно воспринимается как часть экологической и религиозной практики²³².

Среди участников поселений выделяется актив, который наиболее заинтересован в участии в религиозной жизни, кроме того, в центрах поселений чаще селится своеобразная локальная элита, которая также активно вовлечена в обрядность²³³. Жители поселений активно конструируют себя как «нормальных» – они подчёркнуто склонны пользоваться услугами государственной медицины, отвергать «народные» методы лечения, домашние роды и т. п.²³⁴

Идеологические установки виссариновцев, включающие в себя от агрессии и конфликтов, связаны с практиками коллективного дисциплинирования в их поселениях. Конфликты выносятся на обсуждение к представителям местного актива, которые совместно с участниками пытаются разрешить их, на основе интерпретаций текстов Виссариона, если интерпретации не сходятся, вопрос передаётся более авторитетным участникам движения, далее он может быть адресован и самому Виссариону. Такого рода практики, по мнению исследователей, восходят к дисциплинарным нововведениям оттепельного времени (типа товарищеских судов или коммунарской педагогики²³⁵), в этом смысле виссарионовцы являются продолжателями советских способов построения «светлого будущего»²³⁶, с этим также связывают попытки изживания денежных отношений и перехода к экономике обмена²³⁷. Эти установки распространяются и на воспитание детей в поселениях. Их также учат интерпретировать конфликтные ситуации согласно священным текстам и предлагать соответствующие варианты разрешения таковых²³⁸. Обрядность, в отличие от дисциплинарных практик, рутинизирована – во многих ежедневных ритуалах, несмотря на предписания, не участвует большинство²³⁹.

²³¹ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 88, 98.

²³² Kuliiasova, A., Pchelkin, S., Tysiachniouk, M. Building Sustainable Communities in Russia.

²³³ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 85-86.

²³⁴ Там же. С. 81.

²³⁵ Димке, Д. В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018. 263 с.

²³⁶ Панченко, А. А. Утопия «Последнего завета» // Отечественные записки. – 2003. – № 3(12). – С. 317-320.

Панченко, А. А. Оккультизм и коммунистическая мораль: новые религиозные движения, советское прошлое и концепция метанарратива // Славянская традиционная культура и современный мир. – 2010. – Вып. 13. – С. 287-318.

Панченко, А. А. Деньги, эгоизм и конец света: «духовная экономика» новых религиозных движений // Фетиш и табу. Антропология денег в России. / под ред. Н. Стариковой. М.: ОГИ, 2013. С. 468-482.

²³⁷ Панченко, А. А. Утопия «Последнего завета».

²³⁸ Urbańczyk, J. Last Testament Church — the Power of Unanimity / Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / под ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 293-304.

²³⁹ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 104.

Намеренные сообщества, появляющиеся в рамках New Age – движений, не имеющих «зелёной» идентичности, на сегодняшний день описаны в единичных работах.

Их хозяйственные особенности также связывают с идеологическими установками, прежде всего, в аспекте интерпретации гендерных ролей. Женская сфера остаётся внутренней и включает в себя огород и домашнее производство, а мужская внешней, предполагающей торговлю и отъезд на заработки. При этом иерархические акценты могут быть расставлены по-разному – ведущей сферой может считаться как мужская, так и женская²⁴⁰. Большое хозяйственное значение могут иметь продукты творчества членов сообщества (не обязательно ремесленные), в том случае, если творчество считается идеологически предпочтительным в сравнении, например, с земледелием²⁴¹. Творчество также может рассматриваться как средство пропаганды идей, на которых основываются создатели намеренного сообщества и форма альтернативной педагогики²⁴².

Сельские намеренные сообщества, не являющиеся экопоселениями и не имеющие отношения к учениям New Age, почти не описаны в историографии. Редким исключением является одно анархистское поселение на Северо-Западе России. Его темпоральные особенности резко контрастируют, например, с поселениями родовых поместий: будучи также средством побега из города, который понимается как место тотального господства государства и капитализма, и местом построения локального «светлого будущего», оно лишено идеи возрождения столь же «светлого» прошлого. При этом хозяйственное устройство обладает значительным сходством. Жители поселения, несмотря на дискурс расставания с городом, сохраняют экономические связи с ним, работая онлайн или продавая ремесленную продукцию, а их хозяйства не образуют экономической общности, но представляют собой совокупность отдельных хозяйств²⁴³.

²⁴⁰ Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 115.

Ожиганова, А. А. Конструирование традиции в неоязыческой общине «Правоведи» // *Colloquium heptaplomeres*. – 2015. – Т. 2 – С 30-39.

²⁴¹ Позаненко, А. А. Два учения, два уклада.

Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С. 112-113.

²⁴² Ожиганова А. А. Конструирование традиции в неоязыческой общине «Правоведи».

Позаненко А. А. Два учения, два уклада.

Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. С 115.

Селезнёв А. Г. Полевое этнографическое изучение экопоселений: кейс поселения Азь Градь Омской области // *Проблемы, археологии, этнографии и сопредельных территорий*. – 2021. – Т. XXVII. – С. 933-939.

²⁴³ Крыков Е. А. Анархия-в-деревне.

3. Происхождение и этнографическая специфика коммун Петербурга в XXI веке

Этнографический контекст исследования петербургских коммун связан с их существованием внутри сети социальных связей, участники которой называют себя «нефорами». «Нефоры» (и коммунары в том числе) не дают себе определения, но противопоставляют себя «нормисам». «Нормисов» также называют «обывалами» или, реже всего, «цивилами». К чертам нормисов, прежде всего, относят стремление к высоким доходам, построению карьеры, модификациям тела с помощью физ. культуры или даже пластических операций и, прежде всего, негативные отношения к «нефорам» – таких носителей антипатий называют «ультранормисами» или «жесткими нормисами». Про коммунара, который утратил связь с коммунарами, предпочтя этому образ жизни нуклеарной семьи, могут (чаще всего в шутку) сказать «собывалился». Термин «нормисы» также может употребляться значительно более широко, обозначая большинство в отношении к культурно специфическому меньшинству: например, в дискуссии об истории – никониан в отношении к старообрядцам²⁴⁴.

К «нефорам» относят представителей «субкультур» (иногда их называют «субкультурниками»). Как правило, к ним причисляются люди, идентифицирующие себя как хиппи или панков, остальные как встречаются, так и упоминаются гораздо реже. Те, кто не принадлежат к «субкультурам» (например, автор этого исследования) также называются «нормисами», про них чаще добавляют «не совсем нормис»²⁴⁵.

К «нефорам» также иронически может применяться определение «шиза» или «шизы». Про распавшуюся коммуну, где у большинства жителей не нашлось желания продолжать вести коммунарский быт, может быть сказано, что «там шизила только [такая-то]» (в том смысле, что подходящих людей было мало)²⁴⁶. Однако «шиз» может употребляться и в негативном ключе – так может быть назван носитель маргинальных в коммунарской среде идей или человек, страдающий тяжёлыми психическими заболеваниями. Проживания с такими «шизами» коммунары, как правило, избегают.

Описание коммунаров в целом как «шизов» соотносится с реконструкциями реалий жизни советских хиппи 1970-х годов, предпочитавших позиционировать себя как «ненормальных» и часто воспринимавших утверждения о «нормальности» как оскорбление²⁴⁷.

²⁴⁴ ПДА 2022, 2024b

²⁴⁵ Там же

²⁴⁶ ПДА 2024c

²⁴⁷ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 444.

Такого рода параллели позволяют уподобить современных «нефоров» «Системе» – коммуникативной среде советских хиппи и представителей других субкультур, описанной в разных своих состояниях на протяжении 1960-1980-х годов²⁴⁸.

Петербургские «нефоры» и, в частности, коммунары не называют себя «Системой», впрочем, как указывает Татьяна Щепанская, это обозначение не было общеупотребительным уже в 1980-е годы²⁴⁹. Так же как и «Система» нефоры обладают общей инфраструктурой. Например, «нефорскими кафе» (в Петербурге таких мне известно три) – эти заведения организуются «нефорами», «нефоры» же в них работают и являются посетителями. Такие кафе не ограничиваются организацией общепита, проводя ежевечерние мероприятия («эвенты») типа квартирников, поэтических вечеров, мастер-классов и кинопросмотров. В некоторых из них при первом посещении принято представляться и рассказывать о себе работникам и другим посетителям²⁵⁰. Мне также известно кафе, основанное коммунаром, управлявшееся представителями различных коммун в тот или иной период своего существования, а также в определённый момент нанимавшее персонал исключительно из жителей коммун (поскольку именно у них в тот момент имелась потребность в работе)²⁵¹. Аналогично, роль кафе внутри «Системы» (например, хрестоматийного ленинградского «Сайгона») подробно описана исследователями – они являлись, прежде всего, местом общения, употребление пищи было вторично²⁵².

В эту инфраструктуру входят сами коммуны, как места, куда можно прийти на мероприятия или организовать его там. Пользователями этой инфраструктуры оказываются не только коммунары, но и любые «нефоры», организующие мероприятия. Например, группы музыкантов, проводящие квартирники в «нефорских» кафе и коммунах, но при этом не живущие в последних²⁵³.

Коммуна, таким образом, совмещает в себе функции, выражаясь терминами социолога Рэя Ольденбурга, одновременно первого и третьего места, то есть жилища и места для встреч с другими людьми за пределами трудовых взаимодействий (например, кафе или пабов)²⁵⁴. В этом

²⁴⁸ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт.

Щепанская, Т. Б. Система.

²⁴⁹ Там же. С. 41-42.

²⁵⁰ ПДА 2023

²⁵¹ ПДА 2022, 2024

²⁵² Там же. С. 48.

Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 87.

Здравомыслова, Е. А. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. – 2009. - №100. – С. 660-676.

²⁵³ ПДА 2021-2025

²⁵⁴ Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

отношении коммуны можно сравнить с жилищами советских хиппи, которые, как отмечает Ю. Фюрст, приобрели в распоряжение относительно большие жилые площади в период расселения коммуналок 1960-х годов, что позволило им использовать свои жилища для «сейшнов» (тематических мероприятий) и «тусовок» (собраний для внетематического общения)²⁵⁵. С этим связан также выделяемый Ю. Фюрст феномен «квартирных хиппи», предпочитавших образу жизни, основанному на путешествиях, активность вокруг конкретных квартир²⁵⁶.

Петербургские коммунары предпочитают арендовать большие квартиры, расположенные в домах довоенного или имперского времени постройки. Помещение никогда не сквотируется (пустующие площади не занимаются незаконно) и почти никогда не находится в коллективной собственности²⁵⁷. Эта особенность ярко отличает петербургские коммуны от схожих сообществ в некоторых других мегаполисах мира²⁵⁸. В комнатах, как правило, живут более одного человека, исключения редки. Среди них чаще всего выделяют места общего пользования – зал и кухня. В тех или иных коммунах может действовать артикулированный запрет спать или поселять гостей в кухне и зале, в других случаях это просто не практикуется (с редкими исключениями)²⁵⁹. Периодически коммунары предпринимают попытки создания «коммунарских дач – совместной аренды загородных домов (часто представителями нескольких коммун), где бы все желающие участники коммунарских сообществ могли бы проводить летнее время. На сегодняшний день в петербургских коммунах дачи существуют только как привлекательная и обсуждаемая идея. Мне также известна пара случаев создания дач московскими коммунарами. Постоянным жителем этих дач в зимнее время, как правило, является тот или иной участник «нефорских» сетей²⁶⁰.

Интерьер коммунарских жилищ часто ориентирован на проведение мероприятий. Так, первичные изменения в интерьер при переезде в новую квартиру вносятся в рамках подготовки к «открытию коммуны» – мероприятию, на котором коммунары заявляют о создании нового сообщества²⁶¹. При этом именно момент, когда заканчивается подготовка к мероприятию, можно считать моментом присвоения жилого пространства – мне доводилось наблюдать, как именно в

²⁵⁵ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 82.

Щепанская, Т. Б. Система. С. 171.

²⁵⁶ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 233.

²⁵⁷ ПДА 2021-2025

²⁵⁸ Dee E. T. C. Squatted Social Centers in London: Temporary Nodes of Resistance to Capitalism. // *Contention*. – 2016. – No. 4(1–2). – P. 109–127.

Kadir N. The Autonomous Life?

Azozomox, Kuhn A. The Cycles of Squatting in Berlin // *The Urban Politics of Squatters' Movements*. / ed. by M. A. Martínez López N. Y.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 145–164.

²⁵⁹ ПДА 2022, 2024

²⁶⁰ ПДА 2025

²⁶¹ ПДА 2024с

этот момент тот или иной коммунар произносил фразу вроде «наконец-то я дома»²⁶². Таким образом, ощущение дома и проведение мероприятия оказываются связаны.

Коммунары предпочитают арендовать квартиры без сложившегося интерьера (например, лишь с побеленными стенами или обоями под ремонт), это позволяет обеспечить возможность собственных вмешательств в него и избежать контроля квартирохозяев в этом отношении. Среди коммунаров, как и в «нефорской» среде в целом, известны специалисты, к которым принято обращаться для создания тех или иных интерьерных новаций – художники, осуществляющие росписи стен и дверей. Такая работа делается бесплатно в рамках близких отношений с тем или иным коммунаром или коммунаркой или в связи с проживанием художника в коммууне²⁶³ (Рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8). Более подробно вопрос об интерьере коммун будет рассмотрен в §2-3 Главы 4.

Практики организации коммунарских жилищ в значительной степени обусловлены генеалогическими связями между коммунарами. Такого рода связи позволяют кластеризировать их – выявить волны, внутри которых происходило и происходит образование и распад коммун. Моё полевое исследование касается двух волн коммун, более старая из которых связывает себя со старейшим и ныне существующим Первым Домом на проспекте, к которому восходит традиция называть коммуны «Домами» с заглавной буквы и без кавычек на письме (при упоминании конкретной коммуны). Домом ту или иную коммуну называют её жители, другие участники других коммун предпочитают добавлять к нему название улицы или станции метро (Дом на [улице]). Такие названия используются и самими жителями того или иного Дома, например, при обсуждении переезда из одной коммуны в другую²⁶⁴. Генеалогическая роль Первого Дома на проспекте частично связана с его долгим существованием (со второй половины 1990-х годов): выросшие в нём дети, отделившись от родителей создавали собственные коммуны, их бывшие жители также присоединялись к другим коммунарам, куда часто, участвуя в основании, приносили некоторые традиции Первого Дома на проспекте, включая название (многие «домовцы» считают, что продолжительность жизни большинства коммун – год, что подтверждается их интервью). В ином случае коммуны основывали молодые люди, вдохновлявшиеся коммунарским образом жизни, попав туда благодаря друзьям или педагогическим проектам: жители Дома, среди которых большое количество педагогов, организовывали и продолжают организовывать лагеря и выездные школы²⁶⁵. Стоит отметить, что

²⁶² ПДА 2024с

²⁶³ ПДА 2022, 2024b

ПМА 2022a

²⁶⁴ ПДА 2021с

ПМА 2021с, 2022

²⁶⁵ ПДА 2021e

коммуны другой рассматриваемой мной волны также связаны с альтернативной педагогикой – мне приходилось встречать в них учителей, ориентирующихся на коммунарскую педагогику А. С. Макаренко²⁶⁶.

Среди жителей «домов» на сегодня есть меньшинство детей родителей-коммунаров, всю жизнь проведшее в коммунах и практиковавшее альтернативные им формы проживания только в очень краткие периоды. При этом сами коммуны, как правило, однородны по возрасту. Все знают про тот или иной «дом», что он «самый юный» (там много людей 18-20 лет) или, например, утверждают, что там живут уже вполне пожилые люди, есть коммуны, населённые людьми в возрасте между 25-35 годами²⁶⁷. В сообществах также встречаются исключения, когда один или двое коммунаров оказываются значительно старше или значительно младше остальных. Как правило, этот факт является общеизвестным и привлекающим внимание²⁶⁸.

Создавая свои «дома», их жители также частично заимствовали практики Первого Дома на проспекте. Среди восходящих к Первому Дому на проспекте традиций (не считая особенностей названий), например, вопрос об идеологических основаниях существования коммуны («зачем мы живём вместе?»), который часто не решается, но, как правило, ставится в том или ином Доме. Сам Первый Дом на проспекте, впрочем, часто воспринимается как слишком радикальный в коммунальных практиках – отказе запираеть входную дверь, почти полном отказе от межкомнатных дверей, очень активном создании совместных ритуалов и т. д.²⁶⁹

Для материальной традиции этой коммунарской волны характерно создание с помощью досок и брусьев (реже слегка обработанных брёвен) при аренде квартир с высокими потолками «вторых этажей» – деревянных платформ, на которых располагается спальное место, библиотека (иногда относительно большая), стеллажи для личных вещей (Рис. 9, 10, 11)²⁷⁰. Внутри волны, о которой будет рассказано ниже практика вторых этажей, однако, отсутствует вовсе²⁷¹.

Вторая исследуемая мной волна значительно моложе: все принадлежащие к ней коммуны, как существующие, так и распавшиеся, были созданы в 2020-е годы. Участники этих коммун возводят своё происхождение к двум сообществам, основанным в 2022 году по образцу коммун,

²⁶⁶ ПДА 2024с

ПМА 2025

²⁶⁷ ПМА 2022а

ПДА 2024с

²⁶⁸ ПДА 2022, 2024с

²⁶⁹ ПМА 2022а

²⁷⁰ ПДА 2022

ПМА 2022а

²⁷¹ ПДА 2024с

существовавших к тому времени в Москве, позже они вступили в контакт с «домовской» традицией²⁷². Большинство её участников младше 25 лет, встречаются, впрочем, и исключения, однако в коммуны не принято брать тех, кто значительно старше остальных, а также несовершеннолетних. Вслед за москвичами представители этой волны называют себя «коммунарским движем», коммуны волны, описанной выше, (уже независимо от москвичей) называют «домами» или «домовскими коммунами», а их жители обобщённо «домовцами», однако «домовские» коммуны, в отличие от московских, остаются (чисто количественно) для участников «движа» менее известными. Себя они называют просто коммунарами или «коммунарчиками». Среди заимствованных у москвичей традиций, по словам, самих же коммунаров, в полный запрет не только на наркотики, но и на алкоголь²⁷³. В московских коммунах также останавливаются во время путешествий автостопом²⁷⁴ и принимают московских гостей в ответ, у московских сообществ могут одалживать деньги, если бюджет коммуны, по форс-мажорным обстоятельствам, не может покрыть аренду. Московские коммуны также стали источником идеи присваивать свежесозданным коммунам уникальные названия без привязки, например, к географии (как в случае с «домами»)²⁷⁵.

Коммуны этой волны часто возникали в результате раскола в предыдущей («два месяца мы жили двумя коммунами в одной квартире»²⁷⁶), а также как результат основания новой коммуны по образцу коммун из «движа». Среди коммунаров считается, что от создания коммуны до её распада проходит в среднем около двух лет. Для этой волны также характерна связь с некоторым числом коливингов²⁷⁷. Жителями петербургских коммун обеих волн «коммуны», как правило, противопоставляются «коливингам». Коливингом называют подобное коммуне сообщество, которое отличается от неё тем, что имеет артикулированного лидера, а также практикует элементы коммерциализации, выражающиеся, в частности, в проведении платных мероприятий в своих стенах. Коммуна, соответственно, управляется неиерархически (отсутствие лидеров или существование только ситуативных лидеров называется «горизонталью») и не ставит своей целью зарабатывание денег. Определение коммуны через «горизонталь» разделяет большинство коммунаров, сильно менее популярны определение через общую идею и ориентацию на проведение мероприятий²⁷⁸.

²⁷² ПМА 2024а

²⁷³ ПДА 2024с

²⁷⁴ Там же

²⁷⁵ ПМА 2024а

²⁷⁶ Там же

²⁷⁷ ПДА 2024с

²⁷⁸ ПДА 2025

Коммуны, возникающие в результате расколов в известных «коммунарском движении» коливингах, также ориентируются на образцы принадлежащих к нему сообществ и могут советоваться с его представителями о том, как организовать новую коммуну²⁷⁹.

Коммуна противопоставляется «общаге» и «коммуналке», где жители, по мнению коммунаров, безразличны друг другу. Ещё одним характерным Другим служит «секта», этот термин чаще всего употребляется иронически и пейоративно. В первом случае в рамках заочного спора с «ультранормисами»: в одной из коммун на внешней стороне внутренней входной двери красной краской написано «[Задолбали!] Мы не секта!» (Рис. 12), а во время разговоров с теми, кто не знаком с жизнью коммун, шутят, что «оргии у нас по пятницам» («оргии» часто ассоциируются с «сектой»). «Сектой» также можно обозвать коммуны, в которой есть склонность считать кого-то лидером. Коммуне также противопоставляется «притон», для которого характерны активное употребление алкоголя и наркотиков, а также стихийное обобществление личной собственности²⁸⁰.

Обе традиции прибегают к генеалогическому самоописанию – мне известны два генеалогических древа, описывающих «дома» как восходящие к Первому Дому на проспекте и «движ» как связанный более сложными сетями. В последнем обозначено как разделение в результате раскола или выделения, так и идейное влияние²⁸¹.

Интересно, что обе волны коммун имеют сходное происхождение. Жители «домов» часто говорят о педагогической (связанной с педагогами Первого Дома на проспекте) и «хипповой» «тусовках», лежащих в их основе²⁸². В «коммунарском движении» имеют место похожие составляющие: «нефоры», стоявшие у истоков первых коммун волны, и люди, опирающиеся в создании сообществ на учения альтернативной педагогики²⁸³.

Как в «движе», так и в некоторых «домах» не принято определять цели коммуны идеологически, несмотря на вопрос об этом в последних. Подобное имеет место в случае с отдельными коммунарами, однако этого никогда не разделяют все. Попытки выработки общей устойчивой идеологии для той или иной коммуны предпринимались, но почти никогда не были

²⁷⁹ ПДА 2025

²⁸⁰ ПДА 2024с

²⁸¹ ПМА 2021а

ПДА 2025

²⁸² ПМА 2021е

²⁸³ ПДА 2024с

успешными. В этом смысле можно предположить, что коммунары следуют хипповой традиции отказа от идеологического самоопределения²⁸⁴.

Коммуны «движа», также как и «дома», стремятся к географической близости – квартиры для аренды, расположенные далеко от других коммун, считаются малоинтересными. Даже люди, покидающие коммуны, часто предпочитают снимать квартиры и комнаты в непосредственной близости к ней²⁸⁵. Это позволяет упростить участие жителей одних коммун в мероприятиях других (то же касается тех, кто перестал быть коммунаром) или даже распределить его по нескольким коммунам (например, обходя коммуны с поздравлениями на новый год)²⁸⁶. Также это даёт возможность делиться информацией друг с другом: иметь общие «сплетни» (термин самих коммунаров), делиться информацией об особенностях аренды той или иной квартиры или, скажем, о ненадёжности арендодателя. Это же помогает осуществлять помощь при переезде, «мародёрить» друг у друга (забирать ненужные вещи), делиться добытой «фригой», «спасать помещение» – искать новых желающих создать коммуны на месте большой квартиры, оставленной другими коммунарами, отдавать животных на передержку и пр. Они же составляют друг для друга фонд потенциальных жителей: жители распавшихся коммун часто переезжают в соседние сообщества такого же рода²⁸⁷.

Для коммунаров характерно значительное профессиональное разнообразие. Наиболее значимые его сегменты: студенты, пролетариат различных частей сферы услуг, самозанятые художники, продающие свои произведения и, чаще всего, совмещающие это с другой работой. Несколько подробнее об источниках доходов жителей коммун будет рассказано в Главе 3.

Новыми коммунарами, как правило, становятся знакомые актуальных или бывших коммунаров, а также подписчики соц. сетей той или иной коммуны. По словам гостей коммун, на них часто подписываются, увидев репост о мероприятии в коммуне во внешней по отношению к ней ресурсах. Вопрос о том, можно ли поселиться в коммуне часто задаётся после посещения мероприятия в ней²⁸⁸. В небольших коммунах (до 15-и человек) коммунары отбираются на общем собрании консенсусом, в коммунах большего размера в «знакомстве» или «собеседовании» участвует меньшая часть коммунаров – только те, кто пожелали на него прийти, в этом случае необходим их консенсус и отсутствие возражений со стороны других участников сообщества²⁸⁹. Потенциальных коммунаров отбирают, в т. ч. по финансовому признаку – обращают внимание

²⁸⁴ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 244.

²⁸⁵ ПДА 2024с

²⁸⁶ ПДА 2025

²⁸⁷ ПДА 2024с, 2025

²⁸⁸ ПДА 2024с, 2025

²⁸⁹ ПДА 2022

на то, есть ли у человека работа или иные источники дохода (типа помощи родителей для студентов), поскольку предполагается, что он должен иметь возможность вносить плату за аренду и «вскидываться в общак»²⁹⁰.

В случае с коммунарами трудно говорить об устойчивом одежном комплексе. Одежда как воспроизводящийся маркер идентичности характеризуют «субкультурников» и коммунаров, принадлежащих к ним. Коммунары, не принадлежащие к той или иной субкультуре, также обладают компетенциями в анализе символического поля одежды и тела, например, отличая панков по чёрным кожаным курткам с кустарными белыми рисунками и надписями, а также по татуировкам на лице²⁹¹. Исследование одежного комплекса различных связанных с коммунарами субкультур, впрочем, может стать предметом отдельной работы.

Одежда «субкультурников» понимается как «ненормисная», к «ненормисной», однако, причисляются и иные нонконформистские варианты одежды. Так, один из моих информантов, называя себя хиппи, зимой предпочитает комбинировать в своём повседневном облике ярко синий войлочный шаперон – капюшон с длинным шлыком наподобие тюрбана, популярный в Западной Европе Средневековья и Раннего Нового времени – киргизский чапан из синтетической ткани, отороченный синтетическими же блестящими орнаментальными вставками («рога барана»), и ковбойские сапоги из коричневой кожи. Каждый из этих элементов одежды является предметом гордости их обладателя, которому пришлось приложить значительные усилия к их поиску и покупке, однако никак не обозначает его принадлежность к хиппи, но точно делает его внешность «ненормисной»²⁹². В целом, при отсутствии устойчивого одежного комплекса значимая часть коммунаров обладает установкой на нонконформизм в одежде.

Другая часть коммунаров одевается «нормисно» или «по обывале», то есть следуют конформистской логике, которая, однако, не осуждается. Таких как раз называют «нормисами» с оговоркой «не совсем нормисы»²⁹³.

Коммунары, предпочитающие «нефорскую» одежду, впрочем, могут отказываться от неё с целью скрыть своё «нефорство», например, в момент просмотра потенциально арендуемой квартиры²⁹⁴. В другие моменты «ненормисная» одежда, наоборот, становится очень акцентированной. Если в повседневности тот или иной коммунары позволяет себе лишь некоторые элементы «нефорства» в костюме (например, шаровары и безразмерная толстовка с яркой

²⁹⁰ ПДА 2022-2025

²⁹¹ ПДА 2025

²⁹² Там же

²⁹³ ПДА 2024с, 2025

²⁹⁴ ПДА 2024с

вышивкой), то, собираясь пойти на мероприятие, тот же человек будет стараться создать свой облик полностью из «нефорских» элементов²⁹⁵. В связи этим популярностью у такого рода коммунаров пользуются секонд-хенды, в которых ищут и находят необычную одежду. Многие коммунары являются работниками таких магазинов, а посещение того или иного города очень часто сопровождается походом в местные «секонды». Некоторые московские коммунары, приезжающие в Петербург, почти полностью сводят своё присутствие в городе к перемещению между коммунарами и «секондами», а вопрос «куда посоветуешь сходить?» может означать именно «какие секонды считаешь интересным посетить?»²⁹⁶.

Любопытно, что одежда не всегда служит маркером идентичности, ориентированным на «нормисов», как это имело место в случае с представителями «Системы»²⁹⁷, поскольку те могут вовсе не знать о существовании «нефоров»²⁹⁸. Однако на ней основывается демонстрация солидарности между «нефорами» (в этом они совпадают с «Системой»²⁹⁹). Одна коммунарка в разговоре со мной вовсе утверждала, что «нефорская» одежда делает её «невидимой» для «нормисов» – она обретает чувство, будто на неё никто не смотрит – но эта же одежда позволяет практиковать связь с «нефорами», улыбнувшись «ненормисно» одетому человеку в автобусе³⁰⁰.

Одежда служит предметом обобществления и взаимопомощи. Многие коммунары договариваются о создании общего фонда «ненормисных» вещей, которыми пользуются сразу два или три человека. Некоторые коммуны также располагают общим фондом одежды. В большинстве коммун и некоторых «нефорских» кафе существуют «фримаркеты» («фришки») – места для добровольного выкладывания вещей одними коммунарами/посетителями и безвозмездного присвоения их другими (Рис. 13, 14). Наиболее значительную часть вещей на «фримаркете» часто составляет одежда, о наличие невостребованной одежды также объявляют в чатах коммунаров³⁰¹. В наиболее радикальных случаях человек может полностью одеваться «с фришки» – так, жительница одной из коммун, приехав в Петербург в гости к подруге-коммунарке, заболела и вынуждена была остаться в городе ещё на несколько недель до выздоровления. Поскольку за это время сильно похолодало, она сформировала свой гардероб

²⁹⁵ ПДА 2024с, 2025

²⁹⁶ ПДА 2025

²⁹⁷ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 86.

Гордеева, И. А. Театрализация повседневной жизни в культурном андеграунде позднего советского времени // *Kultūras studijas. Zinātnisko rakstu krājums.* – 2018. – Vol. 10. – P. 52-60.

²⁹⁸ ПДА 2022, 2024-2025

²⁹⁹ Щепанская, Т. Б. Система. С. 38.

³⁰⁰ ПДА 2025

³⁰¹ ПДА 2022, 2025

ПМА 2022а

тёплой одежды, оставленной в родном городе, заново, найдя все вещи на «фришке»³⁰². Мне также известны случаи, когда поиск невостребованной одежды осуществлялся коммунарами проактивно – например, для коммунара, у которого не было зимней одежды, искали дублёнку или пуховик, поиски оказались успешными³⁰³.

Наряду с одеждой другими маркерами «ненормисности» могут служить прозвища. Значимая часть коммунаров не носят прозвищ, которые бы использовались при обращении – их называют по именам – однако они имеют уточняющие прозвища, которые добавляются дабы уточнить, о каком именно коммунаре с тем или иным именем идёт речь. Так, меня называют Артёмом, а при необходимости добавляют «Этнограф», «Антрополог» или «Артём Валерьевич». Последнее, также как и первые два, подчёркивает связь имярека с наукой³⁰⁴. К другим коммунарам обращаются по прозвищам, их используют наряду с именами. Прозвищ может быть несколько – среди моих информантов есть носители шести или семи³⁰⁵. Считается, что необходимость прозвищ обусловлена обилием людей с одинаковыми именами. Я наблюдал ситуации, в которых попытки объяснить, о ком идёт речь, были затруднены наличием множества знакомых с одинаковыми именами, такие обсуждения заканчивались фразой «Да блин, скажи уже кличку!». А использования прозвища «Этнограф» в моём случае объяснялось словами «Артёмов знаешь сколько!»³⁰⁶. Некоторые коммунары также носят вторые имена, использующиеся только для общения в коммунах, имена, имевшие или имеющие хождение в семье, не скрываются, но и не афишируются специально³⁰⁷.

Стоит, впрочем, оговориться, что в отличие от прозвищ «Системы» прозвища коммунаров не имеют предписывающего смысла. Они могут иметь описательный характер, например, обозначающий род деятельности коммунара или особенности его внешности³⁰⁸, быть искажённой версией его имени (типа Даня – Дыня)³⁰⁹ могут быть просто предпочтительными для их носителя и т. п.³¹⁰, однако не имеют задачи обозначить ожидание окружения от человека, как это было в обстоятельствах «Системы», где, например, прозвище Дикобраз отсылало к «Пикнику на обочине» братьев Стругацких и предполагало, что его носитель должен заниматься эзотерическими поисками³¹¹. Прозвище не интегрирует человека в «нефорскую» или

³⁰² ПДА 2022

³⁰³ ПДА 2025

³⁰⁴ ПДА 2022, 2024

³⁰⁵ ПДА 2024с

³⁰⁶ ПДА 2025

³⁰⁷ ПДА 2022-2025

³⁰⁸ ПДА 2024с

³⁰⁹ Там же

³¹⁰ Там же

³¹¹ Щепанская, Т. Б. Система. С. 133, 147.

коммунарскую среду в какой-то роли, оно позволяет индивидуализировать его, выделить из череды людей с одинаковыми именами.

Пищевые практики коммунаров во многом связаны с традицией «общей закупки», разные варианты которой имеют место в различных коммунах. В большинстве коммун «общая закупка» является одной из статей общего бюджета («общака» – подробнее о нём ниже). В отдельных коммунах она производится по широкому списку продуктов, включающем в себя, например, картофель, крупы, макароны, специи, чай и пр. (Рис. 15, 16)³¹². В этом случае выбирается дежурный по закупке, который организует распределение денег на покупку тех или иных продуктов, а также интересуется у коммунаров, какие продукты для них более предпочтительны³¹³. В другом случае в «общаке» выделяется «профицит», который коммунары каждый по личной инициативе расходует на общие продукты³¹⁴.

Другим источником пищи сразу для всех коммунаров является «фрига» (сокр. от «фриганство») – поиск пригодных для повторного использования вещей на свалках и помойках или списанной, но не испорченной еды у магазинов и кафе. В большей степени фриганство распространено среди представителей «коммунарского движа». Оно считается заимствованием из практики московских коммун, которые, по словам информантов, часто могут вовсе исключить «общую закупку», заменив её «фригой» – в Петербурге такое не практикуется, поскольку считается, что источников «фриги» недостаточно. «Поход за фригой», как правило, осуществляется отдельными энтузиастами. «Фригой» считается также, например, еда, собранная коммунарами на праздничных корпоративах у работодателей. Если количество собранной «фриги» превышает возможности хранения продуктов в коммуне, её принято распределять между другими коммунами, как правило, отправляясь с ней в гости и передавая гостям оттуда. В коммунах, в которых фриганство наиболее развито, может быть вовсе не принято покупать еду «на общак», в результате периоды скудности в них могут сменяться периодами пищевого изобилия и сверхизобилия³¹⁵.

Во всех коммунах существуют те или иные правила отделения общей еды от личной: начиная от банального подписывания (в одном из «домов» для этого утвердились отдельные эмблематические знаки (Рис. 17, 18))³¹⁶ до общего правила о том, что вся еда, лежащая на столе

³¹² ПМА 2022а

ПДА 2022

³¹³ Там же

³¹⁴ ПДА 2025

ПМА 2025

³¹⁵ ПДА 2025

³¹⁶ ПДА 2022

или стоящая на той или иной полке холодильника, является общей³¹⁷. К отсутствию подписи, впрочем, могут апеллировать в последнюю очередь, когда выяснить хозяина той или иной еды затруднительно. Также принято обобществлять еду, оставленную гостями, «вписчиками» (гостями, ночующими в коммуналке) и бывшими коммунарами³¹⁸.

В большинстве случаев приготовление пищи имеет индивидуальный характер – каждый коммуналщик готовит пищу сам для себя, нередко угощая оказавшихся рядом, или (в парах и семьях) также для своего партнёра и/или ребёнка³¹⁹. Приготовление пищи «на всех» / «на общак», как ни парадоксально, также носит оттенок подчёркнутого индивидуализма. Это значительно отличает такого рода практики в коммуналке от подобных повседневных реалий в нуклеарных семьях. Как отмечают социологи Яков Щеглов и Жанна Чернова, практики приготовления пищи в семье матерями и жёнами предполагают ориентацию на разнообразие предпочтений домочадцев, что делает задачу приготовления пищи на всех весьма сложной³²⁰. В обстоятельствах коммуналки этот процесс сильно упрощается: приготовление пищи на всех воспринимается как акт самовыражения каждого отдельного коммунара, поэтому предпочтения других коммунаров, как правило, не учитываются, а попытки их учесть (скажем, с моей стороны), встречают реакцию «делай как твоей душе угодно». Блюда из диеты одного коммунара (например, предпочитаемая им восточноазиатская кухня) на некоторый период становятся частью диеты всех³²¹.

Приготовление пищи для всех коммунаров также может быть формой выражения благодарности или платы со стороны «вписчиков» за предоставляемый ночлег и общение³²².

В «коммунальском движе» совместные застолья, имеющие место в связи с праздниками, часто либо не предполагают употребление пищи, либо включают его минимально. Приготовление пищи не считается обязательным: хозяева берут на себя обязательства не по приготовлению стола, а по организации беседы, в которой бы каждый имел возможность высказаться. Например, создавая анкеты, посвящённые коммунальскому бытию, которая предлагается каждому участнику застолья³²³. Таким образом, застолье становится не моментом разделения общей пищи, а пространством индивидуального высказывания.

ПМА 2022а

³¹⁷ ПДА 2024с

³¹⁸ ПДА 2025

³¹⁹ ПДА 2022, 2024с, 2025

³²⁰ Чернова, Ж. В., Щеглов, Я. И., Литвинова, А. И. Практики питания: баланс автономности, инвестированности и вкусовосприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – №3. – С. 82—107.

³²¹ ПДА 2022

ПДА 2025

³²² ПДА 2025

³²³ ПДА 2025

Коммунары часто не разделяют общих пищевых циклов. Блюда на всех готовятся от случая к случаю. Наиболее подходящими для общего застолья блюдами считаются те, что готовятся быстро. Например, «коммунарский кекс» именно этим отличается от обычного³²⁴.

Несмотря на наличие характерных практик, связанных с застольями, трудно говорить о существовании развитых форм обрядности в коммунарской среде. Исключением являются распространённые в «коммунарском движе» «свечки». По словам некоторых коммунаров, они восходят к традиции коммунарской педагогики, развивающей идеи А. С. Макаренко. «Свечки» проводятся без какого либо повода, либо их могут приурочить к тому или иному событию: например, годовщине существования коммуны. Как правило, их участники рассаживаются в круг, часто вокруг стола. Среди них выделяется ведущий, начинающий процесс. Ведущий держит в руках свечку (по этой причине «свечки» обычно назначаются на вечер) и предлагает собравшимся по очереди ответить на какой-либо вопрос или порассуждать на какую-либо тему, затем передаёт свечу по часовой стрелке. Держатель свечи говорит – заканчивая, передаёт свечу вновь. Круг заканчивается, когда свеча вновь попадает к ведущему – он задаёт следующую тему или вопрос. В конце, ведущий объявляет об окончании или назначает следующий круг заключительным. Обряд также подчёркивает индивидуализм коммунаров, воспроизводя возможность высказаться каждому³²⁵.

Большое значение в жизни коммунаров имеет автостоп. В этом они, вероятно, наследуют «системной» традиции³²⁶. Автостоп также связан с организацией и участием в фестивалях и походах. Если участие в фестивалях происходит индивидуально или небольшими группами, походы могут организовываться для всех желающих коммунаров города³²⁷, что также как и в системе делает важной локацию «леса»³²⁸. Для похода и поездки на фестиваль используются выражения «поехать в лес», «в конце июля у меня лес», «мы встретимся в лесу» и т. п.³²⁹

Ниже я приведу список коммун, на которые распространилось моё исследование, а также краткую информацию о них. В целях анонимизации всем коммунарам даны ложные названия. Номера в их начале не используются коммунарам, они добавлены мной для простоты различения.

Среди коммун, которые я посещал гостем в рамках мероприятий или вне связи с ними:

³²⁴ ПДА 2024с

³²⁵ ПДА 2025

³²⁶ Фюрст, Ю. Цветы, пробившие асфальт. С. 221.

Щепанская, Т. Б. Система. С. 60.

³²⁷ ПДА 2022, 2025

³²⁸ Там же. С. 62-63.

³²⁹ ПДА 2025

«Ненатуральное число» – коммуна, восходящая к более ранним коммунам, в создании которых участвовали и выходцы из Первого Дома на проспекте, по отношению к ней также употребляется название Дом на [улице], некоторые мои информанты, проживавшие там, безотносительно других коммун называли её Домом. Некогда она занимала два этажа и включала более тридцати человек, на сегодняшний день в аренде у её участников находится только один. Периодически среди коммунаров появляются слухи о её распаде, но посещавшие её люди также часто свидетельствуют о том, что коммуна всё ещё существует. Часто позиционируется как «коммуна художников»³³⁰;

Первый Дом на линии – коммуна из шести человек, в ней я имел возможность «вписываться» в течение трёх дней³³¹;

Второй Дом на линии – небольшая коммуна из пяти человек, включающая в себя пару с ребёнком³³²;

Первый Дом на проспекте – старейшая коммуна, известная жителям «домов» и участникам «коммунарского движа». Появилась в конце 1990-х годов. Единственный известный мне пример коммуны, участники которой владеют квартирой в совместной собственности. В разное время включала в себя приблизительно от 5-и до 15-и человек³³³;

Второй Дом на проспекте – коммуна из шести человек, основанная семейной парой, занимающейся проведением арт-выставок и арт-фестивалей. Среди её жителей кураторы, художники и музыканты³³⁴;

Дом на севере – коммуна из шести человек, созданная бывшими жителями распавшегося Дома на синей ветке. Редкий пример коммуны, располагающейся в частном доме, её жители совместно арендуют дачу довоенной постройки³³⁵;

«Облака» – коммуна, в разное время состоявшая из 5-8 человек, принадлежащая к «движу», «спасла помещение», некогда покинутое коммуной «Древо»³³⁶;

³³⁰ ПДА 2021d, 2024-2025

ПМА 2021b

³³¹ ПДА 2021a

ПМА 2021a

³³² ПДА 2025

ПМА 2025

³³³ ПДА 2021e

³³⁴ ПДА 2021b

³³⁵ ПДА 2024d

³³⁶ ПДА 2024c

«Не то» – коммуна, существовавшая в течении 2023-2024 годов. Появилась в результате распада «Потока» на пике своей численности включала в себя 9 жителей. Участники «Не то» называли её «чем-то средним» между коммуной и коливингом, т. к. среди коммунаров выделялась «старшая», ответственная за ведение бюджета, переговоры с соседями и арендодателем³³⁷;

«Древо» – одна из коммун, появившаяся в результате распада «Потока»³³⁸;

«Воловская» – коммуна, не принадлежащая к описанным выше волнам, распалась в 2022 году. Приобрела фольклорный характер среди участников «коммунарского движа» как коммуна, где «постоянно что-то происходило». Двое коммунаров «Норм» некогда жили в ней³³⁹.

К коммунаам, распавшимся к моменту проведения интервью о них, принадлежат двое коммун, не усвоивших название «дом», но давших начало целой ветке коммун приведших к появлению Дома на той улице, Первого Дома на линии и Второго Дома на линии; Первый Дом на реке и основанному после его распада Второму Дому на реке. Выходцы из последнего стали основателями ДОма на синей ветке³⁴⁰. Коммуна «Завод», принадлежащая к «коммунарскому движу», «превратилась в коммуналку», часть жителей коммуны пришла к выводу, что им неинтересно существование сообщества, другая переехала, на сегодняшний день одна из основательниц «Завода» живёт в коммуне «Норм»³⁴¹. Наконец, коммуны «Джаз», «Грот», «Pets» и «Имя» существуют сейчас, однако не посещались мной. Я имел возможность говорить о них с их жителями, заходившими в гости, а также с теми, кто жил там ещё до разговора со мной. «Имя» образовалось в результате раскола одного из коливингов³⁴².

Как уже было сказано, я имел возможность вести включённое наблюдение в ДОме на синей ветке и коммуне «Норм». На связанный с ними материал я буду в наибольшей степени опираться в последующих главах, по этой причине представляется целесообразным рассказать о них подробнее.

Жители ДОма на синей ветке, просуществовавшего с 2016 по 2024 годы, называли себя «домашними» или «домочадцами»³⁴³.

³³⁷ ПДА 2024б

³³⁸ Там же

³³⁹ ПДА 2024с, 2025

³⁴⁰ ПМА 2021с, 2022а

³⁴¹ ПМА 2025

³⁴² ПДА 2025

³⁴³ ПДА 2022

ДОм считался и постфактум считается на редкость большой коммуной: за период исследования он был заселён 25-ю людьми (возрастом от 23 до 43 лет за одним исключением), среди которых было 12 совершеннолетних женщин, 12 мужчин и одна годовалая девочка, там же обитали шестеро котов и кошек (один из них назывался «коммунальным», остальные были закреплены за отдельными хозяевами) и одна собака. На период проведения исследования двое информантов жили в ДОме с момента его основания, остальные – от полугода до двух лет. Профессиональный состав жителей коммуны был разнообразен – среди её участников продававшие свой физический труд промышленные альпинисты, офисный пролетариат и прекариат (работники копировальных центров и типографий), IT-специалисты различного рода, имевшие возможность работать удалённо, репетиторы, художники, продававшие свои работы через интернет, хозяева квартир, сдающие их в аренду и пр.³⁴⁴

Члены коммуны в складчину арендовали у собственника помещение площадью 559 м², включающее в себя 28 отдельных комнат (в 20-и из них живут люди), 2 санузла и коридор. Такой формат аренды позволял существенно снизить ежемесячный взнос за комнату – он составляет от 10 до 15 тысяч рублей с учётом платы за ком. услуги и интернет. Помещение коммуны располагалось в многоквартирном доме 1930 года постройки, оно представляло и представляет собой коридор с большим количеством комнат, прилегающих к нему (некогда оно являлось рабочим общежитием). С коммуной соседствовали как жилые квартиры, так и офисы, хостелы и т. д.³⁴⁵

Собственник помещения не разделял предпочтений жителей коммуны в образе жизни, их взаимодействие строилось как товарное. Конец существования ДОма также был связан со сменой собственника и его решением сдавать помещение более платёжеспособным арендаторам.

Среди помещений ДОма его жители выделяли «общие места», или «общие пространства», к ним относили зал, курилку, гостиную (Рис. 19), кухню (Рис. 20) и два санузла. Зал и гостиная использовались для внутренних мероприятий (занятий спортом, настольных игр и пр.) и мероприятий с участием гостей (квартирники, мастер-классы, праздники и т. п.). Жители ДОма чаще всего встречались друг с другом в гостиной, там они ели ту пищу, что предварительно готовили на прилегающей к ней кухне (между ними был дверной проём), там же находилась коллекция настольных игр, общая библиотека и обеденный стол (есть принято, впрочем, не только за ним). В гостиной стояла колонка с Bluetooth-адаптером: почти каждый, кто приходил туда с утра первым, включал предпочитаемую им музыку. В гостиной же проходили общие

³⁴⁴ ПДА 2022

³⁴⁵ Там же

собрания. В зале и гостиной действовало правило, запрещающее там спать. Курилку посещали все курящие жители коммуны, а также те, кто хотел продолжить с ними общение, начатое в гостиной или личной комнате одного из собеседников. Курилка запиралась изнутри и снаружи во избежание проникновения запаха табака в коридор и ближайшие комнаты³⁴⁶.

Значимая часть предметов в ДОме находилась в общем пользовании. Как правило, они располагались в «общих пространствах». Среди наиболее заметных из них можно назвать проектор, уже упомянутые коллекцию настольных игр и библиотеку, а также фортепиано, находившееся в гостиной, сушилку для белья, стиральную машину и гладильную доску, располагавшиеся в одном из санузлов и т. п. В зале также находился «фримаркет» («фришка») – место для добровольного выкладывания вещей одними членами коммуны и безвозмездного присвоения их другими³⁴⁷.

Жители ДОма совместно закупали месячный запас продуктов и бытовой химии, а на общих собраниях на неопределённый срок (как правило, до отказа исполнять свои обязанности) избирали ответственных за это. Также на неопределённый срок ими избирался счетовод, обеспечивавший, среди прочего, сбор арендной платы, и ряд дежурных³⁴⁸.

На этих собраниях, инициируемых для обсуждения некоей заранее предложенной повестки, решения принимались (иногда молчаливым) консенсусом, реже – большинством голосов. Инициатором собрания мог выступить любой житель коммуны, за исключением «вписчиков», то есть, тех, кто, ночуя в ДОме, пребывал на положении гостя кого-либо из его участников³⁴⁹.

Все «домашние» признавали значимость свода писанных правил коммуны – «Договорённостей». В последние годы существования коммуны это, впрочем, носило только декларативный характер³⁵⁰.

Участники коммуны, с которыми я имел возможность беседовать, живя в ней, утверждали, что у их сообщества нет лидера, как таковая позиция лидера не предполагалась. Отмечу, впрочем, что многие считали, что в момент основания коммуны у неё был лидер, который, по его собственным словам, избегал этой роли и успешно смог её нивелировать. По рассказам

³⁴⁶ ПДА 2022

³⁴⁷ Там же

ПМА 2022а

³⁴⁸ ПДА 2021с, 2022

³⁴⁹ ПДА 2022

³⁵⁰ ПДА 2021с, 2022

некоторых бывших жителей ДОма, в течении его существования, в нём также появлялись группы жителей, считавших, что у коммуны есть лидер, но эту точку зрения никогда не разделяли все³⁵¹.

Новые жители ДОма, как правило, появлялись в нём по рекомендации кого-то из «домашних», реже они сами могли обнаружить объявление об аренде комнаты (их выкладывали в соц. сетях), затем в одном из чатов коммуны происходило предварительное голосование, где, как предполагалось, кандидатура могла быть отвергнута, в случае если находился минимум один её противник, позицию которого готовы были поддержать двое или большее количество человек. Эта часть отбора, как правило, была связана с мониторингом онлайн-страниц потенциального сожителя. В дальнейшем, в случае успешного прохождения первой части отбора, кандидат приходил на «знакомство» – собеседование, на котором его расспрашивали о хобби, работе, взглядах и привычках. После происходило голосование, по результатам которого претендент становился или не становился жителем ДОма. Процесс принятия в коммуну значительно упрощался для тех, кто до того часто бывал в ней гостем: он мог быть принят без знакомства и даже предварительного обсуждения – ему предлагали переехать, когда тот изъявит желание³⁵².

Бывшие жители ДОма, а также те, кто принимал в его жизни активное участие, скажем, организуя мероприятия, но не жил в нём, определялись «домашними» как «друзья ДОма». Их около сотни, большинство из них состояли и состоят в созданном для этой группы чате в Telegram. К ним принадлежал и я³⁵³.

Коммуна «Норм» была основана в феврале 2023 года. Она значительно меньше ДОма: за период моего проживания в коммуне (с ноября 2024 года) население «Норм» увеличилось с шести до восьми человек. Сегодня к ним принадлежат Лука, Шаман, Веселый, Мышь, Ринат и я, а также присоединившиеся позже Лена и Хурма. Возраст жителей: от 18 до 26 лет. Среди них двое студентов, один курьер, один работник склада, трое работников ретейла и один антрополог. Пополнение состава коммуны было связано с переездом коммуны в новую съёмную квартиру, в котором я имел возможность принять участие. Квартира на Обводном канале площадью около 60 кв. м была оставлена в пользу оказывавшейся более близкой к центру квартиры площадью более 90 кв. м., в связи с чем количество коммунаров возросло до восьми. Первая и вторая квартиры арендовалась и арендуются в складчину. Такой формат аренды позволяет существенно снизить ежемесячный взнос – он составляет 12-13 тысяч рублей с учётом платы за комм. услуги

³⁵¹ ПДА 2022а

ПМА 2022

³⁵² ПДА 2021с, 2022

ПМА 2022а

³⁵³ ПДА 2022

и интернет. Первое помещение коммуны представляло собой трехкомнатную квартиру в хрущевке, с тремя спальными комнатами, одна из которых служила одновременно спальней и гостиной/залом. Вторая квартира располагается в многоквартирном доме, построенном в начале XX века, и включает в себя четыре комнаты, одна из которых также выполняет функции спальни и гостиной, остальные являются только спальнями. С коммуной соседствуют исключительно жилые квартиры, жителям которых не сообщается о коммуне, но говорится о «друзьях, живущих вместе»³⁵⁴.

Собственница квартиры, также как и в случае с ДОмом, не разделяет предпочтений жителей коммуны в образе жизни³⁵⁵.

Жители коммуны в складчину формируют общий бюджет («общак»), на деньги из которого, наряду с оплатой аренды, комм. услуг и интернета, закупается бытовая химия, предметы гигиены и продукты для приготовления пищи на всех (последнее, впрочем, происходит нечасто). Наряду с варьирующимися ежемесячными взносами, расчёт которых производит «общакодержатель» (счетовод) они нередко вносят в «общак» дополнительные средства или покупают продукты для всех на свои личные деньги³⁵⁶.

Совместные решения в коммуне в декларируемой норме принимаются консенсусным решением в общем чате или на собраниях. Наряду с чатом ее жители ведут посвященный «Норм» телеграмм-канал³⁵⁷.

Коммунары также утверждают, что у их сообщества нет лидера, как таковая позиция лидера не предполагается³⁵⁸.

Процесс принятия новых жителей схож с тем, что имел место в ДОме. Они появляются в коммуне по рекомендации, кого-то из коммунаров, в других случаях те сами могут обнаружить объявление об аренде комнаты (их выкладывают в соц. сетях) или опубликовать свою анкету. Жители «Норм» рассматривают краткий рассказ потенциального соседа о себе, а затем принимают решение о приглашении или неприглашении его или её на собеседование. По итогам нескольких собеседований часто выбирается несколько кандидатур на место в коммуне, среди которых затем выявляется консенсусно наиболее предпочтительная, после чего этот человек может переехать в коммуну на «испытательный срок», называемый также «пробной неделей».

11³⁵⁴ ПДА 2024с, 2025

³⁵⁵ ПДА 2024с

³⁵⁶ Там же

³⁵⁷ Там же

³⁵⁸ Там же

Число коммунаров устойчиво, это связано, с одной стороны, с ограничением спальных мест в квартире, а с другой, с необходимостью иметь тех, кто мог бы разделить с ними арендную плату.

Выводы

Восходящие к 1860-м годам волны коммунитарного движения в России, предполагавшие активное создание намеренных сообществ, имеют некоторую степень взаимной преемственности (например, между хиппи и толстовцами или раннесоветскими строителями коммунизма и энгельгардтовцами). Современный ландшафт намеренных сообществ в России описан, прежде всего, как множество примеров коммуналистской реализации ряда New Age движений различной степени популярности. Этим также обусловлено то, что намеренные сообщества в современной России, которые рассмотрены в историографии, являются исключительно сельскими. Коммуны, находящиеся в городах, а также не принадлежащие к тем или иным идеологическим течениям, реализующие коммунизм как образ жизни, а не как практику учения, выпадают из аналитики российских намеренных сообществ.

Городские коммуны Петербурга, существовавшие и существующие в 2010-х – первой половине 2020-х годов, принадлежат к социальной среде «нефоров» и, по всей вероятности, восходят к коммуналам «Системы» 1980-х – среды общения представителей позднесоветских молодёжных субкультур. С «Системой» их роднит как сам коммунизм, характерный для советских хиппи, так и некоторые другие культурные черты: прочная связь с теми же субкультурами (типа хиппи и панков), значительная роль автостопа, интеграция в «тусовочную» инфраструктуру, ненормальность как идентичность («шизовость») и пр.

Этнографически можно определённо говорить как минимум о двух волнах коммун в Петербурге: «домах», восходящих к концу 1990-х, и «коммунарском движе», начавшем развиваться в 2020-е. Эти две волны, не будучи связаны генеалогически, находятся в контакте друг с другом, при этом имеют значительные культурные различия, проявляющиеся как в разных аспектах материальности, так и в символических и дискурсивных практиках, что, вероятно, обусловлено московским происхождением «движа» и местными корнями «домов».

Глава 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТРУДОВЫЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ КОММУН

В этой главе экономические темпоральности коммун, связанные с трудовыми и товарными отношениями, будут рассмотрены в их отношениях с другими темпоральностями.

Следуя логике антропологии времени, я буду описывать темпоральности (формы времени) как отношения – системы распределённой агентности, организующие практики агентов. Внутри этой же рамки я буду рассматривать темпоральности как принципиально множественные не только в связи с существованием множества сообществ, но и внутри одного сообщества, не пытаясь, впрочем, составить их исчерпывающий каталог³⁵⁹. Вслед за Н. В. Ссориным-Чайковым совокупности темпоральностей, характерные для той или иной коммуны, я буду называть темпоральными множественностями³⁶⁰.

Экономические темпоральности, обуславливающие особенности жизни в коммунах – пример того, как на первый взгляд внешние формы времени, выступают частью внутренней жизни сообществ. Подобно тому, как, например, домашняя и рабочая сферы образуют единый континуум³⁶¹, роль экономических темпоральностей, связанная, с одной стороны с внешним миром и, например, работой в нём, а с другой определяющая внутреннюю коммунарскую жизнь, делает границу между внутренним и внешним в коммуне весьма условной.

1. Темпоральности общения, труда и саморазвития в жизни коммун

Жители ДОма на синей ветке часто говорили мне, что основная причина, по которой они предпочитают проживание в коммуне иным вариантам совместной или одиночной жизни – это общение в общих пространствах (иногда его называли «тусовкой»). Это общение описывалось как имеющее особое качество. По словам жительница ДОма Алисы, в нём «есть фактор неожиданности»: обилие гостей позволяет встретить в коммуне очень разных людей³⁶².

³⁵⁹ Munn, N. Gawan Kula. Greenhouse, C. A Moment's Notice. P. 82–83.
Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени. Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 3, 62.

³⁶⁰ Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени.

³⁶¹ Nippert-Eng, C. Home and Work: Negotiating Boundaries through Everyday Life. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 343 p.

³⁶² ПМА 2022a

Подобное говорили и другие «домашние». Обилие общения приводилось, в том числе как повод продолжать жить в коммуне (уже другой) после распада ДОма. Одна из жительниц созданного бывшими «домашними» Дома на севере, говорила, что переехала в новый Дом, поскольку ей «хотелось жить в коммуне дальше», а на вопрос почему ей этого хотелось, отвечала «ты вышел и у тебя уже компания»³⁶³. Другая коммунарка утверждала, что «для того, чтобы сходить в гости, тебе достаточно просто выйти в коридор»³⁶⁴.

О такого рода общении говорили и участники других коммун. Жительница «Ненатурального числа» Ника говорила о том, что переехала туда именно ради общения, а другой коммунары утверждал, что «здесь ты можешь прийти в любое время и всегда кого-нибудь бодрствующего можешь застать»³⁶⁵. Ещё один мой собеседник говорил, что у него «нет варианта для скуки: скучно – ты вышел...»³⁶⁶. Такие же суждения можно встретить во Втором Доме на проспекте: «тут всегда что-то происходит, плюс, всегда есть общение интересное»³⁶⁷.

Это общение противопоставляется дружеским встречам. Та же Алиса говорила о том, что ей не нужно «тратить время» на планирование, договорённости и поездки к месту встречи³⁶⁸. Аналогично Ринат из «Норм» рассуждал о том, что жизнь в коммуне хороша тем, что к друзьям можно «просто выйти», не нужно это «долго организовывать»³⁶⁹. Любопытно, что общение связывается информантами со временем: общение в коммуне темпорально экономно, чего не скажешь о взаимодействиях во вне.

Склонность к общению понимается многими коммунарами как добродетель. Например, в «движе» отказ от общения, стремление просто арендовать место в коммуне, но не общаться с её жителями часто называют «потребительским отношением»³⁷⁰. Также говорят об анкетах, которые потенциальные коммунары присылают, пытаясь стать участниками того или иного сообщества. «Потребительскими» называют те анкеты, где рассказывается, прежде всего, о том, какие условия нужны потенциальному коммунару (например, отдельная комната и наличие кровати, а не матраса на полу). С большей симпатией относятся к тем, кто излагает в анкете свои увлечения и бэкграунд как потенциальные ресурсы для общения³⁷¹. Соответственно, негативно

³⁶³ ПМА 2024a

³⁶⁴ Там же

³⁶⁵ ПМА 2021d

³⁶⁶ Там же

³⁶⁷ ПМА 2021b

³⁶⁸ ПМА 2022a

³⁶⁹ ПМА 2025

³⁷⁰ ПДА 2025

³⁷¹ Там же

ПМА 2025

оценивается отказ от общения в пользу работы. В частности, про одного из гостей «Норм» мне доводилось слышать «работает дофига, а ещё [выпендривается]»³⁷². Такое морально позитивное восприятие общения роднит коммунаров с «Системой», где целью «тусовки» как раз считалось общение без каких-либо дополнительных целей³⁷³. Любопытное расхождение здесь касается «вписчиков»: если у представителей «Системы» на «вписе» принято было не докучать хозяевам лишним общением³⁷⁴, то от «вписчика» в нынешней коммуне, как раз, и ждут этого общения – публикуя «анкету для вписа», также рассказывают про увлечения и бэкграунд, можно даже встретить утверждения вроде «могу говорить о чём угодно»³⁷⁵.

У такой большой роли общения есть и негативные коннотации. В ДОме с ним связывали «болотистость», общение, как утверждали коммунары, «засасывает»³⁷⁶. Ещё одна жительница ДОма Дана использовала сентенцию «общение – наркотик». Она утверждала, что по этой причине позволяет «ДОму отъедать у своего времени приличные куски». Она же говорила, что её «сердечко должно быть вне ДОма» – основное общение должно быть за его пределами, это препятствует «засасыванию»³⁷⁷. Ещё одна коммунарка София рассказывала, что общение в ДОме на синей ветке «обволакивало» и «окутывало»³⁷⁸.

Такое «засасывание» происходило и со мной. Беседы с информантами из вечерних плавно переходили в ночные. Например, мой разговор со старейшим (по стажу проживания) из «домашних» Дедом, начавшись около девяти часов вечера, завершился в начале девятого часа утра с появлением в гостинной собравшегося на работу коммунара Виктора. Посмотрев на экран смартфона, я с сожалением сказал о том, что к десяти утра мне нужно быть на семинаре, а я рассчитывал поспать, хотя бы, часа три. На что Виктор, улыбаясь, ответил: «А вот так всегда»³⁷⁹.

На такого рода экспансивность общения в коммуне «Норм» жаловался её житель Лука. В очередной раз ложась спать около четырёх утра, после длительных разговоров с соседями по коммуне он жаловался на то, что не может сделать этого раньше и называл это «коммунарским графиком»³⁸⁰.

³⁷² ПДА 2025

³⁷³ Здравомыслова, Е. А. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы. Щепанская, Т. Б. Система. С. 45.

³⁷⁴ Там же. С. 70.

³⁷⁵ ПМА 2025

³⁷⁶ ПДА 2022

³⁷⁷ ПМА 2021с, 2022а

³⁷⁸ ПДА 2024d

³⁷⁹ ПДА 2022

³⁸⁰ ПДА 2024с, 2025

Экспансия «тусовки» распространяется и на трудовое время. Так, мне рассказывали о человеке, который покинул ДОм, обнаружив, что, живя в нём «трудно работать»³⁸¹. Житель коммуны Денис, не планировавший покидать её утверждал, что «тусовки» в жизни ДОма стало меньше, поскольку «Тусовка – это конечно хорошо, но работать не получается»³⁸². Алиса, рассуждая об этом противопоставляла общение и работу: «пять утра, а ты ещё там [в гостиной], а человеку на работу пора»³⁸³.

Подобное мне говорили и в «Ненатуральном числе». Его жители утверждали, что на момент нашего разговора стал весьма значительным разрыв между её первым и вторым этажами. Жители второго этажа больше работают и поэтому меньше участвуют в «тусовке»³⁸⁴. Сабина, одна из основателей коммуны, говорила мне о том, что ей было неудобно участвовать в жизни сообщества, т. к. проводимые коммунарам мероприятия (например, квартирники) никак не согласовывались с её рабочим расписанием³⁸⁵. Одна из «вписчиц» «Норм», имевшая обыкновение отходить ко сну около 23:00 и, соответственно, прекращать общение с коммунарами, на моё удивление по этому поводу реагировала фразой «А чё ты хочешь? Нормисная работа»³⁸⁶ – работа в банке с жёстким графиком была связана с необходимостью относительно рано ложиться спать, чтобы вовремя вставать на работу в одно и то же время.

Другая коммунарка «Норм», работающая смотрительницей в музее, говорила мне о том, что может устроится на пятидневную работу с восьмичасовым рабочим днём и осознаёт, что сможет заработать так гораздо больше, однако считает, что это отнимет у неё «больше сил и времени» и, в частности, у неё не останется «времени на общение», а точнее это будет общение «низкого качества». Она также признавала, что этот вопрос не стоял бы так остро, если бы она жила не в коммуне, в одиночку, поскольку тогда не требовалось бы выделять столько времени на общение³⁸⁷.

Таким образом, обнаруживается противоречие между временем «тусовки» и циклом воспроизводства рабочей силы по К. Марксу, предполагающим расписание работы и отдыха перед ней / после неё³⁸⁸.

³⁸¹ ПДА 2022

³⁸² Там же

³⁸³ Там же

³⁸⁴ ПДА 2021d

³⁸⁵ ПМА 2021c

³⁸⁶ ПМА 2025

³⁸⁷ ПДА 2025

³⁸⁸ Маркс, К. Капитал. С. 578.

Средством разрешения этого несоответствия в жизни коммун является прекарнизация трудового времени. Отказ от «нормисности» работы весьма популярен среди коммунаров «Норм». Так, Шаман, работая курьером в тех организациях, где право доставить заказ нужно было предварительно резервировать, имел возможность ходить на работу не каждый день. Отправляясь на доставку заказа, на вопрос о том, куда он, Шаман чаще всего отвечал «покурьерить надо» или в иных случаях пояснял повод – например, «свидание». Шаман не ходил на постоянную работу – он эпизодически «курьерил» по необходимости³⁸⁹. Мышь является внештатной работницей пункта выдачи заказов, что даёт ей возможность выходить на работу по договорённости, в такой же позиции Ринат работает в чайном магазине³⁹⁰. Некогда жившая в «Норм» Лена, периодически работавшая на складе маркетплейса, предпочитает делать это сверхурочно в течении месяца, дабы накопить на аренду и «выкупить корзину на Wildberries», а затем вовсе прекращала это делать, питаясь той едой, что готовилась коммунарами «на общак»³⁹¹.

Подобно Лене поступали и жители «Ненатурального числа». Некоторые из них, по их собственным словам, неоднократно практиковали отказ от работы на месяц, питаясь угощениями соседей³⁹².

Елена Здравомыслова отмечает, что такого рода прекарность, позволяющая выделить больше времени на общение, была также характерна для посетителей «системного» кафе «Сайгон»³⁹³.

Прекарность становится средством разрешения конфликта между трудовым временем и временем общения. Любопытно, что до некоторой степени прекарный характер часто имеют путешествия: многие коммунары, отправляясь в них, не обозначают конкретных дат возвращения³⁹⁴.

Время общения находится в конфликте с ещё одной темпоральностью.

Дед, покинувший ДОм ещё до его распада, утверждал, что «общаться с ними [с домашними] прикольно», однако называл это «эрзацем общения» – «мы можем залипнуть на кухне, обсуждая погоду...». «У меня потребность общаться с увлечёнными людьми целеустремлёнными... и ценящими время», «я хочу, чтобы я пытался говорить о чём-то, они

³⁸⁹ ПДА 2024с, 2025

³⁹⁰ ПДА 2025

³⁹¹ Там же

³⁹² ПДА 2021d

ПМА 2021d

³⁹³ Здравомыслова, Е. А. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы. С. 667.

³⁹⁴ ПДА 2024b, 2025

такие «слушай, я щас не могу: вот у меня там что-то, что мне очень интересно на ближайшие три часа. Давай вечером поговорим, обсудим твой вопрос». При этом сам Дед, будучи вовлечённым в художественные проекты, утверждал, что содержащиеся в этих проектах «отложенные удовольствия» становятся недоступны ему из-за «сиюминутных» удовольствий общения с соседями по коммуналке³⁹⁵.

Схожим образом высказывался и другой информант, покинувший коммуналку: «Просто из комнаты вышел, эта жизнь тебя закрутила <...> – куча народу с кем можно пообщаться». Это «затягивание», по его словам, мешает «саморазвитию» – изучению языков, обучению игре на музыкальных инструментах³⁹⁶.

Герман, житель Дома на севере, сомневался стоит ли ему вновь селиться в коммуналку после распада Дома на синей ветке. Он утверждал, что обилие общения в Доме делает так, что «ты расплываешься», «перестаёшь уделять время своему развитию», «перестаёшь думать кто я такой? куда я хочу идти? чем я хочу заниматься? кем я хочу стать?». Отказываясь от проекта себя, «теряешь свою индивидуальность». О подобном упоминали и другие жители Дома на севере³⁹⁷.

Аналогично высказывался и житель «Ненатурального числа». По его мнению, в коммуналке много «спама» (пустых разговоров), благодаря чему люди лишаются стимулов «развиваться»³⁹⁸.

Время общения вытесняет собой время саморазвития, которое ориентировано на будущее. Оно предполагает существование проекта, постановку целей, вопрос о том, кем тот или иной человек в этом будущем хочет стать.

Это вытеснение сходно с противоречием, описанным А. Хейнонен в финляндских коммуналках. В рассматриваемом ею случае коммуналоческое время дружбы, основанное на отказе от планирования, вступает в конфликт с биографическим временем, включающим в себя планы создания брака и семьи, и, соответственно, также ориентированном на будущее³⁹⁹. Таким образом, время, в котором настоящее и действия в настоящем, определяются пониманием желательного будущего – предпочтительных навыков типа знания языка, реализации художественного проекта или, в случае с этнографией А. Хейнонен, создания семьи – вытесняет и вытесняется временем без значительной роли будущего, которое можно посвятить общению и дружбе.

³⁹⁵ ПМА 2022а, 2023

³⁹⁶ ПМА 2021с

³⁹⁷ ПДА 2024d

³⁹⁸ ПМА 2021d

³⁹⁹ Heinonen, A. Commitments beyond Coupledness.

Для обобщения рассуждений об отношениях обозначенных темпоральностей представляется релевантной упоминавшаяся выше аналитика темпоральной множественности Н. В. Ссорина-Чайкова.

Исследователь, вслед за К. Гринхауз, описывает темпоральности как отношения, которые в условиях темпоральной множественности сами могут вступать в отношения⁴⁰⁰. Отношения предполагают характерную для их участников агентность. Саму возможность существования отношений между темпоральностями он обосновывает в бергсонианской оптике, считающей необходимым условием познания различных потоков времени их одновременность (*simultanéité*), то есть, включённость в темпоральность, присущую самому субъекту этого познания⁴⁰¹. Можно сказать, что Н. В. Ссорин-Чайков объективирует субъективистский тезис Анри Бергсона, перенося концепт одновременности за пределы лишь восприятия познающего агента⁴⁰² – одновременными становятся любые темпоральности, находящиеся в отношениях друг с другом.

Н. В. Ссорин-Чайков выделяет два типа отношений, оговаривая, впрочем, что этот короткий список может быть дополнен⁴⁰³. Первый тип – обмен (*exchange*), предполагающий, что разные темпоральности обуславливают возможность существования друг друга, одна форма времени позволяет существовать другой⁴⁰⁴. Второй тип отношений – изменение (*change*). В рамках изменения одна темпоральность признаётся истинной по отношению к другой и за счёт этого становится доминирующей, темпоральность ставшая вторичной, однако, не исчезает вовсе, но уходит на второй план⁴⁰⁵.

Связь между особенностью одновременности и спецификой отношений между темпоральностями не постулируется исследователем эксплицитно, но раскрывается им в анализе эмпирических кейсов. Отношения обмена обнаруживаются во взаимодействии лидера РСФСР Владимира Ленина и американского фарм-бизнесмена Арманда Хаммера, в котором последний организовывал коммерческие контакты Советской России с капиталистами Соединённых Штатов, тем самым, помогая решить вопрос голода в Поволжье и Приуралье. Н. В. Ссорин-Чайков описывает эти взаимодействия как сложную серию взаимных даров, благодаря которой В. И. Ленин и А. Хаммер создали общую для них темпоральность дарообмена (по М. Моссу) – подарок создавал обязательства отдарка, который должен был появиться через неопределённое

⁴⁰⁰ Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 6-7, 62.

⁴⁰¹ Бергсон, А. Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна). СПб.: ACADEMIA, 1923. С. 46–47.

⁴⁰² Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 13–14.

⁴⁰³ Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени.

⁴⁰⁴ Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 9–11.

⁴⁰⁵ Ibid. P. 19–39.

время. Среди подарков было и время как таковое: будущее коммунизма, обеспечиваемое создателем «первого социалистического государства», обменивалось на рыночное время, внутри которого действовал американский капиталист. Таким образом, коммунистическая и рыночная темпоральности оказались в отношениях обмена, точнее, внутри одновременного им времени моссианского дарообмена⁴⁰⁶.

Отношения обмена между темпоральностями в другом этнографическом контексте описываются Лаурой Бир: например, во взаимодействии экологического времени индийских рек, темпоральностей бюрократии и глобального капитализма, связанного с речными перевозками грузов, в жизни участвующих в этих перевозках лоцманов⁴⁰⁷.

Отношения изменения Н. В. Ссорин-Чайков вменяет темпоральностям советской власти в эвенкийском совхозе на севере Красноярского края и собственно эвенков, рядовых работников этого совхоза. Директор совхоза, деятельность которого описывает Н. В. Ссорин-Чайков, стремился привнести в жизнь местных жителей различные аспекты современности – конструируемого в настоящем будущего. Эвенки же воспроизводили отличный от неё образ жизни, апроприируя предлагаемые «блага современности» в своих практиках, но не отвергая их. Так, один из информантов исследователя называет себя «современным эвенком», поскольку пользуется этими самыми благами современности. Советская современность считалась более предпочтительной и дискурсивно обоснованной, она стремилась заменить собой циклическое время «коренных малочисленных народов Севера», но не могла его вытеснить. Сложившуюся в этих обстоятельствах одновременность Н. В. Ссорин-Чайков описывает также как время дара. Предложив современность как дар, советская власть вменила местным жителям ответные обязательства, которые принуждала выполнять, установив своё доминирование в регионе их проживания. Дар стал средством не симметричных отношений, которые анализировал М. Мосс, а способом установления власти Левиафана по Т. Гобсу. Отношения этих темпоральностей были включены во время гобсианского дара⁴⁰⁸.

В этом отношении Н. В. Ссорин-Чайков предлагает концептуализацию для множества этнографических описаний доминирования одной темпоральности над другой. Например, вытеснение локальных циклов высокогорных деревень индигенных жителей Тайваня

⁴⁰⁶ Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 9–11.

⁴⁰⁷ Bear, L. For Labour: Ajeet's Accident and the Ethics of Technological Fixes in Time // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 2014. – No. 20. – P. 71–88.

Bear, L. Time as Technique // Annual Review of Anthropology. – 2016. – Vol. 45. – No. 1. – P. 487–502.

⁴⁰⁸ Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins. P. 19–39, 95–121.

линейными колониальными темпоральностями⁴⁰⁹, исключение жителей джентрифицированных районов Торонто, не сумевших приспособиться к новым циклам городской жизни⁴¹⁰, трансформация повседневного графика дальневосточных работников крупных российских компаний в связи с «московским временем»⁴¹¹, принуждение новых жителей многоквартирного дома к соблюдению темпоральных особенностей, выработанных в соседском сообществе «старичками»⁴¹² и пр.

В обстоятельствах различных коммун время «тусовки» (общения) вступает в отношения изменения с временем саморазвития. Жители коммун предпочитают темпоральности саморазвития, ориентированной на будущее, темпоральность общения, не предполагающей проектов и планирования. В обстоятельствах обилия общения, участие в котором считается не просто возможным, но и правильным, у многих не остаётся времени на построение своей жизни как проекта. Темпоральность саморазвития не исчезает полностью – она остаётся в критических высказываниях желающих «развиваться» и реализовывать проекты.

Дед, покидая коммуну, переворачивал эти отношения, выбирая время саморазвития как более предпочтительное и ставя его в доминантную позицию над временем общения. Подобную же процедуру производят те, кто покидают коммуну, обнаружив, что жизнь в ней трудно совмещать с работой. Наконец, другие предпочитают отношениям изменения отношения обмена, в которых время precarious труда, предполагающее нестабильный и не очень большой заработок без постоянного графика или места работы, позволяет существовать времени общения, а общение не вытесняет precariousности, поскольку и на то, и на другое хватает временного ресурса. Соответственно, одновременность же этих темпоральностей обеспечивается временем-ресурсом, которого может хватать или не хватать для работы, общения или и того, и другого.

2. «Домовые» в темпоральном измерении

Важными агентами, связанным с воспроизводством экономических циклов в коммуне, являются те, кого в некоторых коммунах называют «домовыми». Участники сообщества,

⁴⁰⁹ Huang, S. «Times» and Images of Others in an Amis Village, Taiwan // *Time & Society*. – 2004. – Vol. 13. – No. 2/3. – P. 321–337.

⁴¹⁰ Kern, L. Rhythms of Gentrification: Eventfulness and Slow Violence in a Happening Neighbourhood // *Cultural Geographies*. – 2016. – Vol. 23. – No. 3. – P. 441–457.

⁴¹¹ Карасёва А. И., Момзикова М. П. Часовые пояса и синхронные телекоммуникации: незаметная работа по темпоральной организации у горожан Дальнего Востока России // *Этнографическое обозрение*. – 2019. – № 3. – С. 42–61.

⁴¹² Бредникова О. Е. Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2023. – № 26(1). – P. 118–142.

занимающие эту позицию, понимаются как конституирующие для коммуны, но при этом не считаются её лидерами. Часто это предполагает особую включённость «домового» во внешние и внутренние экономические/хозяйственный циклы коммуны или наоборот принципиальную исключённость из них.

Один из примеров «домового», взаимодействие с которым я имел возможность наблюдать – житель ДОма на синей ветке по прозвищу Дед.

Дед жил в ДОме с момента его основания и съехал за год до его распада. Он считался старейшим участником коммуны, в связи с чем и носил своё прозвище (на момент включённого наблюдения ему было 43 года). При этом Дед не был хранителем памяти в коммуне: в ответ на мои просьбы рассказать о её прошлом, он утверждал, что ничего не помнит. Другие «домашние» говорили мне о том, что на их вопросы Дед отвечает также, однако они подозревали, что он претворяется⁴¹³.

На двери его комнаты были приклеены коллажные кусочки бумаги с надписями небольшим шрифтом: среди них «Старикам тут место» (Рис. 21) и «Древнейший на планете дед слишком стар, чтобы умереть молодым» (Рис. 22). Дед, в свою очередь, в приватном интервью рассказывал мне о том, что среди жителей ДОма он чувствует себя подобно вожатому в детском лагере, по его словам, любые проекты членов коммуны вызывают у него мысль «ну, чем не дети?», а участвует он в них с идеей «ну, надо же вас чем-то занять ребятки». Сам свой статус в ДОме он описывает также по аналогии со своим опытом работы в детском лагере: «есть дети, есть работники лагеря, а есть этот самый домовый, который здесь живёт», «я не хочу какое-то высокое положение занимать <...>, а хочу исключительное»⁴¹⁴.

Дед демонстративно отказывался следовать некоторым сложившимся практикам – так, например, желая раздать часть своих вещей, он не относил их на «фримаркет», но выставлял у входа в свою комнату, повесив над ними лист бумаги А3 с надписью фломастером «Гараж SALE Freeeeee» (Рис. 23)⁴¹⁵. Он прибегал к совершенно особым формам подписи принадлежащей ему пищи. Так, кусок выпеченного им печенья, оставленный на кухне он подписал как «Печенька [его альтернативное прозвище]», остальные жители ДОма восприняли это как приглашение угощаться, Дед подтвердил такую интерпретацию. Таким образом, если все члены коммуны использовали своё имя, чтобы оградить еду от посторонних, Дед с его помощью наоборот предлагал всем угощение. В связи с подобными поступками «домашние» определяли его как «трикстера»⁴¹⁶.

⁴¹³ ПДА 2022

⁴¹⁴ ПМА 2022а

⁴¹⁵ Там же

⁴¹⁶ Там же

Такое рода нарушение имеющих место практик мне также довелось наблюдать на собрании, посвящённом, в частности, проблеме излишка оплаты, который остаётся от съезжающего жильца, и недостатка в оплате жительницы ДОма, которая не может оплатить проживание в следующем месяце.

В рамках проходившего в гостиной собрания можно выделить некоторые группы участников.

Наименее активная – люди, молча стоявшие у стен гостиной, либо там же ведущие диалоги на отвлечённые темы (собравшись компаниями). Пространственная позиция была связана с коммуникацией. Так, в момент, когда Пит (один из жителей коммуны) решил высказаться, он взял табуретку и, прежде чем вовлечься в дискуссию, сел ближе к центру комнаты.

Ближе к центру сидели одни из старейших (в плане времени проживания) жителей ДОма, Жулдыз и Райя. Счетовод коммуны Ник, также обладавший одним из наибольших стажей проживания, стоял, опершись на барную стойку, с его появлением в гостиной, собственно, и началось собрание, то есть, была озвучена повестка. Перечисленных троих можно считать наиболее активной группой. В моменты, когда инициатива из рук одного оратора переходила сразу многим, взгляды были обращены к этим трём. У каждого спрашивали разъяснений по поводу прецедентов и практики, связанной с обсуждаемой ситуацией. В некоторых случаях, когда разъяснения вёл Ник, все замолкали – он обращался к бухгалтерской тематике, в которой, имел почти полную экспертную монополию. Ник и Райя взяли на себя функцию «спиритистов», с помощью звонков по громкой связи они привлекали к диалогу отсутствующих жителей ДОма: Кости, который был хозяином упомянутого излишка и Пчелы, залогодержательницы его комнаты, соответственно. Они же призывали к тишине словами «тише, тише» и опусканием кистей рук ладонями вниз параллельно полу непосредственно во время «спиритических сеансов». Со стороны Жулдыз звучали не только объяснения, апеллирующие к существующей практике, но и возражения. Так, она предлагала отказаться от идеи скинуться на месяц проживания для одной из жительниц, указывая на то, что «это будет прецедент».

Ещё одна группа высказывавшихся периодически перехватывала повестку. Говоря громким голосом, некоторые её участники переводили темы обсуждения, например, (со стороны Даны) с обсуждения излишка на проблему статуса временных жильцов, больше месяца проживающих в ДОме. Этого же касалась Алиса, которая, среди прочего озвучила повестку в начале собрания.

К следующей группе можно отнести только одного участника – Деда, подобно тем, кто не участвовал в дискуссии, стоявшего в самом углу комнаты. Его коммуникативная стратегия

основывалась на возражении. Так, после консенсусного решения оставить излишек в бюджете ДОма (на это согласились все, включая самого Костю) Дед предложил деконструкцию сложившегося согласия. Он озвучил вопрос «А действительно ли то, что мы принимаем за согласие, является согласием?», на что получил ответ Кеши «ну, ты же слышал, что сказал Костя». На это Дед возразил «А ты слышал, что такое абьюз?». Он предлагал рассмотреть, как предположение, идею, что согласие Кости было вынужденным и явилось результатом давления, которое на него невольно оказали другие жители ДОма. После этого имело место очередное погружение дискуссии в разъяснения, в конце которого слово взял Ник и вновь указал на то, что Костя согласен с предложенным решением, а Деду не следует решать за другого. На этом вопрос об излишке был закрыт – не общим голосованием, но отсутствием явных возражений. Темой диалога стала покупка новых сковородок⁴¹⁷.

Специфическое поведение Деда на собраниях отмечается и в интервью «домашних». Некоторые из них вспоминали о том, что на одном горячем обсуждении Дед, дабы высказать свою точку зрения, забрался на холодильник⁴¹⁸. Ему приписывают абсурдные предложения для решения общих проблем: например, при обсуждении вопроса о большом количестве, скопившейся в тамбуре обуви, оставленной бывшими жителями, он предложил вымостить ими пол и всерьёз отстаивал эту идею⁴¹⁹.

Часто Дед протестовал не против той или иной позиции в конфликте, а против конфликта в целом. Так, в одно утро после многочисленных споров, связанных с попыткой одного из членов коммуны внедрить в практики ДОма рекомендации книги М. Розенберга «Ненасильственное общение. Язык жизни», домочадцы обнаружили её в гостинной прибитой гвоздями к стене. Позже в этой акции признался Дед. В результате «пропаганда» внутри ДОма прекратилась (по выражению Антона «все поняли, что это сюр»⁴²⁰). Сам Дед говорил об этом, что был «не против него [адепта книги], а против всего», то есть самого конфликта⁴²¹. Аналогично он поступал и на собраниях: в момент обсуждения скопившейся немытой посуды брал слово с фразой «А у нас форточка хлопает!». Об этом своём обыкновении он замечал: «собрание для меня – это аудитория» и «я умею перетягивать одеяло на себя»⁴²². Другие по этому поводу полуиронично говорили о том, что Дед «святой»⁴²³. Прямой разговор в конфликтной ситуации он считал неплодотворным, потому что «копать надо основательно, до того, что в тебе боженька заложил»,

⁴¹⁷ ПДА 2022

⁴¹⁸ ПМА 2022а

⁴¹⁹ Там же

⁴²⁰ Там же

⁴²¹ Там же

⁴²² Там же

⁴²³ Там же

а тогда «придётся разбираться зачем мы все здесь». По его мнению, такие поиски приведут к ещё большим конфликтам. Аналогично он не считал полезной роль посредников при решении конфликтов («медиаторов»): «лучше не копаться, потому что лучше не будет»⁴²⁴.

Дабы охарактеризовать особый статус и роль Деда в ДОме, представляется интересным более подробно обратиться к связанному с ним ритуалу – празднованию его дня рождения. Здесь также будет уместным сравнение этого праздника с днём рождения Жени, другого жителя коммуны, поскольку это позволит обнаружить названные особенности на относительно контрастном фоне.

В гостиной Деда ждали почти все присутствовавшие на тот момент в ДОме члены коммуны (около двадцати человек), а также Галя и Дамир, бывшие жители ДОма, приехавшие специально к празднику. Все собравшиеся, с которыми я имел дело до этого дня, были одеты в необычную для их повседневного ношения одежду. Стол был накрыт группой людей с участием Ника заранее, на нём стояла пицца и сладкое, ближе краю находились бутылки и пакеты с напитками. У входа стоял и поглядывал на часы Ник, создатель чата, в котором обсуждалась организация начинавшегося дня рождения. В дверь вошёл Дед, все присутствовавшие в гостиной и на кухне (они в этот момент переместились в гостиную) встретили его пением «Happy birthday!». Когда песня стихла, Ник указал рукой на Дамира и произнёс: «А у нас тут спецгость». С возгласом «О-о-о!», разведя руки Дед пошёл в сторону «спецгостя» и обнял его, к объятьям присоединились Кеша и Райя. На фоне зазвучала музыка, включённая на колонке, специально принесённой в гостиную вместо той, что стояла там обычно. Эта колонка неделю назад была собрана Питом (Рис. 24).

После краткой беседы Дамира с Дедом часть участников празднества направилась на кухню. Дед решил сделать коктейли для непьющих жителей ДОма, вслед за ним Галя принялась варить масалу, Кеша стал мыть фрукты.

Следующая часть праздника началась со слов Гали «Ну, что начнём?». Из кухни, подобно всем тем, кто находился в гостиной, все направились к столу (Рис. 25). Желающие самостоятельно наливали в свои кружки и стаканы напитки и клали на заранее приготовленные лежавшие стопкой рядом со столом на барной стойке бумажные тарелки куски пиццы.

В гостиной погас свет. Ник вошёл в гостиную с тортом, на котором горели свечи. Под всеобщее «У-у-у!» Дед задул сорок три свечи. Тем временем за спиной Деда он поставил барный стул и, схватив виновника праздника сзади за поясницу, посадил на сидение, а затем завязал глаза и одел наушники. Как я позже узнал, в наушниках звучала музыка современного композитора

⁴²⁴ ПМА 2022а

Настасьи Хрущёвой. Ник вложил в руки Деда книгу, сборник «Чернышевский. Pro et contra», изданный РХГА, из которого торчала закладка, в другую руку поместил банан. Через приблизительно полминуты прослушивания Дед снял повязку и наушники, музыка из колонки смолкла. Открыв книгу, он вытащил закладку, ею оказался билет на постановку «Что делать?» в БДТ, где, как я позже узнал, должна была играть на фортепьяно своя музыка упомянутая Н. А. Хрущёва. Закладку Дед заменил на банан. Прочитав данные на билете, он произнёс «Класс!», это вызвало всеобщие аплодисменты. Наушники, книга и билет оказались частями подарка.

После аплодисментов из колонки вновь заиграла музыка, собравшиеся начали шутить над Дедом, он смеялся над шутками и шутил в ответ, собравшиеся также смеялись. Через минуту такого общения Дед поднял над вынул банан из книги и, держа его на подобие скипетра, а книгу на манер державы, крикнул «Повелеваю всем веселиться!», под всеобщий смех участники вновь отошли к столу.

Галя разливала глинтвейн. Дед предложил ей резать торт, та отказалась и предложила ему, в итоге он это и сделал. Большая часть собравшихся расположилась с едой и напитками вокруг стола. Все стояли лицами к членам своим компаний, между ними велись диалоги. Дед разговаривал с Галей и Дамиром. Минут через двадцать свет в гостиной погас, появилась светомузыка. Часть участников праздника начала танцевать.

Приблизительно через час собравшиеся начали расходиться, Дамир обнял Деда и направился к выходу из ДОма. Ещё через полчаса, после полуночи в комнате остались только я, Дед, Галя, Райя, Пит и Женя.

Галя предложила посмотреть фильм, все оставшиеся высказались «за». Как позже говорил мне Дед, он предпочёл бы идти спать, но согласился на это, т. к. не мог отказать другим жителям ДОма и пришедшей в гости Гале. Более того, все предыдущие события он, впоследствии, назвал «крайне напряжёнными» для себя, а на вопрос о причинах сказал «ну, это же как бенефис».

Попытки Пита запустить фильм на общем проекторе заняли около получаса, в итоге Женя принёс свой личный проектор, его и использовали для просмотра (это было «Жизнь как чудо» Э. Кустурицы). Перед началом Женя задёрнул шторы, закрыв ею вход в кухню, откуда в гостиную попадал не выключенный свет. На протяжении всей киноленты сидящие рядом переговаривались шёпотом. Замолкая, зрители обращали свои взгляды поочередно на экран и в телефоны. Из кухни иногда доносились звуки приготовления пищи, два раза оттуда заходили в гостиную, чтобы разогреть еду в микроволновке и взять продукты из холодильника.

По окончанию фильма все, кроме меня и Деда, зевая, разошлись по своим комнатам⁴²⁵.

⁴²⁵ ПДА 2022
ПМА 2022а

День рождения Жени имел ряд существенных отличий.

Приготовления к празднику, который должен был состояться на следующий день после непосредственной даты дня рождения легли на плечи самого Жени и Виктора, который, по его просьбе, занялся приготовлением пиццы. Пока Виктор на кухне выпекал пиццу, Женя накрывал на стол, ставя на него напитки и тарелки со сладостями.

Приблизительно за пять минут до того, как была выпечена последняя пицца (их было четыре) в гостиной зазвонил домофон, Женя взял трубку и впустил в подъезд многоквартирного дома пришедших. Через пару минут они появились в гостиной, это были четверо приглашённых друзей Жени, не являющиеся жителями коммуны. У входа в гостиную каждый из них по очереди обнял Женю, тем временем Виктор занёс противни с пиццей и поставил их на стол.

Все присутствовавшие в гостиной (восемь жителей коммуны и друзья Жени) направились к столу, начали разливать напитки и накладывать на бумажные тарелки куски пиццы. Одна из подруг Жени тем временем подключила свой телефон к колонке, традиционно стоящей в гостиной и из неё зазвучала поп-музыка 1990-2000-х годов. Такое музыкальное сопровождение вызвало всеобщий смех, Дана и Райя по очереди с улыбками на лицах закричали «Что за кринж?!», но никаких иных действий не предприняли.

Минут через пятнадцать кто-то выключил в гостиной свет, появилась светомузыка, почти все присутствовавшие начали танцевать, другая часть собравшихся, стоя друг напротив друга, вела беседы. В течение получаса в гостиной стали появляться другие жители коммуны, они присоединялись к танцам. Со временем в гостиной оказались почти все, кто присутствовал тогда в ДОме. Приблизительно через полчаса трек-лист, содержащий в себе музыку, названную кринжом, завершился, колонка затихла. Собравшиеся начали расходиться, Женя включил со своего телефона какую-то композицию «Pink Floyd», включили свет, светомузыка погасла. Оставшиеся: я, Райя, Дана, Нина, Женя и его приглашённые друзья сидели или лежали на диванах и на полу, беседуя друг с другом.

Через полтора часа беседы друзья Жени попрощались с ним объятиями и направились к выходу. В гостиной остались только жители ДОма. Минут через десять Женя принёс из кухни высокую кастрюлю и, перевернув её, поставил на стол. Он взял со стола блестящий подарочный пакет и достал оттуда более мелкие пакеты, в которых были пластичные массы, разных цветов. Я поинтересовался: «Это тебе для чего?», Женя ответил: «Чтобы жечь». «А почему тебе это подарили?», Женя: «Потому что я люблю что-нибудь жечь».

Женя выдавил зелёное вещество на кастрюлю и попытался поджечь его зажигалкой, после двух неудачных попыток он спустил кастрюлю на пол и так зажёг огонь. Музыка из колонки прекратилась. От горячей массы появился запах благовоний. Женя передвинул кастрюлю в

центр комнаты и сел рядом с ней, скрестив ноги, направив взгляд на пламя. В течении минут десяти к кастрюле подсели Дана, Райя и Нина, они также расположились вокруг кастрюли.

Минуты через три Дана включила на своём телефоне «Ave Maria», некоторые начали подпевать, следующей за ней была некая длинная мантра, ей тоже подпевали. Когда телефон первой завершил воспроизводство мантры, все, кто был вокруг кастрюли пропевали нечто похожее на неё. У них были закрыты глаза, они все сидели, скрестив ноги, либо подогнув их под себя. Иногда они брались за руки, кто-то ложился затем садился вновь. Пение периодически переходило в «Аоум».

Я наблюдал за этим, сидя на диване. Периодически в гостиную заходили люди, чтобы взять что-то из холодильника или разогреть еду в микроволновке. Некоторые оставались на диване посмотреть на происходящее. Минут через десять таких наблюдений уходили.

Такое пение продолжалось около полутора часа вплоть до того, как масса, расположенная на кастрюле, выгорела. После этого все открыли глаза, Дана произнесла: «Ну, всё, теперь мы секта», остальные отреагировали улыбками. После этого Женя подошёл к каждому участнику с объятиями. Минут через пять после объятий все присутствовавшие, кроме меня, разошлись по своим комнатам⁴²⁶.

Итак, основная разница в двух описанных ритуалах, как представляется, состоит в том, в контексте какой группы он происходил, какое сообщество воспроизводилось. Участники дня рождения Деда – жители коммуны в большинстве своём, гости – бывшие её жители (Галя и Тимур). Приглашённых участников на дне рождения Жени значительно больше – это были его друзья, в коммуне никогда не проживавшие. Большинство жителей коммуны во втором случае присоединялось только к танцам и никак не участвовало в остальных действиях. Музыка, звучащая в момент танцев, в отличие от той, под которую танцевали участники дня рождения Деда, была привнесённой, жители коммуны маркировали её как необычную смехом и словом «кринж». В завершающей части (пении кругом около пламени) приняли участие исключительно представители той компании, к которой принадлежит Женя.

Подарок для Жени, а точнее сам акт дарения, не демонстрировался в общем пространстве коммуны. Сложный подарок Деду демонстрировали специально. Дед не участвовал в приготовлениях, это сделали участники посвящённого им чата.

Из приведённого сравнения можно сделать общий вывод: Дед был глубже интегрирован в коммуну как сообщество в целом – «домашние» устраивали ему день рождения, на которое приходило много людей, для множества коммунаров был важен подарок ему и даже гостями

⁴²⁶ ПДА 2022

оказывались бывшие жители коммуны. Женя в большей степени связан со своей компанией внутри коммуны и сообществом своих друзей вне её.

Получая доход со сдачи в аренду квартиры в Москве, Дед имел возможность не ходить на работу и, в частности, благодаря этому, почти не выходить из ДОма, о чём он и сам мне пару раз говорил. Дед удалённо получал музыкальное образование, а еду предпочитал заказывать курьером⁴²⁷. Таким образом, он оказался наиболее радикально выключен из цикла воспроизводства рабочей силы, предпочитая ему темпоральность общения в коммуне. Если в случае с другими коммунарами (например, тем же Женей), спонтанный отказ выходить из ДОма рассматривался как казус, о котором рассказывали, как о примечательном периоде в жизни, то тот факт, что Дед почти всё время пребывает дома никогда не упоминался ни в разговорах о нём, ни в обсуждении «болотистости» коммуны⁴²⁸. Из этого можно заключить, что подобное не воспринималось как нечто необычное.

Обобщить сказанное можно словами Ника: «с Дедом здесь у всех, как бы, особые отношения»⁴²⁹. Само существование коммуны дискурсивно связывалось с проживанием в ней Деда: во время его в неё проживания звучали фразы «А без Деда ДОм какой ДОм?»⁴³⁰, а после отъезда многие и в шутку, и в серьёз говорили, что, раз Дед съехал, «ДОм скоро развалится»⁴³¹.

Роль «домового» в лице Деда, совмещающего в себе старейшего жителя, домашнего затворника, «святого» и «трикстера», как представляется, может быть рассмотрена с позиции концепции сетевых объектов, предложенной социологом Джоном Ло.

Дж. Ло настаивает на том, что социальные реалии могут быть описаны с помощью пространственной метафоры, в которой бы сетевое пространство было бы противопоставлено евклидову пространству. Объекты, находящиеся в пространстве сетей, включают в себя разного рода обладающие агентностью элементы: людей, материальные предметы, идеи и т. д. Сцепляет этих разнородных агентов внутренней ядро отношений, которое является конституирующим для создаваемых ими сетевых объектов. Преобразование объекта без изменения его ядра он называется негетероморфным преобразованием, в рамках которого объект не прекращает быть собой, гетероморфное преобразование проникает в ядро отношений и прекращает существование сетевого объекта. Так, каравелла, принадлежащая Португальской империи времён Великих географических открытий, наряду с конструкционными элементами современного ей большого парусника в анализе Дж. Ло включает в себя команду со свойственной ей иерархией и

⁴²⁷ ПДА 2022

⁴²⁸ Там же

⁴²⁹ ПМА 2022а

⁴³⁰ Там же

⁴³¹ ПМА 2023

португальскую колониальную идентичность. Лишаясь своих конструктивных элементов при их разрушении и замене, каравелла приобретает новые, благодаря чему сохраняет свою самость – имеет место негетероморфное преобразование. Однако лишаясь команды она становится объектом иного рода (кораблём призраком) – преобразование в этом случае является гетероморфным, поскольку преобразуется ядро отношений, лежащее в основе каравеллы как сетевого объекта⁴³².

Представляется, что Дед входил в ядро отношений ДОма на синей ветке, благодаря чему коммуна без него мыслилась либо как то, чему осталось недолго («скоро развалится»), либо как нечто принципиально иного качества («какой ДОм?»). В этом и есть роль «домового», частично совпадающего с ДОмом даже названием. Стоит отметить, что ДОм прекратил своё существование меньше, чем через год после отъезда Деда – собственник жилплощади отказал в дальнейшей аренде, при этом никто не начал поиска нового помещения для неё (что часто практикуется принято среди коммунаров). Группа бывших жителей ДОма на синей ветке организовали Дом на Севере – коммуну, которая рассматривается не как новая итерация ДОма, а именно как новая коммуна⁴³³.

В темпоральном отношении особое положение Деда проявляло себя в наиболее радикальном вытеснении цикла воспроизводства рабочей силы в пользу времени общения и связью с прошлым коммуны

В других коммунах мне неоднократно приходилось (в рассказах или лично) сталкиваться с местными «домовыми».

«Домовым» называли жителя «Ненатурального числа» Кирилла. Кирилл отвечал за общий бюджет коммуны, который было достаточно трудно формировать. Низкие доходы многих жителей коммуны приводили к тому, что к моменту оплаты аренды не находилось достаточно желающих внести в неё свою долю. Как следствие, наряду с контактами с арендодателем Кирилл должен был в течении месяца постепенно собирать требуемую им сумму, ведя переговоры со многими другими жителями коммуны. Таким образом, именно он отвечал за воспроизводство времени арендного цикла.

При этом Кирилл был изолирован от внешних трудовых циклов. В один момент он отказался от постоянной работы, чтобы иметь больше времени для решения дел коммуны. Кирилл предлагал философскую интерпретацию этого своего решения: «Я не должен работать, чтобы жить». Он утверждал, что труд на благо жителей коммуны – это «для друзей». В коммуне он работает не ради выживания, но ради помощи тем, кто ему небезразличен. Коммуна же

⁴³² Ло, Дж. Объекты и пространство.

⁴³³ ПДА 2024d

обеспечивала его возможностями для выживания: из совокупности общих взносов ежемесячно выделялась фиксированная сумма на жизнь Кирилла, а коммунары часто были готовы угостить его своей едой. О том, что в «Ненатуральном числе» легко найти еду тому, кто не работает, говорили мне и другие его участники: как минимум, двое из них также рассказывали мне о том, что, испытывая трудности в поиске работы в течении месяца или двух, они питались исключительно угощениями соседей. Кирилл также предпочитал подчёркивать, что ведёт весьма аскетичный образ жизни – его основной пищей являлась лапша быстрого приготовления.

Кирилл, впрочем, не мог полностью избежать отказа от работы за пределами коммуны – он устраивался на временную работу в моменты, когда кто-то из коммунаров не мог внести свою долю в «общак» или мог внести только частично. Тогда возникшая «дыра» оплачивалась из денег, заработанных Кириллом, который также интерпретировал это как приемлемую форму труда, поскольку его целью была «помощь друзьям», а не выживание. Ответственность Кирилла часто распространялась на вещи, которые считались общими – именно он занимался починкой стиральной машины, и именно он устраивался на работу, если коммунары не могли собрать на аренду достаточное количество денег. Его также связывали с общим пространством – для экономии на оплате аренды жители «Ненатурального числа» договорились с Кириллом передать его комнату какому-нибудь новому участнику сообщества (это бы увеличило количество взносов), а его поселить в гостиной, где проходили собрания.

Кирилл, как и Дед, утверждал, что практически не выходит из дома. Из-за этого ему трудно было соотносить свои действия с 24-часовым циклом – любые встречи для интервью с ним всегда были проблематичными, к назначенному часу всегда добавлялось от двух до пяти часов, поскольку Кирилл просто являлся на них с огромным опозданием. Он оправдывался тем, что совсем отвык пользоваться часами и поэтому никак не мог угадать момент. Через некоторое время он «нафриганил» сломанные настенные часы, чтобы починить их и повесить в своей комнате⁴³⁴.

Итак, агентность Кирилла была плотно связана с воспроизводством времени арендного цикла коммуны, что вытесняло собой внешние циклы: цикл воспроизводства рабочей силы и даже темпоральность 24-часового суточного цикла.

О подобных особенностях своей жизни мне также рассказывала Хурма, перебравшаяся в «Норм» после окончания существования коммуны «Завод». Как было известно большинству моих информантов из «движа», в «Заводе» Хурма отвечала за ведение общего бюджета. По её словам, в этот период она также предпочитала не выходить из дома, питаться «с общака» и

⁴³⁴ ПДА 2021d
ПМА 2021d

«фригой», иногда продавая продукты своего хобби (вязаные вещи) и устраиваясь на временной работу, чтобы закрыть ту или иную «дыру в общаке». Однако на работу она устраивалась не только с целью заработка на «общак»: «хочу штучку – значит придётся что-то поделаться, а потом снова можно будет пинать балду». Таким образом, Хурма также, отвечая за воспроизводство, прежде всего, арендного цикла (поскольку аренда остаётся основной статьёй расходов бюджета в большинстве коммун), предпочитала изолироваться от внешних трудовых циклов. Позже она также говорила мне, что её радовала возможность «жить почти без денег»⁴³⁵.

О таком человеке, который отвечал за «общак» и «стабильность» и при этом предпочитал не выходить из дома мне также рассказывали в Первом Доме на проспекте.

«Домовые» – агенты, конституирующие коммуны. Находясь в ядре отношений, они воспринимаются как ключевые фигуры, важные для воспроизводства сообщества. В темпоральном аспекте они практикуют отношения изменения, в которой внешние циклы воспроизводства рабочей силы и другие внешние по отношению к коммуне темпоральности вытесняются, как правило, посредством почти полного отказа от постоянной работы и даже минимизации работы временной. Это часто сопровождается радикальной ориентацией на время внутренних циклов – ведение бюджета, сбор платы за аренды и т. п. В этом смысле жизнь «домового» является ещё одним вариантом решения противоречия между циклом воспроизводства рабочей силы, основанном на наличии постоянной работы с устойчивым графиком, и внутренними темпоральностями (например, временем общения). Если часть коммунаров, прибегает к прекаризации труда, другая покидает коммуны, третья, а именно «домовые» – до некоторой степени покидает внешний мир и его время, становясь центральными фигурами того или иного сообщества.

Если концепция социальной топологии Дж. Ло, описывает сетевые объекты как совокупности пространственных отношений между агентами, то экстраполируя его построения на реалии «домов» и «коммунарского движа», можно сказать, что мы имеем дело с той ситуацией, когда разные темпоральности не просто либо находятся в отношениях обмена или изменения, но также формируют свои объекты (коммуны как темпоральные множественности), выстраивающиеся вокруг ядерных форм времени, без которых коммуна не может существовать – времени общения, циклов бюджетного планирования / циклов сбора арендной платы.

⁴³⁵ ПДА 2025

3. Присутствие и возвращение: товарные и нетоварные темпоральности в коммуналке

В начале февраля 2022 года в ДОме на синей ветке появился его бывший житель Алекс, некогда занимавший комнату в конце коридора. Во время своего переезда он уступил её Анне, которая в период моего проживания в ДОме была в долгосрочном отъезде; по договорённости с ней, в комнате жила Анель. Вещи Анель соседствовали с вещами Анны, недалеко от них также находились вещи Алекса. За ними он и приехал. Его вещи постепенно перемещались в коридор, среди них было много предметов из латуни, что производило впечатление прилавка на блошином рынке. В один момент к ним присоединилась большая настенная политическая карта мира размером около 2х3 метра. Ближе к вечеру Алекс забрал вещи из коридора, с ними пропала и карта.

Вечером следующего дня я постучался в дверь к Анель, которая обещала рассказать мне о бывших жителях её комнаты. Оказавшись внутри, я обнаружил, что карта вновь висела на стене. Анель рассказала мне, что, неся карту по коридору, Алекс встретил Ника, жившего и на тот момент живущего через пару комнат от Анель. Ник утверждал, что карту он, работая в типографии, на свои деньги напечатал по просьбе человека, занимавшего ту же комнату в конце коридора ещё до Алекса, и обещавшего заплатить за эту услугу. Заказчик, вопреки договорёностям, не оплатил её, а съезжая, оставил карту в комнате. В сложившихся обстоятельствах Ник считал эту карту своей. Нехотя, Алекс отдал карту Нику и тот снова повесил её на стену в комнате Анель⁴³⁶.

Подобную ситуацию легко можно было представить в любой из комнат ДОма. Вещи всех его жителей («домашних») соседствовали с вещами бывших членов коммуны, с которыми тогдашние хозяева комнат не только бывали не знакомы, но могли даже не знать их имён. Те, однако, нередко появлялись в ДОме: они встречались там с друзьями, приходили в гости на праздники и иногда увозили свои вещи с собой. Люди, ставшие хозяевами своих комнат в тот или иной момент, не только лично имели дело с теми, кто когда-то жил в тех же четырёх стенах, но и делили его с их вещами. Им совсем не трудно было стать свидетелями или даже участниками отношений, которые сложились в той или иной комнате задолго до их туда переезда⁴³⁷.

Такая связь между людьми, покинувшими коммуналку, и имевшими к ним отношение вещами во многом касалась и общих пространств. Например, Таня, к моменту моего интервью с

⁴³⁶ ПДА 2022

⁴³⁷ Там же

ней покинувшая ДОм, интересовалась у меня, остались ли радиаторы батарей в гостиной ярко красными, с тех пор как она выкрасила их, и обрадовалась, когда я ответил положительно⁴³⁸. Дед, глядя на длинную настенную вешалку для верхней одежды, прибитую к стене в общем коридоре у входной двери, рассказал мне о том, что значительная часть висящих там вещей принадлежат тем, кто в коммуне давно не живёт, а кто-то и вовсе умер (Рис. 26)⁴³⁹.

Благодаря этому бывший житель коммуны никогда не становился бывшим в полной мере. Оставляя в ДОме нечто своё, он обретал там присутствие, которое не позволяло до конца разделить прошлое, когда он жил в коммуне, и настоящее, когда он её уже покинул. Эта особая темпоральность неразделённости прошлого и настоящего, темпоральность присутствия, как это будет показано ниже, характерна не только для ДОма на синей ветке, но и для других коммун.

Такого рода неотчуждаемость вещей, оставленных в коммуне, соотносится с противопоставлением товара и дара в концепции Криса Грегори. К. Грегори, описывавший соотношение товарной экономики и экономики дарообмена в Папуа – Новой Гвинее, отметил, что если в реалиях товарных отношений вещи и люди отчуждаются друг от друга, то в рамках определяющего жизнь меланезийцев дара даритель передаёт часть себя вместе с подарком, тем самым отчуждение не происходит⁴⁴⁰.

Подобно дару вещь, оставленная в покинутом жилище, часто переданная в пользование другому, продолжала принадлежать тому же хозяину, который, вместе с тем, являлся именно бывшим жителем, то есть, оставившим ДОм, и, как следствие, не распорядился ею в полной мере, поскольку та находилась в уже чужой комнате. Темпоральность присутствия сопутствовала другой, казалось бы, полностью исключаящей её, форме времени, основанной на товарном отчуждении, в котором участвовали жители тех же комнат, где хранились оставленные бывшими участниками коммуны вещи. Собственник арендуемого участниками коммуны помещения, как уже было сказано выше, не разделял их предпочтений в образе жизни, с ним был заключён письменный договор, где жители ДОма выступали арендаторами, вносящими совместную плату за пользование своими комнатами и «общими местами». Соответственно, со сменой жителя комнаты один арендатор сменялся другим – комната, принадлежавшая прежнему жителю, отчуждалась от него и также легко отчуждалась от следующего. Таким образом, комната

⁴³⁸ ПМА 2022а

⁴³⁹ Там же

⁴⁴⁰ Gregory, C. A. *Gifts and Commodities*. London, N. Y., Paris, São Paulo, San Francisco, Sydney, Tokyo, Toronto: Academic Press, 1982. xiv, 242 p.

обретала темпоральность товара, в которой прошлый, настоящий и будущий арендатор были строго разделены.

Я полагаю, что темпоральность присутствия, не разделяющая прошлое и настоящее, хорошо описывается понятием киборга, введённым М. Стратерн.

«Киборг», используемый М. Стратерн, восходит к биотехнологической концепции кибернетического организма (*cybernetic organism*) (который, как раз, и сокращается как «киборг») созданной нейроучёным Манфредом Клайнсом и психиатром Натаном Клайном, настаивавшими на необходимости модификации человеческого организма с целью адаптации его к условиям внеземного пространства. В их понимании киборг – это «экзогенно расширенный организационный комплекс, функционирующий как интегрированная гомеостатическая система без вмешательства сознания». Модифицирующие тело элементы в нём действуют автономно, «оставляя человека свободным исследовать, творить, думать и чувствовать»⁴⁴¹. Таким образом, киборг появляется в результате взаимной интеграции множества агентов и агентностей.

С введённым М. Клайнсом и Н. Клайном понятием исследователи связывают (в т. ч. ретроспективно) интеллектуальную традицию, ставящую под сомнение границы, разделяющие организм и его среду обитания или тело и связанные с ним материальные объекты⁴⁴². «Киборг» становится средством описания инкорпорации материально воплощённых агентов (в частности, технологических), при том, что некоторые из них воплощены именно в телах.

Философ Донна Харауэй, считает киборга феноменом, характеризующим эпоху постмодерна⁴⁴³. Исследовательница наследует обозначенной выше традиции: она настаивает на сомнительности границ человеческих тел, указывая на соматическую интеграцию организмов с машинами и другими организмами, связанную, в частности, с развитием медицинских технологий⁴⁴⁴. Одновременно она разрабатывает другую линию концептуализации, рассматривающую киборга как отказ от структурной дуальности – размывание границ между человеческим и животным на примере зоозащитного движения⁴⁴⁵, между живым существом и

⁴⁴¹ Clynes, M. E., Kline, N. S. Cyborgs and space // *Astronautics*. – 2007. – Sept. – P. 6–27, 74–77.

⁴⁴² Соколовский, С. В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // *Сибирские исторические исследования* – 2022. – № 2. – С. 6–26.

Muri, A. *The Enlightenment Cyborg: a History of Communications and Control in the Human Machine, 1660–1830*. Toronto: University of Toronto Press, 2007. 240 p.

Sue, S. *Body and Soul: A History of Cyborg Theory* // *Ibid. Cyborg Cinema and Contemporary Subjectivity*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 34–54.

⁴⁴³ Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. // *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000.* / под ред. Л. М. Бредихиной. М.: РОССПЭН, 2005. С. 324.

⁴⁴⁴ Там же. С. 324, 362–363.

⁴⁴⁵ Там же. С. 326–327.

машиной с указанием на то, что поведение роботов теперь всё труднее отличить от поведения людей⁴⁴⁶, физического и нефизического, связанное с тем, что агентность машин становится всё менее видимой, как в случае с компьютерными чипами⁴⁴⁷. Благодаря разрушению такого рода бинарных оппозиций лишаются смысла формы солидарности и идентичности, основанные на единстве и сходстве (например, между представителями одного класса), на смену идентичности приходит «притяжение» (*affinity*)⁴⁴⁸, связывающее взаимно не схожих агентов «не по крови, но по выбору»⁴⁴⁹. Связи, существующие внутри киборгов, исследовательница называет частичными (*partial connections*), поскольку те предполагают принципиальное различие всё также взаимосвязанных агентов⁴⁵⁰.

М. Стратерн универсализирует понятия, предложенные Д. Харауэй, отмысливая «киборга» от ситуации постмодерна и делая возможным его использование для описания более разнообразных этнографических реалий, она также смещает акцент с солидарности на агентность: исследовательница описывает киборга не просто как результат разрушения бинарностей и размывания границ между агентами разного рода, но обозначает этим понятием особый ассамбляж, особый тип распределённой агентности. Новая агентность киборга обретается актором благодаря другим агентам, которых М. Стратерн называет инструментами (*tools*). Связь между актором и его инструментами также является частичной – они не являются полностью обособленными друг от друга, но и не представляют собой единства, они именно частично распределены друг по отношению к другу без образования целого из частей⁴⁵¹. Эту связь М. Стратерн, следуя традиции концептуализации «киборга», интерпретирует как телесную. В качестве одного из примеров она приводит практики брачного обмена и обмена деревянными масками у различных групп индигенных народов Папуа – Новой Гвинеи. Мужчины разных деревень во время совместных праздников передают друг другу маски и (в качестве жён) своих дочерей. Обмен даёт повод жителям одной деревни появиться в пространстве другой во время праздника. М. Стратерн усматривает символическое сходство между масками и дочерьми – маски делаются из дерева и, благодаря этому, связываются с человеческими телами, поскольку деревья, по мнению её информантов, имеют структуру аналогичную человеческим телам, дочери же связываются с деревьями через плодовые венки, надеваемыми на их головы в момент бракосочетания⁴⁵². Так, тела местных мужчин расширяются и получают присутствие в соседней

⁴⁴⁶ Харауэй, Д. Манифест киборгов. С. 327–328.

⁴⁴⁷ Там же. С. 329.

⁴⁴⁸ Там же. С. 331–339.

⁴⁴⁹ Там же. С. 332.

⁴⁵⁰ Там же С. 339, 367.

⁴⁵¹ Strathern, M. *Partial Connections*. P. 38–40.

⁴⁵² Strathern, M. *Partial Connections*. P. 82–85.

деревне, а их дочери и маски выступают в роли инструментов. Тело киборга по М. Стратерн далеко отстоит от организма (или даже кибернетического организма): продолжая связывать киборга с телом, исследовательница описывает тело как некую символическую структуру.

Понятие киборга содержит в себе темпоральную составляющую – оно позволяет обнаружить наложение прошлого и настоящего, внутри которого присутствие участника праздника в соседней деревне в Папуа, с одной стороны принадлежит прошлому, а с другой является перманентной частью настоящего благодаря его маске или дочери.

Стоит добавить, что концепт киборга имеет для исследовательницы также эпистемологический смысл – частичные связи связывают не только её информантов и других агентов исследуемого поля, они также определяют отношения между этнографом и информантом или между антропологом и идеями соседних дисциплин (например, гендерными исследованиями)⁴⁵³.

Я полагаю, что вещи, оставленные «домашними» при отъезде из коммуны, подобно дочерям и маскам жителей Папуа, выполняли роль инструментов. Не будучи интегрированными в их тела (символические, биологические или иные), они, тем не менее, позволяли «домочадцам» сохранять своё присутствие в нём. Уже покинув его, «домашние» сохраняли возможность вернуться в пространство коммуны.

Человек, некогда живший в ДОме, получал не только статус «друга ДОма», но и представителей в сообществе. Те, кто некогда жил в коммуне, сохраняли в свой круг общения среди «домашних» («компанию»): например, одна из бывших жительниц ДОма, с которой я общался больше чем с другими его участниками, уже покинув коммуну, узнала о том, что я размышляю над тем, чтобы вновь переехать в ДОм, и утверждала, что такая ситуация для неё очень удобна, поскольку ей будет к кому прийти туда в гости. Аналогично, переселившись из ДОма, я договаривался о посещении его в качестве гостя с теми, с кем общался там до того, а приглашая меня в гости, говорили (или писали) о тех, кто хотел бы меня видеть – формулой «тебя ждут [перечисление имён и прозвищ]»⁴⁵⁴.

Участники организуемого в ДОме мероприятия также приходили по приглашению его организатора из «домашних». Стоит также добавить, что именно люди, которые «ждут» гостя особым образом приветствовали его (чаще всего, объятиями), в то время как другие знакомые в ДОме ограничивались только вербальным приветствием, а, учитывая, что состав «домашних» всё

⁴⁵³ Strathern, M. *Partial Connections*. P. 38–40.

⁴⁵⁴ ПДА 2022-2023

время менялся, большинство его жителей со временем вовсе переставали здороваться с гостем⁴⁵⁵ – взаимодействие с ними сводилось к вежливому невниманию⁴⁵⁶. Это соотносится с тем, что среди актуальных жителей коммуны, принято было приветствовать друг друга при первой встрече за день, а несогласие с такой практикой могло быть одним из аргументов в пользу отказа «временному жителю» (живущему первые три месяца) в переходе в «постоянные» на общем собрании. Те, кто «ждут» бывшего и/или потенциального жителя «в гости» также представляли его, если тот решал, поселиться в ДОме впервые или вновь, поскольку в момент, когда освобождалась одна (или более) комната кто-то должен был представить его кандидатуру на предварительном обсуждении. В этом случае объявление о поиске нового жителя могло вовсе не публиковаться⁴⁵⁷.

Таким образом, покидая ДОм, становясь «другом ДОма», его участник, и я, в частности, оставался представлен в нём неотчуждённой от него «компанией», благодаря ей он мог вернуться туда в качестве «гостя» или вновь стать его жителем. В какой-то степени для них он таковым и оставался – если раньше, будучи соседями, с ним здоровались все, то теперь только они⁴⁵⁸. В создаваемом «домашними» киборге роль инструментов обретали не только вещи, за которыми можно было вернуться, но и люди, приглашающие «друга ДОма» в гости и заявляющие о его желании вновь стать жителем коммуны – посредством исполнения функций представителя они распространяли его агентность в пространстве, благодаря этому тот не становился полностью бывшим и сохранял некоторую степень своего присутствия.

«Друг ДОма» – это агент, вовлечённый в киборга. Получая в качестве инструментов членов своей «компанией», он приобретал агентность своего возвращения. Подобно дочерям жителей Папуа, друзья «друга ДОма» позволяли ему возвращаться в покинутую им коммуну.

С образованием киборга была связана устойчивость положения человека в ДОме. Участники коммуны описывали его рядом терминов. Переселяясь в ДОм, новый участник коммуны, по решению общего собрания, становился его «временным жителем», который, как предполагалось, должен был стать «постоянным жителем» через месяц, если за это проголосовали бы участники собрания, которое должно было состояться через этот временной промежуток. «Временный житель» мог перестать быть жителем вовсе, если за это готовы были голосовать, как минимум, трое участников собрания, уже являющихся «постоянными

⁴⁵⁵ ПДА 2022

⁴⁵⁶ Гофман, Э. Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017. С. 155-160.

⁴⁵⁷ ПДА 2022

⁴⁵⁸ ПДА 2022-2023

жителями». Собрание по поводу перехода из «временных жителей» в «постоянные», впрочем, могло вовсе не проводиться, если не находились желающие выселить «временного жителя» из ДОма. Сроки отсутствия в ДОме, благодаря которым «постоянный житель» мог перестать быть его жителем не были определены. Среди «постоянных жителей» часть принадлежала к «залогодержателям», внесшими залог в «общак» коммуны, за ними были закреплены отдельные комнаты. Отлучаясь, они могли продолжить платить за комнату самостоятельно или же предложить заселиться туда новому «временному жителю»⁴⁵⁹. Фактически «залогодержателями» без залога являлись те жители ДОма, кто участвовал в его основании, это связывалось с тем, что при создании коммуны, её членам были предоставлены арендные каникулы⁴⁶⁰.

«Залогодержатель» сохранял связь с присвоенной ему комнатой даже покидая коммуны. Он передавал ДОму залог, не расставаясь с ним окончательно, поскольку имел возможность забрать его, выселяясь (*keeping-while-giving*)⁴⁶¹, и благодаря этому сохранял своеобразное представительство и присутствие в сообществе, имея возможность вернуться туда. С помощью «залога» как инструмента жителями коммуны конструировался киборг, благодаря которому появлялась возможность уйти, оставшись. Инструментами внутри киборга могли выступать не только люди и вещи, но и неотчуждаемые денежные суммы.

Таким образом, наиболее устойчивая позиция в ДОме предполагала формирование киборга. «Залогодержатель» вносил залог, создавая особого рода инструмент, расширяющий его агентность. Обретаемая им агентность возвращения была значительно большей чем у «друга ДОма» – если «друг ДОма» имел возможность приходить в гости и лишь претендовать на то, чтобы жить в коммуне, то «залогодержатель» мог вернуться туда в качестве жителя, почти не соотнося свои намерения с соседями. За ним оставалось только обязательство дожидаться пока истечёт заранее оговоренный срок проживания в его комнате «временного» или «постоянного жителя»⁴⁶².

Роль оставленных в ДОме вещей и не-вещей как инструментов проявляла себя и в последние дни ДОма. Во время «прощания с ДОмом», которое было организована за три дня до отъезда последних его участников, жители коммуны, встречавшие приглашённых в него гостей, принадлежавших к «друзьям ДОма», мягко пресекали попытки забрать те или иные вещи из «общих мест» как никому не принадлежащие (книги, музыкальные инструменты, кухонную

⁴⁵⁹ ПДА 2022

⁴⁶⁰ ПМА 2022a

⁴⁶¹ Weiner A. Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While-Giving. Berkeley, Los Angeles, Oxford: Oxford University Press, 2001. 264 p.

⁴⁶² ПДА 2022

утварь и пр.): гостей просили не трогать эти предметы до самого конца праздника, поскольку предполагалось, что за ними могли прийти хозяева. Имен хозяев, впрочем, часто никто не помнил. Среди пришедших находились те, кто утверждал, что ищет ту или иную вещь, оставленную ими в ДОме. В зафиксированных мной случаях, когда искомое находили, его не забирали, а оставляли на месте, лишь рассказав окружающим, откуда эти вещи взялись и как попали на своё место⁴⁶³. Таким образом, даже в распадающейся коммуне оставляли вещи, за которыми можно было вернуться – киборги продолжали своё существование.

В прекращающем своё существование ДОме создавались и новые киборги. После объявления о разрыве договора аренды многие его жители с помощью масляных красок стали оставлять на стенах коммуны отпечатки своих ладоней, другие писали на стенах. Среди надписей были очевидные констатации расставания: «Здесь были Мы. Больше не будем» (Рис. 27), «может быть эти стены не вспомнят нас, но мы всегда будем помнить их» (Рис. 28), «КТО МЫ, ОТКУДА, КУДА МЫ ИДЁМ? [чёрным маркером] // Мы ИДЁМ ИЗ Дома, а куда никто не знает [другим почерком, зелёным маркером]» (Рис. 29) и т. п. Однако были и обратные: «помни меня» (Рис. 30), «мы ещё обязательно [другой краской, курсивом] встретимся» (Рис. 31), «эти стены навсегда запомнят нас» (Рис. 32) и пр. Позже одна из авторов этих фраз рассказала мне, что надеется на то, что надписи не сотрут, а закрасят или забелят и, таким образом, её следы навсегда останутся в ДОме, поэтому в них она не прощалась с коммуной, а, как бы, декларировала возвращение, например, фразой «мы ещё обязательно встретимся»⁴⁶⁴. Установка на возвращение в ДОм с помощью чего-то, принадлежащего ушедшему, сохранялась и воспроизводилась: киборгов создавали с помощью надписей и отпечатков ладоней как инструментов.

Такого рода агентность вещей и граффити как инструментов, обеспечивающих неразделённость прошлого и настоящего, имеет место и в других коммунах.

Никому не принадлежащие вещи, по словам Хурмы, также никому не отдавали при переезде жителей распадавшейся коммуны «Фонарь», поскольку, будучи покинутыми, они также оставались кому-то принадлежащими⁴⁶⁵. В «Норм», по словам Луки «каждый оставляет частичку себя». Этими словами он прокомментировал обилие вещей в комнате во время моего заезда: плакат на стене оставила одна бывшая коммунарка, несколько рисунков маслом – другая, ещё один коммунар – полотенце и т. п.⁴⁶⁶ Один из бывших коммунаров, также оставивший свои вещи

⁴⁶³ ПДА 2024b

⁴⁶⁴ Там же

ПДА 2024d

⁴⁶⁵ ПМА 2025

⁴⁶⁶ ПМА 2024a

на первой квартире «Норм», приехал туда в день переезда на новую. Забрав часть, остальные он перевёз на новую квартиру коммуны. Тогдашние жители «Норм» иронически говорили, что его «хрен вытуришь»: по их словам, раньше он не только оставлял в коммуне свои вещи, уже покинув её, но и имел обыкновение «вписывать» в ней людей, то есть, приглашать в качестве гостей с ночёвкой⁴⁶⁷.

Участники «коммунарского движа» оставляют в коммунах, которые посещают в качестве гостей (как правило, в Петербурге или Москве) граффити на стенах (их чаще всего делают маркерами) прикалывают письма с благодарностями за тёплый приём. В прошлой квартире «Норм» на кухне висел листочек в клеточку с надписью цветными ручками «За доброту и открытость миру спасибо! // Приятного аппетита // Не забывайте [такую-то] из Москвы, пожалуйста» (Рис. 33), надпись маркером прямо на стене «Здесь был [такой-то]». В нынешней квартире они приколоты на пробковую доску, висящую над кухонным столом: на полоске, оторванной от листка в клетку – «Спасибо за гостеприимство! Вы все открытые добрые, умные. Это [зашибись]!» (Рис. 34); на жёлтом листке записка от двух авторов: «Коммуне «Норм» от [такого-то] и [такой-то]. Артёма я бы мог слушать бесконечно // У вас всех, у каждого я хотел бы научиться простоте. Спасибо за интересные беседы и доброту, проявленную ко мне, за открытость, лёгкость и искренность. // Зову [в нашу коммуну] // с любовью из Москвы», у нижнего края в правом углу на том же листке – «Спасибо!! // [Такая-то, с любовью из Москвы]», чуть левее верхней строчки нарисована мышинная мордочка в анфас, вероятно, в качестве упоминания одной из коммунарок «Норм» (Рис. 35)⁴⁶⁸.

Здесь интересна параллель с традицией оставлять записанные стихи и элементы одежды в «системных» «флэтах» в качестве благодарности за приют. Т. Б. Щепанская также фиксирует практику «выставки прикидов», оставшихся во «флэте» от многочисленных гостей⁴⁶⁹. Среди «системного пипла» также было принято оставлять след после своего гостевания.

Оставляемые в коммунах граффити часто привязаны к определённому событию. Во время так называемого «яблочного спаса», проходившего в коммуне «Не то» – праздника, организованного в связи с незапланированным получением коммунарами нескольких ящиков яблок (гостям предлагалось что-то приготовить из них) – одна из гостей нарисовала на кухне персонажа мультфильма «My Little Pony» по имени Эпплджек, так как один из корней его имени был связан с темой «эвента»⁴⁷⁰. Граффити на стенах комнаты Мыши и Рината, использовавшейся

⁴⁶⁷ ПДА 2024b

⁴⁶⁸ ПМА 2025

⁴⁶⁹ Щепанская, Т. Б. Система. С. 70.

⁴⁷⁰ ПДА 2024a

как место для мероприятий в первой квартире «Норм», были нанесены цветными мелками в момент «открытия коммуны» – новоселья, во время которого коммуна заявляет всем приглашённым о своём существовании. Жители «Норм» специально купили эти мелки, для того чтобы гости могли рисовать – граффити (Рис. 36) оказались даже на потолке⁴⁷¹.

О подобной роли декора мне говорила жительница Дома на севере, основанного после распада Дома на синей ветке выходцами из него. Она считала важным оставлять новые декоративные элементы на кухне, в гостиной и коридорах, мотивируя это тем, что «если я уеду останется память обо мне»⁴⁷². О подобной роли произведений искусства говорила и основательница «Ненатурального числа», коммуны, которая до какого-то времени позиционировала себя как коммуна художников⁴⁷³.

Возвращаясь к ДОму на синей ветке, стоит сказать, что будущие хозяева комнаты также заранее были связаны с вещами в ней. Вещи и интерьер служили основой для выбора будущей комнаты. Так, по словам Клавды, она переехала в комнату, где жила последние три месяца к моменту моего приезда, беря в расчёт тот факт, что на «втором этаже», служащем кроватью, закреплены качели⁴⁷⁴. Это же стало мотивом Алисы, которая въехала в комнату после. Здесь стоит отметить, что Алиса уже была «залогодержательницей» своей предыдущей комнаты и оставалась ею к тому моменту, как её занял я⁴⁷⁵. Ник предпочёл стать «залогодержателем» именно той комнаты, где он жил на момент моего с ним знакомства, из-за наличия в ней большого стола, подходящего для его компьютерной техники. Стол он, впрочем, впоследствии продал Кеше и сделал новый самостоятельно⁴⁷⁶. Колиными ориентирами в таком же выборе было глубокое кресло и балкон⁴⁷⁷. Анель изначально планировала переехать в комнату, «залогодержательницей» которой является Анна, по той причине, что там было постелено самое новое во всём ДОме покрытие пола⁴⁷⁸.

Агентность тех, кто только желал переехать в комнату, но не жил в ней, вероятно, была самой низкой из всех вышеописанных. Тот или иной элемент интерьера связывал их с комнатой

⁴⁷¹ ПМА 2024а

ПДА 2024с

⁴⁷² Там же

⁴⁷³ ПМА 2021d

⁴⁷⁴ ПМА 2022а

⁴⁷⁵ Там же

⁴⁷⁶ Там же

⁴⁷⁷ Там же

⁴⁷⁸ Там же

и до какой-то степени приводил к их переезду, однако не только не гарантировал этого, но и не делал более весомой их кандидатуру.

Как видно из этого примера, сложившиеся в ДОме киборги предполагали внутренние ограничения. Агентность, созданная элементом интерьера комнаты и тем, кто желал в неё въехать, была ограничена договорённостью об аренде. Претендент мог стать новым жителем комнаты, только когда предыдущий прекратит быть её арендатором.

Такого рода ограничения, в частности, послужили основанием конфликта между Клавой и Настей. Первая жила в комнате, «залогодержательницей» которой являлась вторая. Для описания их отношений информанты использовали формулу «Клава живёт в доме-музее Насти». Настя требовала ни в коем случае не перемещать её вещи и предупреждать всякий раз, когда в комнате появлялся кто-нибудь, кроме Клавы. Это привело к тому, что Клава сменила комнату, вслед за ней туда въехала Алиса, которая, рассчитывая на поддержку других «домашних», планировала на одном из собраний поднять вопрос о том, может ли оставаться «залогодержателем» человек, долго отсутствующий в ДОме, поскольку Настя не жила в нём уже более года. Её попытки были успешны⁴⁷⁹.

«Дом-музей» – это киборг, вышедший из-под контроля. Агентность хозяйки вещей, существовавшая благодаря этим самым вещам как инструментам, не просто предполагала возможность возвращения на тех или иных условиях (как «залогодержательницы» или «друга ДОма»): Настя получила власть над другой жительницей ДОма, что и стало причиной недовольства и попыток лишить её этой агентности.

Таким образом, власть и агентность, обретаемая участником коммуны, благодаря темпоральности киборга, в некоторые моменты вытеснялась темпоральностью товара. При этом они обе сосуществовали в третьей темпоральности, где время исчисляется как сумма прошедших месяцев и лет. Достаточно долгое отсутствие человека давало возможность в отношении комнаты сменить темпоральность киборга на темпоральность товара и сделать прошлого жителя коммуны поистине прошлым – лишить «залогодержателя» этого его статуса и сделать комнату, в полной мере принадлежащей тому, кто там жил в ней конкретный момент.

Темпоральность комнаты как товара, сопутствующая киборгу, позволяла её жителю, который становился арендатором, претендовать на автономию относительно её прошлых и будущих жителей.

⁴⁷⁹ ПДА 2022

Этот случай можно считать примером особой формы трансформации отношений изменения, в рамках которых одна доминантная темпоральность (темпоральность киборга) сменяется другой ранее вторичной (темпоральностью товара), и сама встаёт на место некогда вытесняемой темпоральности. Подход в комнате как к неотчуждаемой сменяется её отчуждением во избежание злоупотребления властью.

Выводы

Экономические темпоральности петербургских коммун трудно назвать внутренними или внешними по отношению к ним. Имея пространственно внешний источник (например, арендодателя или работу за пределами коммуны), они обуславливают жизнь внутри коммуны. В этом смысле коммуна не может быть описана только в рамках своих особых темпоральностей, отделяющими её от остального мира.

Характерная для коммун и коммунаров темпоральность общения экспансивна, она связана с вытеснением биографической темпоральности саморазвития и цикла воспроизводства рабочей силы, с которыми она вступает в отношения изменения. Иными словами, необходимость выделять много времени на общение затрудняет реализацию индивидуальных планов коммунаров, связанных с развитием, и мешает трудоустройству с постоянным графиком. Выходом из связанного с этим конфликта является трудовая прекаризация, то есть переход к принципиально временным формам работы с гибким или вовсе отсутствующим графиком. Время прекарного труда, в свою очередь, находится в отношениях обмена со временем общения внутри времени-ресурса, которое даёт возможность как для прекарного труда, так и для общения коммунаров. Непостоянство работы позволяет коммунарам выделить больше времени на общение и при этом преодолеть дефицит времени, необходимого для работы. В наиболее радикальных формах время общения и характерные для коммуны циклы аренды / бюджетного планирования остаются доминирующими в отношениях изменения – имеет место отказ от цикла воспроизводства рабочей силы (от работы отказываются почти полностью). Такой выход выбирают «домовые» – коммунары, вносящие большой вклад в конституирующие для коммуны темпоральности, предпочитающие расходовать время на обеспечение её внутренней организации, а не на работу.

Несмотря на то, что темпоральная множественность коммуны выходит за пределы темпоральностей, которые бы легко можно было бы назвать внутренними и, тем самым, размывает её границы, делая потенциально бесконечной сеть отношений между

темпоральностями⁴⁸⁰, можно говорить о характерном для неё ядре наиболее важных темпоральных отношений, обуславливающих само существование коммуны, воспроизводством которых и занимаются «домовые». К ядру принадлежат темпоральность общения и цикл аренды / бюджетного планирования.

Темпоральность аренды, впрочем, имеет не только циклическую составляющую. Она основывается на темпоральности товара, предполагающей отчуждение арендуемого коммунарами пространства, когда по истечению срока аренды коммунары перестаёт быть участником аренды, а значит чёткое разделение между прошлым, настоящим и будущим арендатором. Она находится в особой форме отношений изменения с темпоральностью присутствия, в которой бывший коммунары никогда не становится бывшим в полной мере, оставаясь представленным в коммуне по средствам друзей, вещей и пр. При этом, если в большинстве ситуаций доминирующей остаётся темпоральность присутствия, в случаях злоупотребления властью, связанным с этим присутствием, коммунары переходят к доминированию товарной темпоральности, позволяющей отчуждать коммуну и делать того или иного коммунары бывшим в полной мере.

⁴⁸⁰ Strathern, M. Cutting the Network // The Journal of the Royal Anthropological Institute. – 1996. – Vol. 2. – No. 3. – P. 517-535.

Глава 4. СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ И ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ КОММУН ПЕТЕРБУРГА

Мой информант Гена, на момент разговора бывший житель ДОма на синей ветке и один из его основателей, рассказывая мне о создании этой коммуны, вспоминал о дискуссиях, происходивших в предшествовавшем ей Доме на реке. По его словам, в нём произошёл раскол между группой жителей, признававших важность утверждения общей концепции «дома» и определения целей его существования, и сторонниками отказа от самого вопроса о целях существования коммуны. Гена поддерживал вторую сторону⁴⁸¹. По словам Дианы, жительницы Дома, занимавшей противоположную позицию, этот конфликт был результатом несогласия между «хиповой тусовкой» и той частью коммуны, что была идейно ближе к Первому Дому на проспекте. Первые выработали устраивающую их сентенцию жизни в коммуне: «не напряги ближнего своего»⁴⁸².

Обозначая свои позиции, стороны создали классификацию, в которую вошли «дом-семья», «дом – общее дело» и содержащий в себе пейоративный оттенок «дом-тусовочка». Первый должен был обладать проектом будущего, последний конституировался через его отсутствие. После ликвидации Первого Дома на реке, связанной с невозможностью дальнейшей аренды помещения, приверженцы «Дома-тусовочки», не использовавшие, впрочем, этого термина, создали Второй Дом на реке. Впоследствии переехав и оттуда, они организовали ДОм на синей ветке. По мнению Гены, он и являлся «домом-тусовочкой»⁴⁸³. Далее дабы сделать классификацию терминологически более удобной я буду использовать формулировки «коммуна-тусовка», «коммуна-семья», «коммуна – общее дело».

Идентичность «семьи» характерна для некоторых петербургских коммун (в частности, для «Норм»). Среди коммун есть и те, что описываются их жителями (впрочем, не всеми) через совместное творчество: «Ненатуральное число» – «коммуна свободных художников»⁴⁸⁴, Второй Дом на проспекте – «ремесленная артель», специализирующаяся на музыкальных и изобразительных искусствах⁴⁸⁵.

Классификация, выработанная в дискуссиях информантов, представляется мне инструментом для описания многообразия форм времени в коммунах. Я полагаю, что она имеет

⁴⁸¹ ПМА 2022b

⁴⁸² Там же

⁴⁸³ Там же

⁴⁸⁴ ПДА 2021d

⁴⁸⁵ Там же

темпоральную природу и, соответственно, говорит о разнообразии темпоральностей, в котором действуют коммунары. В этой главе будут описаны некоторые особенности темпорального разнообразия внутри коммун, в конце выводы о них будут обобщены с помощью названной классификации.

Наиболее подробно в силу неравномерности собранного этнографического материала будет описана коммуна-тусовка, меньше внимания будет уделено коммуне-семье, особенности коммуны – общего дела будут рассмотрены в наименьшей степени.

Эта глава концентрируется вокруг таких темпоральных элементов как будущее и прошлое. Более узко – вокруг прошлого и будущего коммун как сообществ. За пределами внимания находятся индивидуальные будущее и прошлое, играющие роль, например, в биографической или товарной темпоральностях, которые были рассмотрены в предыдущей главе.

До некоторой степени акцент на будущем и прошлом вытекает из традиционного для историографии темпоральностей намеренных сообществ внимания к коммунам как к формам совместной жизни, ориентированной на построение «светлого будущего» или «светлого прошлого».

В отличие от сложившейся историографической традиции здесь будущее и прошлое будут рассмотрены в контексте отношений с другими темпоральностями, в т. ч. экономическими. В этом смысле, некоторые параграфы этой главы продолжают тему прошлой с другими акцентами. Помимо этого, будущее или его отсутствие будут рассмотрены не как гомогенное для коммуны и гомогенизирующее её, но как разнообразные и связанные с разнообразием в коммунах.

1. Борьба за и против «светлого будущего» в ДОме на синей ветке

По словам счетовода ДОма на синей ветке Ника, к 2021 году «в ДОме настал мир»⁴⁸⁶. Эту фразу, отсылая к Нику, использовали и другие жители коммуны. Наставший в сообществе «мир», по их мнению, был связан, прежде всего, с тем, что общие собрания «домашних» стали относительно редкими (не чаще чем раз в месяц), а те члены сообщества, что находятся в конфликте друг с другом перестали открыто выражать это в «общих пространствах»⁴⁸⁷.

⁴⁸⁶ ПМА 2021с

⁴⁸⁷ Там же

ПДА 2022

Период до «наступления мира», продлившийся примерно с 2016 по 2020 год, был связан с полемикой вокруг целей существования ДОма. Один из проектов такого рода «светлого будущего» был предложен группой жителей коммуны, запомнившейся её участникам как «вегетарианцы» (их оппоненты назывались «мясоедами»). По словам оставшихся в коммуне «мясоедов», «вегетарианцы» предлагали запретить употребление мяса для обитателей ДОма и сделать обязательным раздельный сбор мусора (впоследствии эта практика приживалась как популярная, но добровольная (Рис. 37)). Это предложение активно обсуждалось на общих собраниях жителей. Коммуна должна была способствовать наступлению нового гуманного к животным зелёного будущего, на которое, как предполагалось работали обсуждаемые практики⁴⁸⁸. Другие нынешние жители ДОма, которые также как «мясоеды» не разделяли предпочтений «вегетарианцев», но симпатизировали им, охарактеризовали «вегетарианцев» как людей готовых «все силы класть на мечту»⁴⁸⁹. Экоориентированное общество, в котором не убивают животных и перерабатывают отходы, по мнению «вегетарианцев», должно было воплотиться в настоящем ДОма и предвосхитить его наступление во всём остальном мире. Таким образом, проектного будущее не просто существовало в дискурсах ДОма, но определяло практики настоящего, например, циклы вывозы раздельно собранного мусора – организация времени обуславливала организацию практик. Стремясь к идеологическому доминированию в коммуне, «вегетарианцы» боролись за утверждение предпочтительного для них будущего, создаваемого в практиках настоящего⁴⁹⁰. Борьба «вегетарианцев» за время, по словам тех же «мясоедов», имела символическое выражение в пространстве, к моменту моего проживания в коммуне свидетельством этого была небольшая наклейка «Животные – друзья, а не еда» (Рис. 38), расположенная над зеркалом в одном из санузлов⁴⁹¹.

Ещё одна группа жителей ДОма симпатизировала индуистски ориентированному мистицизму. Их оппоненты, часть которых жила в коммуне вместе со мной, предпочитали называть себя «материалистами», а своих визави – «окультистами». Последние видели будущее ДОма в духовном становлении его жителей – впоследствии, по утверждению одного из «материалистов», он должен был стать сообществом более развитых в этом отношении людей. В связи с этим на общих собраниях, в частности, обсуждался вопрос о введении обязательной для всех утренней медитации⁴⁹². Как и в случае «вегетарианцев» ожидания будущего определяли

⁴⁸⁸ ПМА 2022а

⁴⁸⁹ Там же

⁴⁹⁰ Там же

⁴⁹¹ Там же

⁴⁹² ПМА 2022а

настоящее группы, и должны были определить настоящее всех жителей ДОма – проект будущего детерминировал циклы повседневности.

Как сторонники, так и противники «окультурного» будущего стремились утвердить своё время через символическое насыщение пространства. Материальные свидетельства этой борьбы присутствовали в ДОме до самого его распада. На одной из стен коридора я застал граффити с изображением синекорой индуистской богини (Рис. 39), по соседству от которого «материалисты» нанесли граффити с символами богов из фэнтези-сеттинга «Warhammer», известным по одноимённой компьютерной игре (Рис. 40). Один из авторов композиции в разговоре со мной обосновал своё право на это фразой «Почему, если им можно рисовать своих богов, я не могу нарисовать каких-то других?»⁴⁹³. Такого же рода альтернативное «божество», по воспоминаниям информантов, однажды появилось над входом в гостиную – там расположили икону Казанской Божьей Матери. Её потребовали снять и входить в гостиную, ознаменованную иконой, отказывались, в то время как некоторые «материалисты» утверждали, что воспринимают икону лишь как произведение искусства. По сходным причинам в общем зале исчезло изображение Уробороса (змея, кусающего свой хвост), мешавшее тем, кто предпочитал заниматься там йогой. Его очертания ещё долго проглядывали сквозь известку на белой стене⁴⁹⁴.

Результатом описанных конфликтов стал уход многих «вегетарианцев» и «окультуристов» из коммуны – время «светлого будущего» оказалось вытесненным⁴⁹⁵. Как выразился на этот счёт, по его собственным словам, нейтральный по отношению к конфликту Дед, «революционеры отправились поднимать новую целину»⁴⁹⁶.

Стоит отметить, что изложение этих событий основывается на рассказах победившей стороны, поскольку мне так и не удалось поговорить с покинувшими ДОм «вегетарианцами» и «окультуристами». Однако, несмотря на вызываемые этим сомнения в достоверности интерпретаций и описаний, предлагаемых информантами, можно с относительной уверенностью говорить 1) о существовании конфликта, о котором говорили также те, кто не имел в нём какой-либо позиции, 2) об ориентации на будущее групп, покинувших коммуну, о которой говорили также нейтральные повествователи («новая целина», «мечта»), 3) о победе в этом конфликте сторонников отказа от общего проектного будущего.

⁴⁹³ ПМА 2022а

⁴⁹⁴ Там же

⁴⁹⁵ Там же

⁴⁹⁶ ПМА 2023

Кроме того, покинувшие коммуны «домашние» оставили свидетельства стремления к «светлому будущему» за пределами обозначенных групп. «Мне кажется, что [ДОм] — это про будущее. Скорее всего, эта тема будет развиваться, потому что мой внутренний запрос на это был, и я подозреваю, что у многих людей есть такой запрос, на то, чтобы жить в таком месте, потому что всё-таки, как-никак, мы строим здесь идеальное общество, такое, чтобы нам было хорошо. <...> Скорее всего, у многих есть этот запрос, и многие наверняка всё-таки решатся это сделать, особенно если у них будет пример»⁴⁹⁷ – рассуждала в интервью Telegram-каналу, посвящённому жизни коммуны, одна из её жительниц, переехавшая из ДОма к моменту моего там появления.

Помимо этого, последствия описанного конфликта имели место и внутри более поздних практик коммуны, которые мне довелось застать, и были связаны именно с отказом от проектного будущего. Это проявлялось проявлялись, к примеру, во время процедуры знакомства, предполагавшего, в частности, отсеив претендентов, которые могли попытаться привнести в коммуну свои проекты («мечту», «развитие»), предложив её жителям некую идентичность. Для этого их спрашивали о возможных связях с вегетарианством, эзотерическими и религиозными учениями и практиками.

Деятельность ориентированных на «светлое будущее» групп, если следовать рассуждениям их оппонентов, можно отнести к префигуративной политике – локального воплощения образа жизни, который рассматривается как потенциально распространяемый и желательный к распространению на все общество⁴⁹⁸.

Так или иначе, внутри сообщества осуществлялись поиски проекта будущего, и в обоих случаях эти поиски стали источником конфликта групп, действующих в рамках разных темпоральностей. Как выразились про «окультуристов» и «вегетарианцев» те из нынешних членов коммуны, кто застал их пребывание: то были люди, которые «хотят управлять развитием общества»⁴⁹⁹. В то время как приверженцы одних взглядов призывали соотносить свои практики с проектом лучшего будущего, их оппоненты предпочитали жить в настоящем.

Как отмечает Нэнси Манн, установление той или иной формы времени предполагает установление иерархии, где доминирующее положение занимает группа, утвердившая предпочитаемую ей темпоральность. Эту иерархию она связывает с постулируемой М. Фуко⁵⁰⁰ и

⁴⁹⁷ ПМА 2022а

⁴⁹⁸ Boggs, C. *Marxism, Prefigurative Communism and the Problem of Workers' Control*.
Boggs, C. *Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power*.

⁴⁹⁹ ПМА 2022а

⁵⁰⁰ Фуко, М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 218–222.

П. Бурдьё⁵⁰¹ ролью времени как силы, организующей повседневность – следуя их тезисам, Н. Манн утверждает, что тот, кому дозволено определять темпоральность получает возможность определять устройство повседневных практик⁵⁰².

«Наступление мира» было связано с отказом от дискуссии о целях существования коммуны. В период моей жизни в коммуне и до конца её существования жители ДОма декларировали отказ от какой-либо общей идеологии («чисто лайфстайл»)⁵⁰³. «<...> на мой взгляд, это и плюс и минус ДОма, что нет какой-то концепции, к чему мы идём, чего мы хотим. И это немножко пассивности вносит, что нет вектора» – рассуждал в интервью упомянутому Telegram-каналу, один из ныне бывших его жителей; «У нас нет ничего общего, у нас нет никакой доктрины, там, нет никакой идеи» – цитировал «домашних» организатор проекта экскурсий в коммунах Петербурга⁵⁰⁴. Аналогично высказался в кратком интервью журналистам, снимавшим, сюжет о коммуне другой его житель: «Мне не нужна какая-нибудь идея вселенского блага, чтобы хорошо дружить – для того, чтобы строить хороший ДОМ»⁵⁰⁵, «люди здесь живут только ради удобства» – утверждал в интервью Дед⁵⁰⁶.

Как выразился счетовод коммуны Ник, «[мы не] дом, который понимает, что он такое и зачем. Мне кажется, наша прелесть, как раз, в том, что мы немножко не понимаем [этого]»⁵⁰⁷.

По словам информантов, «поиск целей», «идеология», установление определённого будущего коммуны как проекта прежде приводили к конфликтам, которых впоследствии «домашние» предпочитали избегать. Как выразилась на этот счёт бывшая жительница коммуны Таня: «жить, а не зарубаться за идеологию»⁵⁰⁸. Отказ формулировать будущее ДОма определял саму идентичность членов коммуны. ДОМ – это коммуна, сознававшая и защищавшая не цели своего существования, но его бесцельность.

Любопытно, что похожий подход практикует также ныне существующий и старейший из петербургских домов (Первый Дом на проспекте) – его жители предпочитают считать цели коммуны постоянным предметом обсуждения, для этого они стремятся апроприировать

⁵⁰¹ Бурдьё, П. Практический смысл. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 2001. С. 158–160.

⁵⁰² Munn, N. The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay // Annual Review of Anthropology. – 1992. – No. 21. – P. 93–123.

⁵⁰³ ПМА 2022а

⁵⁰⁴ Там же

⁵⁰⁵ Там же

⁵⁰⁶ Там же

⁵⁰⁷ ПМА 2021с

⁵⁰⁸ ПМА 2022а

различные (научные, эзотерические, богословские, фэнтезийные и пр.) языки описания, всё более усложняя свой аналитический аппарат, вновь и вновь возвращаясь к объекту своей дискуссии⁵⁰⁹.

2. Будущее, правила и повседневные циклы

В русле развития темы связи проектного будущего и формирования повседневных циклов жизни коммунаров представляется интересным рассмотреть ещё один пример, связанный, прежде всего, с коммуной «Норм».

Более конкретно этот пример связан с деятельностью Луки – одного из её жителей.

Говоря о себе, Лука утверждает, что является «коллективистом» и стремится «создавать общее» в коммуне. Его попытки проектного строительства коммунарской жизни, прежде всего, были связаны с коммуной «Фонарь», выходцами откуда является часть основателей «Норм». «Я рассматривал коммуны как способ повлиять на мир» – говорил Лука в одном из данных мне интервью⁵¹⁰. В этом ключе коммунарскую деятельность Луки также можно считать формой префигуративной политики⁵¹¹. Во время конфликтов в «Фонаре», по его словам, также звучала фраза «ты воспринимаешь коммуну как проект»⁵¹², сам Лука также говорил об этом периоде: «Коммуна – не место для кайфовой жизни. Я занимался проектом»⁵¹³. В этом смысле можно сказать, что Луке было ближе определение намеренного сообщества как группы людей, стремящихся реализовать свои идеалы и сделать вклад в формирование более совершенного общества будущего⁵¹⁴.

Свою деятельность в «Фонаре» он называет «золотым временем» и противопоставляет жизни в «Норм», где «нет ничего общего <...> нет регулярных собраний, у нас нет никакого будущего»⁵¹⁵.

Лука принадлежит к сторонникам коммунарской педагогики⁵¹⁶ – одного из альтернативных советских педагогических учений времён «Оттепели», восходящего к разработкам создателей «Коммуны юных фрунзенцев» – проекту конца 1950-х – первой половины 1960-х годов,

⁵⁰⁹ ПДА 2021e

⁵¹⁰ ПМА 2025

⁵¹¹ Boggs, C. *Marxism, Prefigurative Communism and the Problem of Workers' Control*.
Boggs, C. *Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power*.

⁵¹² ПМА 2025

⁵¹³ Там же

⁵¹⁴ Pitzer, D. E. *Developmental communalism*.
Shenker, B. *Intentional Communities*.

⁵¹⁵ ПМА 2025

⁵¹⁶ ПДА 2025

связанного с попытками развить у школьников навыки коммуналистского образа жизни в рамках летних выездов и лагерей⁵¹⁷.

Свою роль в «Фонаре» он характеризует как «завхоз был – тот человек, который всегда дома»⁵¹⁸. Живший с ним Шаман утверждал, что тот до определенного времени был негласным лидером, про него говорили «в случае чего спрашивай у этого чувака»⁵¹⁹. Лука выполнял функции «общакодержателя», долгое время проводил собрания и занимался публикацией их повесток. Собрания проводились еженедельно, раз в две-три недели коммунары проводили совместные трапезы⁵²⁰.

Стремление Луки к построению коммуны как реализации проектного будущего сочеталось с утверждением и поддержкой повседневных циклов жизни сообщества: еженедельных собраний и регулярных совместных трапез. Отказ от проектного времени в «Норм», на который сетовал Лука, также сопровождался отсутствием общих циклов – в «Норм», по его словам, нет ни «регулярных собраний», ни «общего будущего». Он также добавлял, что ему «не нравится этот пофигистичный подход [к жизни]», а во время одной из бесед спросил у меня как у этнографа «Как думаешь, есть ли будущее у всего этого?», поясняя, что он имеет в виду «коммунарский движ»⁵²¹.

Однако и в «Норм» Лука продолжал предпринимать попытки регулирования хозяйственных темпоральных циклов.

Так, на двери холодильника во второй квартире коммуны Лука повесил размеченную синей ручкой таблицу, озаглавленную «Общак!» и подписанную его именем. Таблица включала в себя графы «Всегда должно быть дома, // если нет – беги в магаз!», «Должно быть дома», «По усмотрению», «Нельзя» (Рис. 41)⁵²². Таким образом, на уровне высказывания создавался цикл воспроизводства «общей закупки» для коммунаров.

Лука, как и другие жители коммуны, однако, признавал, что в практиках покупки продуктов и, например, бытовой химии «для всех» ничего не изменилось – продукты покупались на личные деньги коммунаров или «на общак» по решению каждого, прочее чаще закупал Лука⁵²³. Общий для всех «общак» оставался индивидуальной практикой – каждый покупал что-то для всех так,

⁵¹⁷ Димке, Д. В. Незабываемое будущее.

⁵¹⁸ ПМА 2025

⁵¹⁹ Там же

⁵²⁰ Там же

⁵²¹ Там же

⁵²² ПДА 2025

ПМА 2025

⁵²³ ПДА 2025

как лично считал нужным, даже предназначенная для этого денежная сумма (собственно «общак», или «профицит») была востребована отнюдь не всеми⁵²⁴.

Лука стремился устанавливать и другие правила, вывешивая их в пространстве коммуны и иногда поручая это кому-то. По его словам, надпись «Не больше трёх» на внутренней стороне двери, ведущей на балкон в первой квартире коммуны, была наклеена соседкой по комнате по его просьбе. Цель этого предписания – ограничить шум, который может доходить до соседей с балкона во время мероприятий, наблюдать за такими мероприятиями в первой квартире мне, впрочем, не доводилось⁵²⁵. В новой квартире по просьбе Луки, Мышь приклеила написанный флюоресцентным оранжевым маркером на коричневой бумаге текст «не выключай свет, пока работает стиралка!!!!!!» (Рис. 42) рядом с одним из выключателей в коридоре. Это было связано с тем, что коридорная люстра была запитана вместе со стиральной машинкой последовательным соединением. Свет, однако, и так никто почти никогда не выключал даже ночью⁵²⁶.

В первой квартире коммуны над раковиной висела сделанная синей ручкой на листке А4 надпись в три строчки «Видишь грязную посуду? // Возможно, // она ждет Тебя!» (Рис. 43), никто, впрочем, не реагировал на этот призыв к действию⁵²⁷.

На внутренней входной двери со стороны площадки той же квартиры Лука наклеил кусок малярного скотча, на котором маркером написал «Закрой меня!!!» (Рис. 44). В предыдущей квартире, где располагалась коммуна, на той же стороне внутренней входной двери был приклеен лист А4 с красной маркерной надписью и подписью того же автора: «А вы не задумывались, что дверь сама по себе ЗАКРЫВАТЬСЯ НЕ УМЕЕТ?», в левом нижнем углу плаката был нарисован сидящий человечек, замахвающийся костылем, который он держал в одной руке (Рис. 45). Внешние двери, впрочем, часто оставались и остаются незапертыми, а внутренние незакрытыми⁵²⁸.

В первой квартире Лука, наклеив малярный скотч, подписал маркером полки пенала для хранения продуктов на кухне: «чай кофэ», «выпечка – соя – супы» – первая дверка, выше и ниже: «макаронны», «крупы – каши» (Рис. 46), во второй квартире также был подписан пенал: «макаронны, мука // крупы, соя», губки и химия // пакеты и [фигня]» (Рис. 47); ящики кухонных тумб – «приборы», «[фигня]», одну из дверок – «посуда для готовки» (Рис. 48). На мой вопрос во

⁵²⁴ ПДА 2025

⁵²⁵ ПДА 2024с

⁵²⁶ ПДА 2025

⁵²⁷ ПДА 2024с

ПМА 2024а

⁵²⁸ Там же

время переезда в новую квартиру о том, зачем нужно подписывать ящики и дверки, он ответил, что, если не подписать «крупа будет по всей кухне», иначе говоря, подписать место – единственный способ закрепить его назначение. Особенности хранения тех или иных продуктов, однако, совсем не всегда соответствовали этим предписаниям⁵²⁹.

Стоит отметить, что соседи Луки никогда напрямую не высказывались против тех или иных правил, однако вывешивание таковых никак не меняло и не создавало практик коммунаров. В вопросе о том, гасить или не гасить свет в коридоре, запирают или не запирают внешнюю дверь, закрывать или не закрывать внутреннюю, мыть или не мыть посуду, класть или не класть продукты на предназначенную для этого полку и пр. каждый действует по собственному усмотрению, не возражая, но игнорируя правила на стенах⁵³⁰.

Вывешиваемые Лукой писанные правила имеют свой иронический аналог. Например, Шаман повесил на гвоздь в коридоре первой квартиры пластиковый корпус телефонной трубки, привязав его куском бельевой веревки, ниже наклеил тетрадный лист с надписью ручкой «Со всеми претензиями, предложениями и колабами по поводу коммуны звонить сюда!!». Рядом с кроватью Луки он приклеил на стеллаж такой же листок с призывом «Не будите древнее хтоническое существо». В новой квартире на двери комнаты, где жили он, я и Лука, он повесил лист с надписью фиолетовым маркером «Комната интеллигенции // БЕЗ БАБ» (Рис. 49), на словах он интерпретировал эту надпись как шуточный запрет на присутствие женщин в комнате⁵³¹.

Псевдопредписательные надписи создавала и Мышь, подписавшая графины для воды именами «Леха» и «Тоха» (Рис. 50), некоторые предположили, что один из этих графинов принадлежит какому-то Лёше⁵³².

Ирония может носить сугубо устный характер. Шаман, зайдя в квартиру и не заперев дверь, услышал крик Луки с кухни о том, что дверь необходимо закрывать. Продолжая движение по коридору в свою комнату, вошедший, не меняясь в лице, фальцетом кричал «Не бей!»⁵³³.

Если правила, вводимые Лукой, игнорировались или комически деконструировались, то их иронические аналоги заранее не должны были выполняться. Они лишь имитировали общие

⁵²⁹ ПМА 2024а

ПДА 2024с

⁵³⁰ ПДА 2025

⁵³¹ ПДА 2024с

ПМА 2024а

⁵³² ПДА 2024с

⁵³³ Там же

предписания, не будучи устанавливаемым для всех, являясь проявлением творчества каждого отдельного автора.

Лука сам признавал не слишком большое влияние правил. Узнав о том, что в одном известном коммунарам коливинге предусмотрены штрафы за непомытую посуду и несделанную уборку, он заулыбался со словами «Так там чисто!»⁵³⁴.

Вывешенные в общем пространстве правила не создавали некоего свода, к которому можно было бы апеллировать во взаимодействиях с соседями, как, например, в коммуналках⁵³⁵, они оставались индивидуальной формой самовыражения Луки.

Мне известны также примеры несостоявшегося утверждения общих правил, инициатором которых Лука не был. Кроме создания общего правила, оно также предполагало некоторую степень обобществления пространства. На первой квартире коммунаров местом для собраний и проведения мероприятий коммуны служила комната Мыши и Рината. С переездом на новую квартиру пара заняла комнату, которую арендодательница и риелтор называли залом. В момент обсуждения распределения комнат, которое состоялось незадолго до подписания договора аренды (поскольку необходимо было выбрать квартиру, где бы хватило спальных мест для всех участников «Норм»), было оговорено, что зал так и останется залом (будет служить общей комнатой), но как спальню его также займут Мышь и Ринат. Спальным местом в нем стал матрас, который можно поднять при проведении мероприятий. Двери в зал, как правило, были закрыты, прежде чем зайти, в них стучались. Спустя приблизительно месяц я обнаружил их настежь открытыми, а Мышь объявила мне, что теперь «зал открыт» – дабы он выполнял функцию общей комнаты, двери в него должны быть открыты всегда, кроме как ночью или в момент, когда кто-то, например, переодевался. Впоследствии фраза «зал открыт» говорилась и другим коммунарам, которые собирались закрыть двери снаружи или спрашивали нужно ли их закрывать. Это правило просуществовало около недели, далее двери в зал вновь стали закрываться как его жителями, так и всеми остальными коммунарами, иногда, впрочем, двери оставляют открытыми и на это никто не возражает⁵³⁶. Попытка создать общее правило, как и попытка обобществить пространство, вновь оказалось неудачной. Комната осталась не залом, где живут люди, но личной комнатой, куда пускают всех. Со временем Мышь перестала повторять формулу «зал открыт», а все коммунары вернулись к предпочитаемым ими самими практикам.

⁵³⁴ ПДА 2025

⁵³⁵ Утехин, И. В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. С. 139-144.

⁵³⁶ ПДА 2024с

Позже Мышь стала инициатором создания «Правил мытой посуды» (Рис. 51). Потратив несколько часов на уборку в кухне (в т. ч. на мытьё посуды) в один из дней, которому предшествовала пара недель накопления немытой посуды в раковине, она предложила созвать собрание и на нём договориться о том, чтобы убрать часть посуды в запасники, а также утвердить упомянутые правила. Стоит добавить, что подобная ситуация с посудой в целом не была типичной для «Норм», где грязная посуда всегда присутствовала в раковине, но при этом постепенно мылась и оттого не становилась «горой», требующей столь больших усилий со стороны того, кто решил убраться. По результатам собрания был разработан список достаточно мягких правил: «1. Кто готовит на общак не моет посуду. Или угощает, готовит для друга. Попроси кого-нибудь её помыть. 2) Мой за собой посуду по возможности. 3) Пожалуйста, убирайте за собой место, где вы готовили если там сильно [грязно]». Предполагалось, в первую очередь, что немытой посуды станет меньше, поскольку коммунар, приготовивший еду и не имеющий сил на мытьё посуды, сможет найти того, кто сделает это за него. Пару раз я видел, что человек, готовивший на всех действительно просил кого-то помыть посуду. Приблизительно в течении недели правила совсем перестали выполняться. Количество немытой посуды вернулась к прежнему уровню: её мыли не часто, но «гора» не образовывалась. Попытка Мыши регулировать циклы повседневной жизни оказалась неудачной⁵³⁷.

В ранний период существования коммуны было также выработано общее правило, а именно сухой закон для всех коммунаров, который впоследствии стал формулироваться как запрет на употребление алкоголя, принесенного в коммуну – исключение делалось для напитков, произведенных в самой коммуне. Теперь же его называют «полусухим законом» и описывают по-разному, серьёзно и иронически: «никогда не напиваться всем одновременно», «пить, не доставляя другим дискомфорта» и др., при этом отмечают, что «если ты пригласишь девушку и выпьешь с ней винишка, никто возмущаться не будет»⁵³⁸. Правило фактически утратило обязательность, но, подобно предписаниям, выработанным Лукой, сохранилось в устной вербализации. Общее правило развилось в разнообразие практик – одна и та же формулировка («полусухой закон») приобрела множество интерпретаций, которые никто не стремился унифицировать.

Лука также предпринимал попытки совместить коллективное утверждение общих правил и утверждение правил со своей стороны. Это было связано с кризисом в коммуне «Облака», принадлежащей к той же волне. В течении недели «Облака» покинула более половины жителей,

⁵³⁷ ПДА 2025

⁵³⁸ ПМА 2025

включая пару, считавшуюся лидерами коммуны. Активные поиски новых коммунаров привели к необходимости формулировать для новичков и потенциальных новичков правила, по которым живут участники «Облака», в результате более опытные жители создали электронную версию кодекса, состоящую из пунктов «Алкоголь и тому подобное», «Вписчики и гости», «Финансы», «Собрания и решения вопросов», «Свечка», «Бытовые ситуации (рекомендации)», «Членство, выселение, бан из коммуны». Созданный в «Облаках» свод правил быстро стал известен в других коммунах, как в качестве идеи, так и текстуально, им заинтересовался и Лука. Через пару дней после первых разговоров о нём, Лука предложил провести собрание, где жители коммуны разработали бы такого рода кодекс для себя⁵³⁹.

К этой инициативе отнеслись многообразно: звучали как мысли о том, что такие правила будут вредны, так и утверждения, что после выработки писаных правил ничего не поменяется («все будут жить как жили»). Собрание состоялось. Предложение Луки было встречено умеренно критически: вместо создания свода правил коммуны все сошлись на том, что необходимо кодифицировать «Правила для вписчиков». Мои возражения о том, что «вписчик» всегда приходит к конкретному коммунару и тот в состоянии объяснить ему, чего делать не стоит, встретили ответ, что в «Норм» появляются и «общие вписчики». В результате собрания Мышь составила небольшой попунктный список «Правил для вписчиков», записав их чёрным маркером на белом картоне (Рис. 52). Впоследствии, они были вывешены на кухне.

Стоит также добавить, что впоследствии жители «Облаков» говорили мне о том, что созданный ими подробный свод правил не был успешным, к нему никто не обращался после утверждения. Сами его инициаторы и создатели говорили, что это был лишь способ «справиться с неопределённостью»⁵⁴⁰. Когда неопределённость прошла, писанные правила потеряли актуальность.

Таким образом, правила были учреждены для Другого – людей, посещающих коммуну и не знающих особенностей её жизни. Теперь их разнообразие должно было унифицироваться посредством предписаний. Стоит отметить, что вписчикам и до того уделялось особое внимание: употреблялись комические формулы типа «у вписоты здесь нет прав!», об этом шутили и на прошедшем собрании.

Представляется, что помимо анализа темпоральностей для описания попыток утверждения правил в коммуне будет интересно обратиться к концепции масштабирования М. Стратерн.

⁵³⁹ ПМА 2025

ПДА 2025

⁵⁴⁰ Там же

Исследовательница считает масштабирование свойством этнографического исследования: создавая описание, этнограф сталкивается с культурной сложностью (*complexity*), которую не может описать в целостности и поэтому выбирает масштаб (*scale*) – клана, деревни, этнокультурной группы, региона и пр.⁵⁴¹ Исследовательница противопоставляет масштабирование аналогии. Масштабирование она связывает с практиками измерения (*dimension*), внутри которых имеет место единая для всех объектов шкала. Аналогия основывается на сравнении (*comparison*), в котором каждый объект непосредственно сравнивается с другим⁵⁴². Результатом исследовательского масштабирования является и дюркгеймианское понятие «общества». М. Стратерн настаивает на том, что «общество» принадлежит европейской эпистемологии и метафизике, основанной на пропозиции соединения частей в целое и, соответственно, практиках масштаба. Традиция рассматривать явления как целое, содержащее в себе части, приводит к тому, что общество познаётся и практикуется как целостность, состоящая, при этом, из отдельных индивидов. Общество деплюрализовано, этим оно отличается от отношений (*relations*), в которых друг с другом соотносятся распределяемые тем или иным образом агенты⁵⁴³. О связи Луки с этнографическим масштабированием будет сказано позже.

Согласно М. Стратерн, масштабирование осуществляется не только этнографом. Её информанты из Папуа – Новой Гвинеи, принадлежащее к этнокультурной группе хаген, масштабируют свои кланы, избирая кого-либо из местных бигменов представителем клана во внешних контактах. Бигмен становится воплощением всего клана⁵⁴⁴.

Разрабатывая понятие масштабируемости (*scalability*) независимо от М. Стратерн, Анна Цзин описывает такую ситуацию, в которой «небольшие проекты могут стать большими без изменения характера проекта». Проект, включает в себя новые элементы, гомогенизируя их, и, тем самым, делая немасштабируемое (*nonscalable*) масштабируемым. Так, действия работников на плантациях сахарного тростника в Карибском бассейне стандартизируются и теряют индивидуальные особенности⁵⁴⁵. Подобные попытки стандартизации (безусловно не связанные с капиталистической эксплуатацией) осуществляет и Лука и, реже, другие коммунары, стремясь ввести единые для всех коммунаров правила поведения. Интересно, что в одном случае

⁵⁴¹ Strathern, M. *After nature*. P. xiii-xv.

⁵⁴² Strathern, M. *Environments within: An Ethnographic Commentary on Scale*.

⁵⁴³ Strathern, M. *After nature*. P. xiii-xv.

⁵⁴⁴ *Ibid.* P. xvii-xviii.

Strathern, M. *One Man and Many man // Big Men and Great Men: Personifications of Power in Melanesia* / eds. M. Godelier and M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 197-214.

⁵⁴⁵ Tsing, A. *On Nonscalability*.

попытка масштабирования сообщества коммунаров посредством создания единого свода правил привела к тому, что вместо коммунаров масштабированию подверглись те, кому они себя противопоставляют – «вписчики». Связанная с масштабированием стандартизация посредством общих правил была смещена с самих коммунаров на тех, кто сосуществует с ними.

В этом ключе примером масштабирования совсем иного рода является ДОм на синей ветке. В риторике его жителей «есть такая отдельная сущность вроде ДОма». Как утверждал Дед «есть какой-то конструкт, какой-то вот, отдельный от людей ДОм, и вот эта вот идея, она, будто бы, для меня имеет большее значение чем конкретные люди». По утверждению одного из жителей ДОма, высказавшегося в рамках журналистского репортажа, «ДОм всегда больше, чем ты». По словам Гены, «ДОм явно существует независимо от своих людей». Лера, одна из основательниц ДОма, говорила, что «есть жители ДОма, а есть ДОм». Коля говорил, что видит «в людях с первых минут, будет в них толк для ДОма или нет»⁵⁴⁶.

Перед ДОмом существуют обязательства. Так, на собрании, среди прочего, посвящённом обсуждению вопроса оплаты и поселения одного из жителей ДОма в грядущем месяце, Ник предложил ему «вписаться» в своей комнате, на что тот, вопреки правилу о том, что «вписчик» не платит за своё пребывание, предложил Нику плату. Ник ответил: «Мне ничего не нужно, а вот ДОму компенсацию хозки и еды [хорошо] бы предоставить»⁵⁴⁷.

При этом эти обязательства принципиально плохо выполняются. Дана связывает ДОм в своём восприятии с негативными следами деятельности других, которые, по всеобщему убеждению, должны быть устранены, но не устраняются: например, она говорила так о множестве волос разных людей, забивающих сливы в душевых, или об оставляемой многими грязной посуде – в силу наличия двух глубоких раковин помыть всю посуду разом, если она скопилась, всегда было трудной задачей⁵⁴⁸. Новые жители ДОма часто описывались остальными через категорию «синдром спасателя», который определялся через то, что они «пытаются помочь ДОму» – предполагается, что их попытки заранее обречены на неудачу, собственно, потому они и называются «синдромом»⁵⁴⁹. По мнению Антона, сам ДОм так устроен, что цена «помощи» ему не слишком велика: «ДОм даёт понять своими преобразованиями, что ничто не вечно: любой результат твоего труда может пропасть в никуда»⁵⁵⁰. ДОм как сущность также может проявить себя, когда правила непосредственно нарушаются. Со слов семейной четы жителей коммуны

⁵⁴⁶ ПМА 2022а

⁵⁴⁷ Там же

⁵⁴⁸ Там же

⁵⁴⁹ ПДА 2022

⁵⁵⁰ ПМА 2022а

Пита и Милы во время покраски ими своей мебели в местной курилке «Очень ДОм ругался, что воняет лаком»⁵⁵¹. При этом сам ДОм принципиально не соответствовал ожиданиям от него: расхожей являлась фраза «ДОм уже не тот»⁵⁵². Как критически писала в своём Telegram-канале из его жительниц: «ДОму не позволено иметь недостатки. ДОм не смеет быть неидеальным. ДОм обязан удовлетворять сразу все наши потребности, в противном случае он "уже не тот"»⁵⁵³.

Таким образом, ДОм как предмет масштабирования коммуны, как и в случае с созданием общего свода правил Лукой, представлял собой комплекс предписаний. В этом случае мы имеем дело с временностью – всё изменчиво, потому полное исполнение предписаний невозможно. ДОм не может унифицировать действия коммунаров, потому что, по их мнению, нельзя действовать правильно в достаточной полноте.

Такое необязательное отношение к правилам часто выражалось и в особенностях предписаний, вывешиваемых на стенах коммуны. Они формулировались не в качестве требований, но в виде просьб: после о той или иной нормативной формулировки следовали «Спасибо», а перед ней «Пожалуйста» (Рис. 53, 54). В каких-то случаях требование заменялось предупреждением: на розетке в одном из санузлов была наклеена декорированная надпись «Врубает эл-во» (Рис. 55). Были и другие варианты смягчения: «Это напоминание, не наезд» (Рис. 56). Впрочем, имели место и несмягчённые предписания: «Убедись, что в курилке никого нет» (прежде чем запирать её снаружи на шпингалет) (Рис. 57), «Бутылки класть туда [три стрелочки налево]», «Банки сюда [стрелочка вниз]» (в связи с отдельным сбором мусора) (Рис. 58) и т. п. Общим, однако, у них было либо то, что эти нормы являлись артикулированно необязательными (как в случае с отдельным сбором мусора), либо исполнялись вне связи с предписанием (как в случае с необходимостью не запирать в курилке соседей)⁵⁵⁴.

В ДОме, где нет общего будущего, общие правила считались невыполняемыми. Благодаря чему разрушались и общие циклы типа мытья посуды. Ещё одним примером такого рода разрушения являлся цикл дежурств. Долгое время на одной из стен коридора коммуны висел планкарта, на которой, как предполагалось, должны были отмечать убранные зоны те, кому на этот раз пришлось дежурить (упоминание о ней также содержалось в 1-ой редакции

⁵⁵¹ ПМА 2022а

⁵⁵² ПДА 2022

⁵⁵³ ПМА 2022а

⁵⁵⁴ Там же
ПДА 2022

«Договорённостей») – за время моего пребывания в нём она всегда была заслонена стремянкой (Рис. 59)⁵⁵⁵.

Одна из форм масштабирования, имевшая место в начале существования «Норм», предполагала коллективное учреждение нескольких позиций «ответственных», которые были бы назначены на собраниях. По рассказам жителей коммуны, это было связано с ремонтом в ванной в недавно арендованной первой квартире коммуны. Новые элементы интерьера ванной обсуждались на собраниях, там же назначались «ответственные» за ту или иную часть ремонта – «все кивали, и никто ничего не делал». Неудачное закрепление обязанностей привело к отказу от назначения «ответственных» вообще⁵⁵⁶.

Это соотносится с неудачными попытками Луки внедрить в предшествовавшей «Норм» коммуне «Фонарь» систему «дежкомов» («дежурных командиров»), перенятой им из организации детских летних лагерей. «Дежком» должен был отвечать за ту или иную сферу жизни коммуны ограниченное время, затем на эту позицию в очередном порядке назначался бы другой коммунарь⁵⁵⁷ – предполагался некий цикл ответственности.

Представляется, что попытки Луки схожи с практиками раннесоветских студенческих и рабочих коммун. Будучи устремлёнными в утопическое будущее, их участники стремились регламентировать циклы повседневности посредством «научной организации труда»⁵⁵⁸, ориентированный на будущее Лука также стремился к установлению общих для всех циклов.

Как система «ответственных», так и система «дежкомов», предполагали создание гетерархии – структуры из множества источников власти⁵⁵⁹, которые бы использовались «ответственными» и «дежкомами». При этом она должна была носить масштабирующий характер: существование тех или иных позиций не зависело от отдельных людей. В первом случае человек назначался на ту или иную вакантную позицию (по договорённости с ним) собранием, во втором это должно было происходить по графику.

⁵⁵⁵ ПДА 2022

ПМА 2022a

⁵⁵⁶ ПМА 2024a

⁵⁵⁷ ПМА 2025

⁵⁵⁸ Willimott, A. P. 61.

Willimott, A. 'How do you live?'

⁵⁵⁹ Crumley, C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Archaeological Papers of the American Anthropological Association. – 1995. – Vol. 6. – No. 1. – P. 1-6.

Вместо них закрепились идея немасштабирующих «инициативных групп» – необходимость взять на себя обязательства сменилась общим согласием на проявление инициативы теми, кто хочет её проявить («мы поняли, что не стоит заморачиваться»)⁵⁶⁰.

Закрепление позиции «ответственного» за тем или иным участником «Норм» не связано с предписаниями и, собственно, не является закреплением. Той или иной деятельностью, по выражению самих коммунаров, занимается тот, кому это «нравится», перестает же он ею заниматься по собственной инициативе. Ему или ей часто не ищут замены, с ним или с ней не оговаривают сроки – условный «ответственный» не имеет обязанностей, он имеет обыкновение делать что-то. Не существует договоренностей об ответственности, существует характерный для того или иного коммунара образ действия. Лука является «общакодержателем», оплачивает аренду, комм. услуги и интернет, про внесение денег в «общак» иногда говорят «отстёгивать [деньги] Луке». Мышь и Шаман, как правило, пишут в Telegram-канале коммуны, хотя эту возможность имеют все коммунары. Ящик с инструментами связывается с Весёлым: именно у него, как утверждали коммунары, нужно было спрашивать о том, что с ними делать при переезде. Инструментами, впрочем, не спрашивая разрешения, пользовались и пользуются и другие жители «Норм». В первые два месяца жизни в коммуне меня в шутку называли «коком», поскольку я часто готовил еду на всех, позже я стал готовить реже, никаких обсуждений этого не было. Я же стал тем, кто периодически закрывает за другими внутреннюю входную дверь новой квартиры, чтобы звуки изнутри коммуны не были слышны в подъезде, некоторые также называют меня «завхозом», так как с момента одной из уборок я знаю, где находятся постельное бельё и матрасы для «вписчиков». В период переезда с одной квартиры на другую некоторые участники коммуны спрашивали у меня куда положить ту или иную вещь, но после переезда за такими инструкциями никто не обращался. Недавно въехавшая в коммуны Лена объявила, что хочет избавиться от обязанностей по приготовлению еды и поэтому стала мыть скопившуюся посуду, другие не готовящие коммунары, впрочем, никогда не считали, что должны мыть за всеми посуду и никак не собирались настаивать на приготовлении пищи Леной. Когда Лена устроилась на работу с вечерними сменами и поздно возвращалась домой, посуда стала скапливаться в больших количествах, это заметили, но Лене о необходимости мыть посуду напоминать не стали⁵⁶¹.

К «ответственным» также можно отнести «договородержателя», подпись которого стоит в договоре на аренду квартиры. В коммуне им являлся и является Шаман, согласившийся на это

⁵⁶⁰ ПМА 2025

⁵⁶¹ ПДА 2024с, 2025

только потому, что отказались все остальные⁵⁶². Договор был заключен на того, кто наименее активно сопротивлялся.

Термин «инициативные группы» в том же значении имел хождение и в ДОме на сине ветке. По рассказам тех, кто являлся его жителями в первые два года существования коммуны, идея «инициативных групп» также появилась из-за невозможности выработать консенсус на собраниях или добиться его выполнения всеми согласившимися участвовать⁵⁶³.

«Ответственность» также не была предписательной – дежурные либо назначались, но даже не пытались исполнять свои обязанности (как в случае с дежурствами по уборке), либо предпочитали ту или иную деятельность как удовлетворение своих индивидуальных потребностей.

Так, Ник говорил, что является счетоводом, поскольку «любит считать», Алина отвечала за общую закупку, поскольку ей, по её же словам, ей был интересен процесс поиска наиболее выгодных предложений. Она утверждала, что была склонна к этому ещё до того, как стала дежурной по «закупке», что заставляло её расходовать слишком много средств, а теперь она могла направить это своё желание на общее благо. Алина иронически добавляла: «Зачем тратить свои деньги, если можно тратить общественные?». Дана была «дежурной по Гашену» («коммунальному коту»), по той причине, что с ним у неё сложились хорошие отношения⁵⁶⁴.

Такого рода индивидуализация решения тех или иных задач касалась и проблемных моментов в жизни ДОма: например, протечки крыши, засорения труб, заражения кошек блохами или необходимости решать вопросы с оформлением документов⁵⁶⁵. После долгих обсуждений «кто-то в одно жало решает проблему» (слова Даны)⁵⁶⁶. Некоторые «домашние» также вспоминали случаи, когда такие решения принимали именно они – остальные были готовы только участвовать в дискуссии⁵⁶⁷.

В позитивном ключе об этом говорили в «Ненатуральном числе»: «всё что можно решить без собрания, нужно решать без собрания» или, например, «Кирилл заочно решает проблемы лучше, чем мы на собраниях»⁵⁶⁸. При этом Кирилл (упоминавшийся выше «домовой»), по его словам, и по словам тех, кто с ним жил и его собственным, не мог никому ничего предписать или

⁵⁶² ПДА 2024с

⁵⁶³ ПМА 2022а

⁵⁶⁴ Там же

ПДА 2022

⁵⁶⁵ ПМА 2022а

⁵⁶⁶ Там же

⁵⁶⁷ ПДА 2022

⁵⁶⁸ ПМА 2021d

заставить⁵⁶⁹. «Решение проблем», впрочем, не было его монополией. Другой информант из той же коммуны говорил мне: «видишь, что надо сделать – сделал: не надо собирать консилиум, говорить как надо»⁵⁷⁰.

Гетерархию в различных коммунах их жители также называют «горизонталью», представители «движа» определяют её как «ситуативное лидерство» – в тот или иной момент тот или иной коммунар становится более влиятелен чем другие, но утрачивает это влияние, когда заканчивается тот или иной «проект» (например, переезд или организация квартирника).

На смену масштабирующей гетерархии, предполагающей устойчивую систему «ответственных», в соответствии с которой действуют отдельные коммунары, пришла гетерархия немасштабируемой личной инициативы, где каждый действует не в определённой системе, включающей его, а по индивидуальному «нравится».

Аналогом такого рода гетерархии является репрезентация коммунарами себя самих при поиске нового участника коммуны. В момент переезда из одной квартиры в другую и, соответственно, увеличения количества комнат в распоряжении жителей «Норм» Мышь, посоветовавшись с соседями, опубликовала в канале коммуны объявление, где вместо описания коммуны в целом предложила «визитки» на каждого коммунара отдельно. Они представляли собой набор из двух или трёх фотографий с именем или прозвищем участника «Норм» и несколькими его характеристиками. Так, коммунары по имени «Артём валерьевич» описывался как «БОЛЬШОЙ во всех смыслах учёный // Готов обсудить с тобой все провокационные вопросы развития человека и похихикать на кухне // Развивает философские вайбики в нашем доме после чего все тряндят часами // Его предшественники предсказала Ванга [слепая кошка коммунаров], но её никто не понял» (авторские орфография и пунктуация сохранены)⁵⁷¹.

Вместо того, чтобы произвести масштабирование до коммуны, коммунары предпочитают быть представленными по отдельности, оставаясь, таким образом, немасштабируемыми. Это также может представлено редукцией коммуны к отдельным людям: в ДОме была в ходу фраза «ДОм меняется постоянно», а на вопрос о том, что это значит говорили, что меняются люди, хотя эта коммуна, как упоминалось ранее и существует как «отдельная сущность»⁵⁷², в других коммунах (например, в «Облаках») в ответ на вопрос «Что изменилось в коммуне?» за тот или

⁵⁶⁹ ПМА 2021d

⁵⁷⁰ Там же

⁵⁷¹ ПМА 2024a

ПДА 2024c

⁵⁷² ПДА 2022

иной длительный период начинали перечислять людей, покинувших коммуны и переехавших в неё⁵⁷³.

Реалии ситуативной, изменчивой и индивидуалистической гетерархии в «Норм» Лука описал параэтнографически в ноябре 2024 года в своем небольшом Telegram-канале:

«И вот ты, очень заряженный человек, приходишь в коммуну, видишь беспорядок, убираешься, договариваешься с другими коммунариями проводить плановую уборку, мыть за собой посуду, не делать суп из остатков еды в раковине и вроде как все с этим согласны. Какое-то определенное время все даже работает как и было задумано, но потом постепенно желание исполнять договор начинает гаснуть у отдельных людей, а затем и у всего коллектива. А тебя не перестает беспокоить проблема уборки, копится злость. Если будешь выражать агрессию на коммунаров, даже вполне обоснованную, то отношения начнут портиться и это негативно влияет на сообщество. Чтобы этот процесс не запускался и не раскручивался была стихийно выработана система “Коллективного безответственного”.

Коллективное безответственное - отношение к обязанностям в коллективе, когда никто конкретный не несет ответственность за определенную сферу жизни сообщества, однако эти обязанности выполняются по мере сил и желания отдельных членов. Формируется ситуация приемлемого минимума, который устраивает большинство. Такое отношение в основном формируется от рутины действий и низкой мотивации»⁵⁷⁴ (орфография и пунктуация источника).

В личном разговоре, который состоялся между нами за день до публикации, он высказывался несколько более развернуто. Так, в частности, Лука утверждал, что ответственному человеку, поселившемуся в коммуне, необходимо принять на себя «безответственность», характерную для его соседей, иначе если «будешь всех пинать <...> тебя выжмут» из коммуны⁵⁷⁵.

Ещё одним средством масштабирования, практиковавшимся Лукой, были сущностно обрядовые практики, позаимствованные им из разработок упомянутой выше коммунарской педагогики. Лука называл их «активностями на сплочение»⁵⁷⁶.

Так, во время одной из таких «активностей» всем участникам «Фонаря» предлагалось изобразить на ватмане коммуну как большой парусный корабль, где каждому было бы определено

⁵⁷³ ПДА 2025

⁵⁷⁴ ПМА 2024а

⁵⁷⁵ ПДА 2024с

⁵⁷⁶ ПДА 2025

место как члену команды: нужно было нарисовать в разных местах судна человечков (например, на носу, на марсе или за штурвалом), к которым будут приписаны имена коммунаров. Таким образом, коммуна становилась единством, где каждому совместно отводилась та или иная функция⁵⁷⁷.

В другой раз собравшиеся кругом коммунары должны были пожелать соседу слева что-нибудь положительное, а затем обмотать вокруг его указательного пальца бечёвку, и так, пока круг не замкнётся, а длинная бечёвка не объединит всех в общее кольцо⁵⁷⁸.

Попытка масштабирования совместное в «Норм» была связана с проведением «свечки» (также один из методов коммунарской педагогики). «Свечка», как правило, предполагает необходимость собраться в круг, в центр которого должна быть поставлена свеча, другая свеча должна передаться участниками по кругу передавалась по рукам. Предполагается, что говорить может только человек, держащий свечу у себя в руках.

За весь период существования «Норм» в ней была проведена только одна «свечка».

Об её проведении Лука заявил своим соседям в гостиной новой квартиры днём, чем вызвал общий эмоциональный подъём и одобрительные возгласы. «Свечка» была назначена на вечер, никто не возражал. После наступления темноты к ней присоединились все участники коммуны. Одна зажжённая свеча стояла на импровизированном низком столике, представлявшем собой кусок белого ДСП, расположенный поверх старого кожаного чемодана и покрытый также белой синтетической скатертью, в другие моменты служившей занавеской. Вокруг на полу и на креслах расположились участники. Вторая свеча также горела, её держал в руках Лука. Он пояснил, что свечу должен держать тот, кому передано слово. Сначала он предложил всем по очереди рассказать о своих мыслях и чувствах в момент появления в коммуне «Норм» и сам предложил свои воспоминания, после чего свеча пошла по кругу. Второй круг начался с предложения рассказать о самом ярком событии в коммуне, которое помнит тот или иной её участник. Иногда Лука прерывал высказывающихся, напоминая им о том, что те вышли за рамки темы, на которую им предлагалось порассуждать. Третий круг Лука предложил сделать «ритуалом» подобным «посвящению в коммунары». Начав произносить фразу, которую должен был произнести каждый «Я – [имярек] и я – коммунар», Лука запнулся, получилось «Я – Лука», этим он вызвал всеобщий смех. Некоторые называли этот ритуал «кринжовым», Лука, улыбаясь, отвечал «надо немного кринжа», свеча вновь пошла по кругу: предложенная Лукой фраза иногда заменялась возгласом

⁵⁷⁷ ПМА 2025

⁵⁷⁸ Там же

«Я – Лука» к концу круга все, кроме улыбавшегося ведущего, кричали «Я – Лука» или «Мы – Лука». На следующий день в ванной появилась растяжка из флажков, на которых гуашью по букве на флажок было написано «Я – Лука?» канал коммуны переименовали из «Норм» в «Я – Лука», об этом был опубликован шуточный пост, а все коммунары написали под ним в комментариях эту фразу. Шуточное название продержалось около суток⁵⁷⁹.

Масштабируя совокупность собравшихся участников «свечки» до коммуны путём принятия ими общего статуса «коммунара», Лука столкнулся с комической реакцией. Вместе ритуального создания общества (в стратернианском смысле), его партнёры по ритуалу предпочли ироническое отождествление, вместо масштабирования по общей шкале ими было произведено сравнение и соотнесение себя с немасштабируемым инициатором ритуала.

Стоит отметить, что описанная ситуация предполагает именно ироническое отождествление: деконструируя создание стратернианского общества коммунаров, она не создавала того, что Рой Вагнер назвал фрактальной личностью, то есть субъекта, который бы включал в себя других субъектов⁵⁸⁰.

Попытки масштабирования в ранней «Норм» были связаны с интерьером квартиры. В первые недели проживания в ней предпринимались попытки создания единого стиля интерьера, который был бы утверждён общим собранием и был связан с идентичностью коммуны, то есть, выражал бы её в целом.

По словам Рината, основатели коммуны стремились к формированию «единой айдентики», «детского натива» – ныне бывшая жительница «Норм» Надя расклеивала на межкомнатных дверях наклейки, который представлялись ей детскими, а ванная должна была быть оформлена в стиле барбикор, что было связано с тогдашней популярностью соответствующего фильма Г. Гервиг. Ванная должна была быть выкрашена в разные оттенки розового, на стенах приклеены одноименные куклы, кусочки розовых тканей и т. п. Проект барбикор-ванной так и не был завершён: куклы и лоскуты ткани остались не наклеенными или были сорваны теми, для кого они закрывали свет лампочки, а остальной «детский натив» ограничился наклейками в коридоре.

Современное состояние интерьера уже второй квартиры, занимаемой коммунарами, её жители иногда называют «коммунарским дизайном». В первые дни переезда в неё я застал Мышь за перестановкой предметов на одной из полок югославской стенки в зале, доставшейся нам

⁵⁷⁹ ПДА 2025

ПМА 2025

⁵⁸⁰ Wagner, R. The Fractal Person // Big Men and Great Men: Personifications of Power in Melanesia / eds. by M. Godelier and M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 159–174.

совокупно с вещами в ней в качестве мебели, арендуемой вместе с квартирой. Вместо ампирного подсвечника и расписанной фарфоровой статуэтки Мышь расположила на ней пару книг, скульптуру и большую картину с натюрмортом на ярко оранжевом фоне. Закончив работу, она произнесла: «Вот, теперь коммунарский дизайн». Я поинтересовался «В чём состоит его коммунарскость?». Та задумалась и ответила, что «цветов много», через несколько минут в комнату зашел Лука и произнес: «О! Коммунарский дизайн», я вновь спросил, почему же он «коммунарский». Лука, помолчав, ответил «ну, был классический такой, а теперь много цветов» (видимо, имелось ввиду, прежде всего, многоцветье картины) (Рис. 60)⁵⁸¹. Как видно из приведенных цитат «коммунарский дизайн», в отличие от барбикора, предполагает отказ от цветового единства. С ним также связан отказ от освещения люстрами: предпочтительным средством освещения в коммуналке считаются не люстры, а гирлянды, которые в первый месяц проживания на новой квартире были развешены по кухне, коридору и залу. Единый источник света сменился множеством огоньков (Рис. 61, 62).

Стоит также добавить, что практики оформления интерьера предполагают внесение в него изменений в течении его существования. Туда вносятся элементы, которые представляются тому или иному коммунару интересными, часто их обнаруживают в мусорках и на свалках («фриганят»), приносят с работы, создают самостоятельно. По выражению Шамана, «Любой кусок хлама, который выглядит хоть как-то интересно, является потенциальным украшением коммуналки». Так на стенах «Норм» некогда появились натюрморты и портреты, нарисованные неуверенной рукой с помощью гуаши (вероятно, выброшенные учебные работы) (Рис. 63, 64), купленные на блошином рынке карты таро необычного оформления, кубки за участие в юношеских шахматных турнирах (также, видимо, выброшенные их бывшим хозяином), коллажи, вырезанные Мышью из газет (Рис. 65, 66, 67) и т. п. При переезде карты и кубки были оставлены в старой квартире, а хранившиеся в архиве Мыши коллажи перекочевали на стены новой⁵⁸².

Стремление к динамике интерьера послужило причиной конфликта, связанного с выбором новой квартиры. Некоторым казались предпочтительными квартиры с чисто выбеленными стенами, которые можно было бы заклеить и расписать. Альтернативой было предложение Луки, искавшего квартиру с готовым ремонтом. Несогласные с ним категорически отказывались жить в «нормисной хате». В итоге был найден компромисс: коммунары переехали в квартиру с полным ремонтом, хозяйка которой, однако, была не против весьма радикальных вмешательств в интерьер (типа сдирания обоев, росписи стен, продажи мебельных стенок и т. п.). Она, впрочем, имела и

⁵⁸¹ ПДА 2024с

⁵⁸² Там же

имеет и другие черты, которые показались коммунарам выгодными: проживание в другом городе и прецеденты аренды квартиры молодыми людьми.

Единство коммуны в плане цветного оформления, как и вообще устойчивость элементов интерьера, не было достигнуто. На место общей концепции оформления пришли практики индивидуального внесения изменений. Интерьер, который должен был стать результатом масштабирования и выражать общую идентичность, превратился в нечто вроде коллажа, внутреннее разнообразие которого было связано с немасштабируемыми предпочтениями каждого отдельного коммунара.

Проводя аналогии между немасштабирующей гетерархией коммуны и коллажной организацией её интерьера, выражающего «коммунарскость», можно сказать, что создаваемое коммунарами единство имеет характер бриколажа, чья логика Клодом Леви-Строссом противопоставляется логике проекта⁵⁸³. Вместо того, чтобы нормировать деятельность коммунара по заранее определённым замыслу, совокупность ролей в коммуне создаётся, как бы выразился К. Леви-Стросс, «из подручных средств», а точнее, тех людей, которые почему-то решили занять ту или иную роль⁵⁸⁴.

Рассмотренные кейсы, касающиеся утверждения правил, назначения ответственных и обустройства жилища коммунарами, позволяют связать попытки утверждения правил как единых артикулированных сводов с ориентацией инициатора на построение коммуны как проекта и придание её темпоральности проектного будущего. Установка на будущее, таким образом, приводит к стремлению к регулированию повседневных циклических темпоральностей и, таким образом, выступает в качестве темпорального измерения масштабирования. Придание коммуне общего будущего предполагает относительную стандартизацию повседневных практик посредством единых правил, что, впрочем, плохо удаётся, поскольку большинство коммунаров стремится конструировать коммуну не как некое цельное единство, но как состоящий из разнородных частей, не направленных на одну общую функцию бриколаж. Во временном отношении коммуна также формируется и как бриколаж, в котором общие циклы (типа ведения бюджета или ведения соц. сетей) становятся индивидуальными, будучи при этом связанными друг с другом.

⁵⁸³ Леви-Стросс, К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 126-131.

⁵⁸⁴ Там же. С. 127.

3. Длительная временность в ДОме на синей ветке

Жизнь в «мирном» ДОме, решившем вопрос об общем будущем, а точнее о его отсутствии, и в дальнейшем не была лишена противоречий, однако теперь они были связаны не с построением будущего, но с вопросом о темпоральных особенностях коммунальной повседневности и, прежде всего, организацией циклов, существующих в континууме, включающем в себя как домашнюю, так и рабочую сферы⁵⁸⁵.

К этим противоречиям принадлежали, прежде всего, конфликт «тусовщиков и сторонников тишины», в рамках которого, как и в обстоятельствах до «наступления мира», случались «столкновения в гостиной», где происходила основная публичная жизнь ДОма. Но к моменту моего появления в коммуне он уже не обсуждался на общих собраниях и, по выражению бывшего жителя коммуны Антона, «стали тихими». При этом информанты достаточно чётко разделяли стороны конфликта, конкретных людей относили к той или иной группе: так, например, тот же Антон назывался «тусовщиком», а одну из старейших (в плане времени проживания) жительниц ДОма Леру относили к «сторонникам тишины», инициатором «тишины» в общей курилке являлся живший рядом с ней Иван и т. д.

«Домашние» называли этот конфликт к «вечным». Иными словами, «тишина» и «тусовка» также имели темпоральное содержание. Они были связаны с распорядком дня: с запретом на шум в «общих пространствах» коммуны (гостиной, кухне, курилке, коридоре и зале) между 11 часами вечера и 8 часами утра, который, однако, по умолчанию нарушался: по ночам (так, что было слышно в коридоре) могли смотреть фильмы, используя общую колонку, играли на фортепиано в гостиной, вели громкие дискуссии. Собственно, это и являлось проявлением «тусовки». По мнению же «сторонников тишины», этот период должен был быть временем сна. К этим рамкам, впрочем, обращались только «сторонники тишины», сами «тусовщики» не считали эти часы особо подходящими для «тусовки», они продолжали её, начав ещё вечером. Время «сторонников тишины» и «тусовщиков» было по-разному структурировано: если первые существовали в рамках цикла воспроизводства рабочей силы⁵⁸⁶, отдыхая по ночам перед дневной работой (о помехах сну восклицали «мне завтра на работу!»), вторые, работая дома, имея частичный пассивный доход и т. п., в будние дни (и ночи) продолжали воспроизводить время праздника, которая иногда становилось характерным для всех «домашних», например, при праздновании дней рождения⁵⁸⁷. Об этой их особенности подробнее будет сказано ниже.

⁵⁸⁵ Nippert-Eng, C. Home and Work.

⁵⁸⁶ Маркс, К. Капитал. С. 578.

⁵⁸⁷ ПДА 2022

Предварительно стоит оговориться, что темпоральность, которой следовали «тусовщики», являлась не столько временем «тусовки», то есть «засасывающего» общения, сколько прекарным циклом труда и отдыха, описанным в §1 этой Главы 3. «Тусовщики» – те, кто посредством прекаризации (в этом случае привилегированной), связанной с пассивным доходом или удалённой работой смогли выйти из отношений изменения между временем общения и циклом воспроизводства рабочей силы, заменив последний прекарным трудовым временем. При этом «сторонники тишины», как это можно заметить, являлись теми, кто продолжал жизнь в рамках цикла воспроизводства рабочей силы, сосуществуя с экспансивной «болотистостью» времени общения, в отличие от сконцентрировавшихся на внутренней коммунаской жизни «домовых» и тех, кто предпочёл покинуть коммуну, создав отношения изменения между этими двумя темпоральностями, где цикл воспроизводства рабочей силы вытеснял время общения.

Противостояние двух типов темпорально организованных практик, касающихся ночной жизни в ДОме, нивелировалось в обстоятельствах праздника. Об этом можно судить по наблюдениям, которые я сделал во время празднования в коммуне описанных выше дней рождения Жени и Деда. Чтобы не возвращаться к описанию этих мероприятий отмечу только, что они как раз включали в себя ночную «тусовку», во время которой в гостиную заходили проснувшиеся люди, в ряде случаев просили сделать тише или просто молча смотрели: никто не высказывался против и не предлагал прекратить⁵⁸⁸.

Темпоральность праздника превращала время сна во время «тусовки» не для «тусовщиков», а для всего ДОма: одни продолжали праздновать ночью, другие не стремились прекратить это и признавали такие практики приемлемыми. Границы времени сна и бодрствования становились нерелевантными. Грань между «тусовщиками» и «сторонниками тишины» стиралась – в «тусовке» участвовали те, кто являлись членами определённой «компании», а не те, кто предпочитали делать это в любую другую ночь.

В то время как «сторонники тишины» заменяли время праздника временем воспроизводства рабочей силы, где сон является отдыхом перед работой, когда должна быть прекращена активность в «общих местах», прекарная темпоральность «тусовщиков» продолжала логику праздника за его пределами, встречаясь с альтернативной ей темпоральностью. Таким образом, время праздника в тот или иной день, объединяя «домашних» и их «компании» в ритуальном процессе, в любой другой период приводило к конфликту.

⁵⁸⁸ ПДА 2022

В будние дни ограничение на практики «тусовщиков» накладывалось ситуативно – громкие звуки немедленно прекращались по просьбе любого проснувшегося. Недовольный ночным шумом житель коммуны появлялся в гостиной и заставлял обратить на себя внимание присутствующих фразой типа «Ребят, вы не могли бы по тише?» или «А обязательно сейчас тусить, а?», произнося такого рода реплики, некоторые смотрели на часы, висевшие в гостиной, другие могли добавить вербальное указание на время⁵⁸⁹. Так, темпоральность «тусовщиков» являлась предпочтительной и практикуемой вплоть до момента, когда таковой становилась темпоральность «сторонников тишины», которая затем вновь утрачивала свои позиции, когда опять находились желающие пошуметь в гостиной после 23:00.

Такого рода перформативная смена предпочтительной темпоральности касалась и курилки. Так, в одну из ночей к поющим во время курения Дане и Денису подошёл житель ближайшей комнаты. Он постучался в дверь и когда ему открыли, войдя, сказал «курилка – не место для пения, курилка – место для курения», аналогично в другой раз он выразился в успешной попытке прекратить громкий смех: «курилка – не место для юмора, курилка – место для курения»⁵⁹⁰.

«Тишина» не признавалась «тусовщиками» более правильной чем «тусовка», они лишь делали ей временную уступку, сохраняя свою идентичность, в рамках которой «тусовщики» вновь открыто начинали воспроизводить практики «тусовки», когда настаивал вечер очередного дня. Ночью «тусовка» опять могла прерваться по просьбе кого-нибудь из «сторонников тишины» или продолжиться, если не находилось желающих помешать ей. Таким образом, «тишина» не только не становилась более правильным вариантом поведения как в отношениях изменения – «тусовка» могла существовать вовсе без неё.

Если в конфликте по поводу проектного будущего ДОма речь шла о выборе одного из вариантов темпоральности, с которым должны были согласиться все, то множественные темпоральности циклической повседневности коммуны находили возможности мирного сосуществования. Ни одна темпоральность в этом случае не занимала доминирующего положения, однако их отношения и не являлись и симметричными. Доминирование любой из темпоральностей было временным – они поочередно сменяли друг друга, на время вытесняя собой альтернативу, а затем вновь уступая ей место

⁵⁸⁹ ПДА 2022

⁵⁹⁰ ПМА 2022а

Специфика темпоральной множественности коммуны, и в частности, особенности отношений между темпоральностями «тусовщиков» и «сторонников тишины», я полагаю, может быть осмыслена с помощью категории длительной временности. Это понятие использует Ольга Бредникова, которая, опираясь на идеи текучей современности Зигмунта Баумана, исследует жизнь и жилище трудовых мигрантов в России. Длительная временность атрибутируется мобильному субъекту. Концепт мобильного субъекта исследовательница заимствует из сложившейся в миграционных исследованиях дискуссии вокруг этого понятия: вслед за антропологом Бяо Сянем она определяет мобильных субъектов как индивидов, для которых миграции «мыслимы, осуществимы и желаемы»⁵⁹¹. К этому определению исследовательница добавляет список выделяемых ею черт, характеризующих мобильного субъекта: мобильность как таковая – склонность к смене места жительства и работы; множественность жизненных проектов – они реализуются одновременно, даже находясь в противоречии друг с другом; упомянутая выше длительная временность – миграция рассматривается мигрантами как краткосрочная, даже если она длится несколько лет; «отказ» от интеграции – мигрант интегрируется лишь в отдельные сферы жизни принимающего общества, в рамках которых ему необходимо, например, найти работу; опора на широкие и слабые сети социальных связей, часто довольно краткосрочные и легко разрываемые⁵⁹²; отказ от присвоения жилища в смысле принятия его как постоянного места проживания⁵⁹³. В более общих формулировках тем же набором черт субъекта текучей современности/постмодерна описывает и З. Бауман. Он также настаивает на неопределённости прошлого этого субъекта⁵⁹⁴.

Я предлагаю рассмотреть концептуализацию мобильного субъекта, предлагаемую О. Е. Бредниковой, как темпоральную в целом. По сути, длительная временность, определяемая исследовательницей как одна из черт мобильного субъекта, характеризует все рассматриваемые аспекты его жизни: жилище, место работы, социальные связи, интеграция – всё становится объективно или субъективно временным вне зависимости от (в т. ч. очень большой) продолжительности. Особая темпоральность, таким образом, конституирует мобильного субъекта.

Менее подробно подобную темпоральную черту жизни трудовых мигрантов описывает социолог Джорджина Рамзи. Она считает главной особенностью их образа жизни

⁵⁹¹ Biao, X. The Making of Mobile Subjects.

⁵⁹² Бредникова, О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта.

⁵⁹³ Бредникова, О. Е., Ткач О. А. Дом для номады.

⁵⁹⁴ Бауман, З. От паломника к туристу.
Бауман, З. Текучая современность.

перемещённость (*displacement*) – изменчивость места – которое связывается с не слишком хорошо определённой темпоральностью неопределённости (*temporality of uncertainty*). Исследовательница настаивает на необходимости отказаться от атрибутирования перемещённости, и, как следствие, связанной с ней темпоральности, исключительно мигрантам. По её мнению, перемещённость является чертой очень многих оседлых людей в современном мире⁵⁹⁵.

Вслед за тезисом Дж. Рамзи я буду использовать понятие темпоральности неопределённости, а точнее длительной временности, для анализа реалий ДОма на синей ветке.

Проводя большую часть своего времени в гостиной ДОма, я стал свидетелем дискуссии вокруг вопроса нанесения граффити на стены общего коридора.

Трое жителей коммуны Райя, Клава и Женя, стояли в коридоре вокруг упоминавшегося выше настенного изображения фигуры, иконографически схожей с индуистскими богинями, некогда игравшего свою роль в конфликте «окультуристов» и «материалистов». Небольшую часть граффити Женя забелил месяц назад, против этого через короткое время высказались Райя и Лера, что впоследствии привело к диалогу, при котором присутствовал я. Все участники смотрели на изображение и вели обсуждение:

Женя: По-моему, тут у каждого человека есть одна стена для рисования...

Райя: А мне говорили, что коридор общий и всё по договорённости, когда обсуждали с художниками и Мишей, например.

Вопрос был также адресован, проходившему мимо счетоводу ДОма Нику. Женя поинтересовался «какие договорённости» существовали по поводу росписи стен. Тот ответил: «нет правила, по которому житель комнаты имел бы право расписывать ту или иную стену, но нет и обратного», запрещающего ему это, но «это логично, что надо спрашивать у жителей комнаты». Женя подытожил: «Короче, по каждому вопросу находилась компромисс...».

Вслед за Ником, продолжая разговор, компания прошла в гостиную, где сидел Виктор.

Виктор [оглядываясь на Ника]: Кажется, там была история, что каждая правая стена, её можно делать с ней всё, что хочешь, в смысле, рисовать на ней.

Райя: Почему правая?

⁵⁹⁵ Ramsay G. Time and the other in crisis.

Виктор: Ну, или левая...

Ник: А у нас у всех есть правая стена, примыкающая к двери?

Виктор (улыбаясь): Кажется, да...

Ник: Ну, в любом случае нельзя никого игнорировать. Надо обговорить с теми, кто против...

У Жени в руках зазвонил телефон, он вышел из гостиной. На этом диалог завершился⁵⁹⁶.

Впоследствии мне доводилось слышать и другие неуверенные интерпретации, желающих расписать вновь ту или иную стену. Например, в разговоре о своих работах высказалась Мила: «Рядом со своей комнатой сто процентов ты, как бы, можешь что-то делать, а рядом с чужой – под вопросом», «ты нарисовал и другой человек, вроде как, имеет право это всё закрасить». Это касалось, прежде всего, одной из её работ в ДОме, по поводу которой существовали разногласия⁵⁹⁷.

Как мне объяснили позже, участники дискуссии предпочли обратиться за советом к Нику как к одному из старейших (в плане стажа) жителей коммуны, об этом говорят и некоторые формулировки, отсылающие к прошлому – «по каждому вопросу находился компромисс», «кажется, там была история». Прошлое, хранителем которого выступал Ник, явилось источником знаний о правилах.

Такого рода положение дел в одной из своих бесед со мной Ник назвал «эрой прецедентного права», её он противопоставил тому периоду существования коммуны, когда решение конфликтов определялось «Договорённостями» – кодексом фиксированных предписаний, разработанным и принятым на общих собраниях «домашних» в первый год её существования⁵⁹⁸. Мои первые интервью в коммуне часто касались «Договорённостей», большинство информантов говорили том, что этот кодекс существует и всеми признаётся, однако не могли указать, где я могу с ними ознакомиться. В ответ, на вопрос о том, где они хранятся, мне всегда предлагали спросить кого-нибудь ещё⁵⁹⁹. Можно утверждать, что «Договорённости» ушли из практик воспроизводства к моменту моего появления в ДОме. Их роль в процессе принятия решений охарактеризовал тот же Ник: «это не Конституция, не Правила, не какой-то

⁵⁹⁶ ПДА 2022

⁵⁹⁷ ПМА 2022а

⁵⁹⁸ ПМА 2021с

⁵⁹⁹ Там же

ПДА 2021

Талмуд», «их строгость компенсируется необязательностью их исполнения»⁶⁰⁰. Впрочем, мой интерес, до некоторой степени реабилитировал устаревший текст: позже, я обнаружил его распечатанными на листах А4, приколотых стопкой у входной двери, большинство «домашних», однако, всё также не могли указать мне, где он находится⁶⁰¹.

«Договорённости» существовали сначала в первой, а затем во второй редакциях, декларативные части которых написаны разными авторами, бывшими среди основателей коммуны, которые также занимались компиляцией идей других «домашних». По словам бывших и нынешних жителей коммуны, дискуссии на собраниях вокруг разных редакций были связаны с попытками внести сначала в первую, а затем во вторую редакции поправки, дабы закрепить устоявшиеся практики, что, как я полагаю, так и не было реализовано в случае со второй редакцией. Об этом можно судить, исходя из специфики третьей редакции, которая отличается от второй лишь отсутствием вводной манифестной части, в остальном же они почти идентичны. Более того, текст третьей редакции сохранил в себе те фрагменты, которые, очевидно, предполагалось удалить, и пустоты, которые предполагалось заполнить – они носили временный характер. Среди пунктов раздела «3.2 Оплата» присутствует вопрос «ДОЛГИ ЗА АРЕНДУ - ЧТО ДЕЛАТЬ?», вероятно, призывающий к созданию некой писаной нормы по этому поводу, а пункт «3. Заезд и выезд жильцов» вовсе не содержит текста. Характерно, что вторая редакция включала в себя частичное устранение нормативной неопределённости первой: если в первом случае пункт «1.1.2 Общеорганизационные решения; решения, влияющие на дальнейшую жизнь сообщества» сопровождался, среди прочего, вопросом «Достаточно ли просто сказать “я против” чтобы заблокировать решение?», то во втором тот же пункт получил дополнительную фразу «Механизм "один голос против +2"», проясняющую его. Таким образом, очевидная создателям первой редакции недосказанность имела значение для создателей второй, но перестала быть важной для создателей третьей (см. Приложения)⁶⁰².

Третья редакция, по мнению «домашних», являлась актуальной на момент моего проживания в ДОме. Вместе с тем, нормы, которые там прописаны, считались нормами прошлого, предполагалось, что к ним апеллировали в конфликтах раньше, а в дальнейшем, когда в них не были внесены исправления, связанные с реальными практиками, они перестали использоваться.

⁶⁰⁰ ПМА 2021с

⁶⁰¹ ПДА 2021

⁶⁰² ПМА 2022а

В обстоятельствах конкретных противоречий, возникающих в жизни коммуны, её жители обращались к прошлому, которое им предлагал тот, кто имел относительно большой стаж проживания в ДОме, но они принципиально игнорировали то прошлое, которое, по их же словам, было зафиксировано в «Договорённостях» – «домашние» предпочитали извлекать нормы прошлого из ситуативного устного рассуждения, а не из фиксированного письменного текста.

Таким образом, наряду с отказом от проектного будущего, связанным с победой «материалистов» и «мясоедов» над «окультистами» и «вегетарианцами», ДОм характеризовала утрата фиксированного прошлого.

Конструирование непостоянного, ситуативного прошлого было связано с обращением к опыту тех, кто жил в ДОме давно (в данном случае это был Ник). Представляется, что здесь наиболее уместна аналогия с «олдами» – авторитетными представителями «Системы», имевшими в ней большой стаж, которые будучи хранителями её памяти помогали в социализации неофитам⁶⁰³. В ДОме «олдами» назывались ранние жители коммуны. Говоря о долговременности обитания в коммуне, к таковым можно было бы отнести Деда и Ника. Однако, если «системные» «олды» должны были передавать новичкам традицию, то к Нику обращались только по случаю. Более того, он не создавал важный для передачи традиции исторический нарратив, предлагая суждения о прошлом только по необходимости здесь и сейчас.

Дед, чья деятельность подробно описана в §2 Главы 3, обладал наибольшим стажем жизни в коммуне и воспринимался как конституирующий элемент сообщества. При этом он был тем, кто принципиально отказывался быть хранителем общей памяти, т. к. утверждал, что почти ничего не помнит об истории ДОма⁶⁰⁴.

Здесь стоит кратко отметить, что это создаёт контраст между ДОмом на синей ветке и коммуна-сквотами, описанными Э. Старчески, стремившимися к созданию собственного исторического нарратива и даже архива⁶⁰⁵. «Домашние» не просто не создавала нарратива или архива, основой которого могли бы послужить «Договорённости», они предпочитали делать своё прошлое ситуативным, конструируемым для того или иного случая.

⁶⁰³ Щепанская, Т. Б. Система. С 45, 207, 208, 224-228.

⁶⁰⁴ ПДА 2022

⁶⁰⁵ Starecheski, A. Squatting History.

Starecheski, A. Ours to Lost. P. 191-256.

Starecheski, A. Squatters Make History in New York.

Обозначенную специфику прошлого и будущего в этой темпоральности я связываю с особенностями длительной временности. Нетрудно обнаружить сходства между описанной темпоральностью ДОма и чертами мобильного субъекта.

Многие жители коммуны уезжали из неё в течении года, либо полностью меняя место жительства, либо отправляясь в летнее путешествие, например, на сезонные фестивали или с целью проехать тот или иной маршрут автостопом⁶⁰⁶, что может служить иллюстрацией мобильности. Выбор столь необычной формы общежития как коммуна нетрудно интерпретировать как частичный отказ от интеграции. Обилие слабых социальных связей становится очевидным, если взглянуть на уже упоминавшийся чат «друзей ДОма» – с большинством из них не велась постоянная переписка, они исчезали из жизни коммуны, а затем ненадолго появлялись там в гостях, при этом их статус, предполагающий связь с ДОмом, не исчезал, несмотря на длительное физическое в нём отсутствие⁶⁰⁷.

Большинство «домочадцев» не отождествляли ДОм и дом как присвоенное ими жилище: на вопрос «Дома ли ты здесь?» они отвечали отрицательно и дальше обычно говорили о том, что принадлежащий им дом для них является лишь фантазией или проектом, либо, что они вообще понимают идею дома как условность⁶⁰⁸. Скажем, Миша на это отвечал «дом – это там, где я сейчас, даже в поезде». Другие напрямую говорили о собственном доме как о мечте. Например, Райя: «дом – это не здесь, дом – это когда-нибудь»⁶⁰⁹. Пит и его супруга повесили в своей комнате фотографию коттеджа из сериала «Зачарованные» в качестве «аффирмации на будущий дом»⁶¹⁰, Кеша считал такой проект вовсе лишь фантастическим – «Вот если я найду миллион долларов!». Он имел обыкновение рассматривать элитные квартиры на сайтах по продаже недвижимости и проектировать такую квартиру, которая покажется ему идеальной⁶¹¹. Так, ДОм оказывался временным домом, а его временность интегрированной в жизненные проекты разных его жителей.

Особым образом эти обстоятельства во время интервью охарактеризовал Дед. Я спросил его о том, есть ли у него планы обзавестись собственным домом, на что он ответил, что это связано исключительно с перспективой завести семью, для которой можно озаботиться появлением отдельного жилья, но «если мы с человеком решим, что нам комфортно кочевать,

⁶⁰⁶ ПДА 2022

⁶⁰⁷ Там же

⁶⁰⁸ ПМА 2022а

⁶⁰⁹ Там же

⁶¹⁰ Там же

⁶¹¹ Там же

можно продолжить»⁶¹². Несмотря на то, что Дед жил в ДОме с момента его основания и в последние годы почти не выходил из него, свою жизнь в коммуне он описывал глаголом «кочевать».

Такого рода принципиальную временность коммунарской жизни отмечают и представители других коммун. Так, житель «Древа», автор популярной среди коммунаров методички «Как создать коммуну?» призывает начинающих создателей коммун смириться с тем, что она в любом случае рано или поздно развалится⁶¹³. Это согласуется с наблюдениями за «Системой», которые сделала Т. Б. Щепанская. Исследовательница отмечает, что жилище среди «пиπλα» носило исключительно временный характер – они, являясь палаткой, «флэтом» или «вписом», служили только привалом в пути⁶¹⁴. И. А. Гордеева также отмечает, что коммуны хиппи чаще всего были сезонными⁶¹⁵.

«Домашние» также были склонны к длительным путешествиям и переездам, отказу от общего проекта, коллективному поддержанию многочисленных слабых связей и описанию своего жилища как временного, несмотря на, в ряде случаев, достаточно длительное там проживание. Их также можно было охарактеризовать темпоральной чертой временности и непостоянства.

Временностью характеризовались и другие стороны жизни коммуны. Информанты отмечали, что принципиально временным является интерьер коммуны: нельзя полагать, что то или иное граффити не будет покрашено, а, скажем, деревянная маска снята с гвоздя на стене гостиной⁶¹⁶. Циклы жизни ДОма также воспроизводились как непостоянные. «Я живу в условиях недостатка ритуалов <...> у меня никогда не понятно, когда день начинается, когда переламинается и когда он заканчивается» – отмечала Дана. Постоянные встречи и разговоры в «общих местах» мешали осуществлять ежедневные циклы готовки, мытья посуда и т. п. достаточно строго⁶¹⁷. Они тоже становились временным, меняясь от раза к разу. Это же касалось цикла дежурств: как отмечал один и коммунаров, «тут есть график дежурств, но, если ты не уберёшься, тебе ничего не будет»⁶¹⁸.

Я полагаю, что длительная временность стала доминирующей темпоральностью с наступлением «мира» в ДОме, вытеснив из него проекты будущего в рамках отношений

⁶¹² ПМА 2022а

⁶¹³ ПМА 2025

⁶¹⁴ Щепанская, Т. Б. Система. С. 68-70.

⁶¹⁵ Гордеева, И. А. Тайны двух «Альтернатив».

⁶¹⁶ ПДА 2022

⁶¹⁷ ПМА 2022а

⁶¹⁸ Там же

изменения. Коммуна как проект, коммуна как воплощённое будущее уступили место длительно временной коммуне как постоянному непостоянству.

Длительно временными можно считать, соответственно, и практики отношений между «тусовщиками» и «сторонниками тишины». Каждая из них приобретала господство лишь временно, жители коммуны лишь временно следовали той или иной темпоральной логике. Признавая приемлемыми притязания «сторонников тишины» в конкретный момент, «тусовщики» непременно возвращались к темпоральности «тусовки» вновь, продолжая считать приемлемыми именно свои практики. Неопределённость, внутри которой всё лишь временно, позволяла избежать ситуации доминирования одной группы над другой.

С этим, вероятно, и был связан «мир» в сообществе: отсутствие вопроса о будущем позволяло «не зарубаться за идеологию»⁶¹⁹, а временность господства темпоральностей повседневной жизни не приводила к обострению конфликтов между группами, их практикующими.

Сосуществование описанных темпоральностей в реалиях коммуны также может быть описано в логике аналитики темпоральной множественности Н. В. Ссори́на-Чайкова.

Именно длительная временность стала частью отношений изменения с наступлением «мира» в ДОме, вытеснив на второй план проекты его будущего. И именно она включила в себя темпоральности «тусовщиков» и «сторонников тишины».

Соответственно, практики отношений между темпоральностями «тусовщиков» и «сторонников тишины» можно считать длительно временными. Каждая из этих форм времени приобретала господство лишь временно, жители коммуны лишь временно следовали той или иной темпоральной логике. Признавая приемлемыми притязания «сторонников тишины» в конкретный момент, они непременно возвращались к темпоральности «тусовки» вновь, продолжая считать приемлемыми именно свои практики. Таким образом, длительная временность создавала одновременность для этих отношений, обе темпоральности оказывались включены в третью, что обуславливало особенности этих отношений. Именно эта форма времени включала в себя анализируемые темпоральности. Поскольку и время «тусовщиков», и время «сторонников тишины» сосуществовали в длительной временности, их отношения обретали её черты. В этом смысле длительная временность выступала не как темпоральность особого рода

⁶¹⁹ ПМА 2022а

субъекта (как у О. Е. Бредниковой или З. Баумана), но как темпоральность ДОма, вмещающая в себя в качестве одновременности разные темпоральности его жителей и их групп.

С этим, вероятно, и связан «мир» в сообществе: отсутствие вопроса о будущем позволяло «не зарубаться за идеологию», а временность господства той или иной темпоральности повседневной жизни не приводило к обострению конфликтов между людьми, их практикующими.

Темпоральности тусовщиков и сторонников тишины находились друг с другом в отношениях, которые трудно описать как отношения обмена. Они не обеспечивали существование друг друга, более того, они были взаимно противопоставлены. Вместе с тем их трудно назвать и отношениями изменения – одна темпоральность не вытесняла и не редуцировала другую, ни «тусовка», ни «тишина» не признавались более предпочтительными или истинными всеми жителями коммуны, более того, предпочтения относительно темпоральности становились частью идентичности (человека можно было называть «тусовщиком» или «сторонником тишины»). Темпоральности находились в конфликте, где поочерёдно сменяли друг друга в доминантной позиции: если до требования не шуметь шум ночью был предпочтительным, после него становилась предпочтительной тишина. Такую ситуацию можно назвать отношениями сменяемости – темпоральности именно сменяли одна другую, но не обеспечивали взаимное существование и не вытесняли друг друга. Одновременность отношений сменяемости обеспечивается длительной временностью, она позволяла разным темпоральностям длительно воспроизводиться и, вместе с тем, быть временными.

В связи с этим можно также сделать отдельный вывод о темпоральности предпочитающих работу с постоянным графиком «сторонников тишины», являющейся циклом воспроизводства рабочей силы. Она, вероятно, не является особенной по отношению к темпоральности тех, кто решал покинуть ДОм, обнаружив затруднения в совмещении «болотистой» темпоральности общения и необходимости ходить на работу. Если покинувшие коммуну, предпочли установить между этими темпоральностями отношения изменения, обозначив для себя одну из них как более правильную в сравнении с другой, то «сторонники тишины» выбрали отношения сменяемости, в которых утверждение той или иной формы времени как основной потеряло смысл, т. к. они стали сменять друг друга. Если «тусовщики» смогли совместить общение и работу за счёт precariousности, позволяющей не расходовать много времени на эпизодические заработки, установив отношения обмена между своим precariousным временем труда и отдыха и временем общения, то «сторонники тишины» установили отношения сменяемости, где темпоральность общения, как и

обеспечивающая её существование, находящаяся в обмене с ней темпоральность «тусовщиков» периодически сменялась циклом воспроизводства рабочей силы – правила, установленные теми, кто предпочитал непостоянную работу, легко заменялись правилами тех, для кого была важна стабильность в плане места и времени работы, и наоборот.

4. Темпоральности коммуны-семьи и коммуны – общего дела

В начале сентября 2024 года к назначенному вечернему часу в ДОме на синей ветке начали собираться гости, большинство из них были бывшими жителями коммуны, в их числе был я. Они не проходили в гостиную и на кухню, останавливаясь в зале, который являлся первой комнатой по коридору. Все коротко или пространно приветствовали друг друга, иногда знакомили с кем-то из собравшихся. Некоторые, знавшие меня заочно только по прозвищу Антрополог, интересовались моим именем. Помимо собравшихся у входа находилась мягкая игрушка-бегемотик с повешенной ей на шею табличкам «подайте бездомным» и фарфоровым блюдцем напротив. Начинаясь мероприятие, за пару дней до того объявленное в чатах коммуны, называлось «прощанием с ДОмом» – через три дня заканчивался срок действия договора аренды, который арендодатель на этот раз отказывался продлевать. С окончанием договора аренды должен был прекратить своё существование основанный в 2016 году ДОм на синей ветке.

Минут через пятнадцать после моего появления в коммуне из глубины коридора появились Женя и София (на тот момент они были парой). Улыбаясь, они поприветствовали всех и выразили недоумение по поводу того, что никто не проходил в гостиную, где обычно проводились любые другие мероприятия. Все пришедшие направились в гостиную, туда же перенеслось общение. Постепенно в гостиной появлялись новые люди, которых приветствовали те, кто был знаком с ними. Ещё минут через пятнадцать в гостиную зашёл Дед, его приветствовали дружелюбным улюлюканием все собравшиеся сразу. Женя и София начали накрывать на стол, на нём появились принесённые гостями и хозяевами сладости, бутылки лимонада и пива.

Стоя у стола, держа в руках открытую бутылку лимонада, Оливия громко произнесла: «Давайте выпьем за нашу коммуну, которую основали наши предшественники, а мы её [потеряли]». Все засмеялись и подняли бокалы и бутылки. Минуты через три Антон громко предложил всем посчитать количество свадеб, имевших место «в коммуне», то есть среди её жителей. После небольшой дискуссии было названо четыре. Через какое-то время также было

посчитано количество детей «родившихся в ДОме» или, точнее проведших в нём самый ранний период своей жизни.

Через какое-то время София начала говорить о «предвестиях апокалипсиса» в коммуналке: по её словам, где-то за месяц до объявления о скором окончании аренды коммунары начали массово болеть, а на стенах появились тараканы, позже об этом говорили и другие. За столом выдвигались версии о возможных причинах отказа в продлении договора аренды, другие задавались вопросом придёт ли кто-то из «олдов» (ранних жителей коммуны), за исключением Деда. «Олды» постепенно появлялись, их приветствовали те, кто их знал.

Женя и София продолжали накрывать на стол (ставили и разрезали арбуз), вытирать с него крошки. К ним присоединялись и другие ещё не съехавшие коммунары.

Постепенно собравшиеся начали расходиться из гостиной: часть продолжали общение там же, остальные перешли в комнаты и другие «общие места». Многие комнаты уже были лишены как своих жителей, так и каких-либо их вещей.

Мы с Антоном разговаривали на балконе. Он продолжал подсчёты: вспомнил о том, что пережил в ДОме две влюблённости и два расставания. Антон также поинтересовался, пишу ли я сейчас что-нибудь о коммуналке. Я ответил, что уже опубликовал одну статью и вот-вот опубликую вторую. Это вызвало оживление в его голосе: мой собеседник говорил мне о том, что это очень радует его, поскольку я создаю «неуничтожимое знание» о ДОме, которое переживёт сам ДОМ.

Часть пришедших объявили, что они собираются отправиться на крышу, т. к. никто никогда этого не делал, опасаясь негативной реакции соседей. София пошла вместе с ними, она также как и остальные издавала радостные возгласы по этому поводу, но при этом просила всех быть потише, а также выходить на неё по трое. Я остался в коридоре.

Рая ходила по коридору и комнатам с прижатым к груди горизонтально расположенным телефоном камерой наружу. Вокруг неё говорили о том, что она хочет снять небольшой фильм о коммуналке, а на мой вопрос, зачем она это делает, Рая отвечала «Я хочу запечатлеть ДОМ».

Антон вспоминал о вещах, оставленных им в коммуналке, мы заглянули в пару комнат, где таковые оставались. Хозяйка комнат и Антон говорили о появлении этих предметов в коммуналке.

Поговорив ещё немного с Антоном и прогулявшись по коридору, я отправился к выходу, пытаюсь успеть на метро. На этом «прощание с ДОмом» для меня завершилось⁶²⁰.

⁶²⁰ ПДА 2024b

Представляется интересным проанализировать это событие в темпоральном ключе.

В ритуальном процессе коммуна ДОм на синей ветке обретала линейно-историческое время. Появилась идея о том, что она была создана предшественниками и потеряна приемникам, обнаружилась важность «олдов». Они оказались важны многим присутствовавшим, несмотря на то, что те часто не были знакомы с ними – значение имела сама их «олдовость». Это, вероятно, было одной из причин бурного приветствия Деда, который покинул коммуны меньше года назад и весь период своего проживания (с момента основания с некоторыми перерывами), как уже неоднократно упоминалось, считался одним из старейших или старейшим жителем ДОма.

Появилась темпоральность итогов – существование коммуны начало описываться как подошедшее к концу накопление событий (свадеб, расставаний, влюблённостей, деторождений).

Наконец, конструировалось время музеефикации, в котором свидетельства (мои статьи и фильм Райи) о ДОме становились его вневременными памятниками.

Подобная темпоральность музеефикации с моим участием как этнографа имела место также на первой квартире «Норм». Я собирался попросить информантов провести мне подробную экскурсию по коммуны, её обстановке и вещному миру, а в качестве причины называл то, что интерьеры большинства коммун не сохраняются при переезде, мне хотелось задокументировать его хотя бы в этом случае. Все, с кем я говорил, соглашались с тем, что запись такой экскурсии может быть интересной, и добавляли, что сами всегда думали об этом, несколько досадуя о потерях во время прошлых переездов⁶²¹.

Эльдар во время экскурсии не только давал свои комментарии, но и громко зачитывал все надписи, так, чтобы их хорошо было слышно на аудиозаписи. Он также сказал мне о том, что ему приходило в голову сделать подобного рода фиксацию в виде фоторепортажа, а Весёлый добавил, что такие идеи высказывались и раньше, но никто никогда «не успевал»⁶²².

Таким образом, жилищная прекарность⁶²³, связанная с непостоянством аренды, одновременно порождала желание создать устойчивые памятники коммунарской жизни.

Впрочем, в коммуны «Норм» роль исторических артефактов имеет место и вне связи с этнографической фиксацией. К ним принадлежит «Костян» – полуметровая пластиковая фигура сидящего скелета в чёрном балахоне; выполненный из полимерной глины и картонной коробки, раскрашенный масляными красками, покрытый блёстками и лаком кубик с лежащими по всей

⁶²¹ ПДА 2024

⁶²² ПМА 2024а

⁶²³ Литвинцев Д. Б. Жилищная прекарность.

его поверхности полимерными щупальцами (Рис. 68); жестяной фонарик со стеклянным стенками и плоской стеариновой свечой внутри. Все эти вещи объединяет то, что они были созданы или «нафриганены» в предшествовавшей «Норм» коммуне «Фонарь»⁶²⁴. Во время выкидывания многих вещей перед переездом коммуны я поинтересовался, нужно ли выбросить эти три предмета (они были поставлены рядом), на что получил эмоциональный ответ «Это слишком базированная база, чтобы это выкидывать», после мне рассказали об историческом значении этих вещей⁶²⁵. Подобное имеет место и в Доме на Севере – о круглом обеденном столе, некогда привезённом из ДОма на синей ветке, говорится «наша память»⁶²⁶.

Прошлое коммуны является одним из средств, с помощью которого можно обосновать важность её существования. Так, во время борьбы с клопами, из-за которых квартира, в которой располагалась коммуна, становилась непригодной для жизни, мои суждения о том, что «Норм» может распасться, встречали резко отрицательный ответ Мыши с дополнением «учитывая сколько мы пережили вместе», к этому «сколько» относилось основание коммуны, поиск новой квартиры, переезд и др. Несколько позже она смонтировала ностальгический клип, состоящий из хронологически расположенных «кружочков» – видеосообщений из чата коммуны. По её словам, эта идея пришла к ней в голову, когда она искала старое сообщение в чате, пролистывая его ленту и «кружки», соответственно. Клип был выложен в общем чате и канале коммуны, чем вызвал волну воспоминаний у других коммунаров, бывших его героями⁶²⁷.

Ещё один пример консолидации коммуны на основе общего прошлого её участников связан с ныне распавшейся коммуной Воловская. Фольклор, связанный с Воловской, бытует во многих сообществах «коммунарского движа». Он представляет собой рассказы об имевших в ней место анекдотических случаях. Важными участниками фольклорного процесса являлись её бывшие жители (в «Норм» это были Весёлый и Шаман), вспоминающие новые примеры забавных обстоятельств. Ситуацию, в которой предметом всеобщего интереса (не только выходцев оттуда) является коммуна, которой уже давно нет, её бывшие жители иронически описывали фразой «это наша тульпа» (паранормальное существо, связанное с тем или иным человеком и видимое только ему)⁶²⁸.

⁶²⁴ ПДА 2025

⁶²⁵ ПДА 2024

⁶²⁶ ПМА 2024b

⁶²⁷ Там же

ПДА 2024

⁶²⁸ Там же

Выше сказанное представляет интерес в ритуалистическом контексте, который дал мне возможность наблюдать практики коммуны, которой уже нет. Этот контекст имел трагический характер – он был связан со смертью Весёлого.

Весёлый умер во время поездки в Москву. Т. к. в сложившейся ситуации появилась необходимость доставки тела в Петербург, похороны откладывались на неопределённый срок. Поэтому поминки по нему в «Норм» решили провести через три дня после известия о смерти. Тем временем вопросами перевозки тела занималась ещё одна бывшая жительница Воловской Рита (о её роли будет рассказано чуть ниже).

В назначенный день около обеда в коммуне начали раздаваться домофонные звонки, а в не запираемых дверях появлялись друзья Веселого. По словам моих соседей по коммуне, почти все они, как и покойный, были панками и бывшими жителями Воловской. Все приветствовали друг друга, не улыбаясь. Часть из них расположилась на кухне, другая часть перешла в зал. На кухне обсуждались технические аспекты похорон, потенциальный состав участников похорон и поминок и некоторые вопросы не имевшие отношения к произошедшему. Мышь накрывала в зале вновь собранный для мероприятия стол, представлявший собой белую дверь от шкафа, положенную поверх лежащего на полу чемодана: поставила на него блюдо с бананами и апельсинами, принесла большое количество кружек и чашек, в которые должен был разливаться заваренный в кастрюле чай. Подчёркивалось, что поминки должны быть безалкогольными, поскольку Весёлый принципиально не употреблял спиртного. Знакомая всем участникам «Норм» гостя, жительница одной из коммун «коммунарского движа», заказала доставку пары десятков банок энергетиков и несколько коробок «Чебупеле». Необходимость этого обосновывалась тем, что Весёлый очень любил это блюдо и такие напитки, остальные явно одобряли эту идею, в т. ч. в момент привоза доставки. По приглашению Луки все собравшиеся на кухне перешли в зал и уселись кругом на стульях, креслах и на полу.

Мышь объявила минуту молчания, а затем, высказавшись о свойственном Весёлому альтруизме, предложила помянуть покойного, сказав, что каждый, кто желает, может высказаться. Высказался один из пришедших, остальные собравшиеся молчали. Я взял слово. Вслух вспомнив о добродетелях Весёлого и связанных с ними уроках для живых, я замолчал, молчали и все остальные, после чего я вспомнил шутку, которую принято было шутить именно про Весёлого, это вызывало всеобщий долгий смех. После этого слово стали брать новые и новые участники. Все их высказывания сводились к припоминаниям забавных случаев с участием Весёлого во время жизни на Воловской, вскоре собравшиеся начали рассказывать комические истории из жизни этой коммуны вне зависимости от главного героя. Со временем это также стало

сопровождаться показом фотографий на экранах телефонов и прослушиваем любимых песен покойного. Приблизительно через час выступления прекратились, а собравшиеся начали разговоры небольшими компаниями и в течении около полутора часов разошлись⁶²⁹.

Позже я имел возможность присутствовать на первой части похорон Весёлого, а именно на вывозе тела из морга. Церемонии прощания предшествовало оформление документов. Переговорами с сотрудниками морга и собственно работой с документами занималась Рита, про неё шептались «она прям как мама», она же обеспечила транспортировку мёртвого тела из Москвы в Петербург. Во время церемонии собравшиеся расположились подковой вокруг гроба, расположенного на небольшом подиуме, в центре дуги опять же стояла Рита. На крышке гроба находился портрет Весёлого. Участники похорон, периодически подходя к гробу, произносили речи. Первая речь была сказана неизвестной мне девушкой, она начиналась со слов, что Весёлый всегда воспринимался ею «как коммуна в целом». Рита высказывалась, не сходя с места. Её высказывания носили дидактический характер: например, предписывали тем или иным собравшимся не ссориться и заботиться друг о друге. После произнесения речей, в зал вошла распорядительница и объявила о том, что время прощания заканчивается, все по очереди начали подходить к гробу, касаться его крышки, после покидали зал.

Последней в зале оставалась девушка Весёлого. Она же забрала из зала его портрет. Далее большинство вызвало такси и поехало на кладбище. Девушка Весёлого поблагодарила меня за присутствие на похоронах, я сказал ей, что, к сожалению, не смогу поехать на кладбище. Все разъехались, я направился домой⁶³⁰.

В интерпретации произошедшего имеет значение пара упоминаний из биографического интервью Шамана, где он рассказывал о деятельности тех или иных жителей Воловской. По его словам, Весёлый стихийно был «старшим» – к нему обращались для решения хозяйственных вопросов и конфликтов. Риту он сравнивал с «бабушкой», которая могла «и приласкать и леща дать»⁶³¹.

Таким образом, поминки и похороны Весёлого воспроизводили коммуны, которая давно распалась. Существенной частью этого воспроизводства были воспоминания о прошлом – Воловская конструировалась из множества нарративов о событиях в ней.

⁶²⁹ ПДА 2025

⁶³⁰ Там же

⁶³¹ ПМА 2025

Позже я также узнал, что ряд жителей Воловской заняты созданием комикса, в котором, как планируется, должны быть изложена история коммуны.

Конституирующая роль прошлого – повод не распасться или даже существовать после распада – характеризует именно те коммуны, к которым их участники применяют метафору семьи. «Норм» напрямую называет себя «семьёй», а одна из лидеров Воловской описывается через термины близкого родства.

Интересно, что жители «Норм», говоря о своей коммуне как о «семейной» / «семейного типа», объясняют этим отсутствие совместно реализуемых проектов (прежде всего мероприятий), в то время как коммуны – общее дело ориентированы на реализацию таковых: концерты, фестивали, выставки и пр. (например «Ненатуральное число» и Второй Дом на проспекте)⁶³². В этом смысле можно считать, что коммуна-семья конституируется совместным прошлым, а коммуна – общее дело совместным будущим.

Наряду с «Ненатуральным числом» коммуной – общее дело можно назвать Второй Дом на проспекте, участники которого, будучи волонтерами, некоторое время совместно разрабатывали активности для летних лагерей⁶³³. Одну из коммун, в которой Мышь жила до «Норм» называли «кинокоммуной» – организация кинопоказов в ней была частью идентичности её жителей. Про наличие «общего дела» мне также говорили бывшие жители Второго Дома на реке, выходцы из которого стали основателями ДОма на синей ветке. К таким делам относили создание мастерских и совместную работу в целом: группы коммунаров совместно делали изделия из кожи, устраивали мастер-классы по массажу, работали в одном из «нефорских» кафе⁶³⁴.

Попытки организовать коммуны – общее дело коснулись также «Норм» и «Завода». Жители первой хотели организовать «эвент-коммуны», где бы общим делом было бы активная организация мероприятий для внешней публики («эвентов»)⁶³⁵, а «Завод» изначально позиционировал себя как сообщество ремесленников⁶³⁶.

Связь прошлого и идентичности коммуны-семьи соотносится с материалами, представленными Э. Старчески. Исследовательница отмечает не только актуальность создания

⁶³² ПДА 2021

ПМА 2021b, 2021d

⁶³³ Там же

ПМА 2025

⁶³⁴ ПМА 2022a

⁶³⁵ ПМА 2024a

⁶³⁶ ПМА 2025

исторического нарратива коммуны-сквота в борьбе против расселения, но и роль дискурса, описывающего сквоты как семьи сквоттеров, которые ни в коем случае нельзя разъединять. В их случае прошлое коммуны-семьи также служило средством сохранения сообщества перед лицом, впрочем, намного более значительной угрозы чем заражение квартиры клопами.

В коммуне-тусовке, представленной, прежде всего, ДОмом на синей ветке, практикуется полный отказ от общего будущего и, одновременно, редукция прошлого, сводимого к ситуативной необходимости. Более важным для её жителей остаётся экспансивное «болото» настоящего.

Выводы

Доминирование темпоральностей, вменяющих коммунам проектное будущее (прежде всего, в рамках префигуративной политики), обуславливает не только нарративы коммунаров о будущем, но и их повседневное циклическое время. Общее будущее, к которому необходимо стремиться, предполагает относительно жёсткую организацию повседневности и её циклов. С этим связано стремление сторонников установления общего проектного будущего к созданию правил, регулирующих поведение коммунаров, которые, в том числе, должны воспроизводить те или иные циклы (типа цикла сменяемости «дежкомов»).

При этом коммунары избегают как регламентации повседневных циклов, так и появления устойчивого проектного будущего. Это достигается как вытеснением сторонников префигуративной политики из коммуны, совмещённым с отбором коммунаров в последующем, так и специфической индивидуализацией их действий, благодаря которой посредством иронии и игнорирования усилия, направленные на определение практик коммуны в целом, принимаются коммунарами, но исключительно в качестве практик отдельного участника сообщества, имеющих значение именно для него.

Отказ от проектного будущего может сопровождаться также отказом от фиксированного прошлого в пользу его ситуативного конструирования, когда письменные синхронные свидетельства игнорируются и вместо этого внимание уделяется исключительно воспоминаниям, поводом для которых служат те или иные обстоятельства в настоящем. Безбудущность и ситуативное прошлое являются частью длительной временности – темпоральности, предполагающей, кроме названных выше черт, принципиальную временность, непостоянство настоящего. В обстоятельствах длительной временности повседневные циклы становятся неустойчивыми, их воспроизводство является частью индивидуальных практик тех коммунаров,

которые считают это важным, а полноценное выполнение тех или иных сложившихся правил или предписаний, направленных на функционирования коммуны целиком, рассматривается как невозможное.

Длительная временность обеспечивает сопричастие в коммуне взаимоисключающих темпоральностей, в частности, цикла воспроизводства рабочей силы и трудовой прекарности. Практики, воспроизводимые в разных формах времени, даже в обстоятельствах конфликта, рассматриваются как временные, за счёт этого коммунары избегают доминирования той или иной темпоральности и практикующей её группы.

Такого рода коммуны, жители которой редуцируют будущее и прошлое в пользу непостоянного настоящего, можно, следуя классификации, предложенной моими информантами, назвать коммуной-тусовкой, для участников которой важно общение, происходящее сейчас.

Ей можно противопоставить коммуны-семьи, связанную с разделением общего прошлого. Как и для коммуны-тусовки для неё оказывается важным общение в настоящем, но к этому добавляется солидарность вокруг того, что коммунары «пережили вместе». Сообщества, построенные вокруг общего прошлого, воспроизводятся даже после распада той или иной коммуны.

Альтернативой коммуне-тусовке также является коммуна – общее дело, для участников которой важны совместные проекты и их планирование (прежде всего, мероприятия в коммуне и за её пределами). Таким образом, к этой классификации также добавляются сообщества, разделяющие общее будущее, в данном случае не в логике префигуративной политики, но в рамках актов совместного творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Петербургские коммуны, существовавшие и существующие в 2010-х – первой половине 2020-х годов, принадлежат к «нефорской» среде, являются частью её инфраструктуры, наряду, например, с «нефорскими» кафе. Они восходят к «Системе» 1980-х годов и связанным с ней практикам коммунизма. В отличие от большинства намеренных сообществ, этнографически и исторически описанных на российском материале, они не являются частью какого-либо идеологического движения.

На сегодняшний день можно говорить о существовании как минимум двух волн коммун в Петербурге: «домов» самый старый из которых был создан в конце 1990-х, и «коммунарского движа», идея которого была заимствована у московских коммунаров и реализована в начале 2020-х.

В противоречии со сложившейся в историографии традицией петербургские коммуны трудно рассматривать как темпорально единые, чья форма времени может быть противопоставлена внешним по отношению к коммуне темпоральностям. В т. ч. темпоральные особенности этих намеренных сообществ нельзя свести к попыткам построения утопического будущего и префигуративной политике. В этом смысле ориентация на реализацию проектного будущего в настоящем не является формой времени, интегрирующей коммунаров и сохраняющей их сообщества. Однако «светлое будущее» не полностью исключено из коммунарской жизни. Можно говорить о борьбе и/или «мирном» сосуществовании различных темпоральностей и их сторонников.

Попытки установления общего для всего сообщества проектного «светлого будущего» в некоторых коммунах предполагали масштабирование по А. Цзин – унификацию практик коммунаров посредством установления единых правил. Это также было связано с неудачным утверждением общих для всей коммуны повседневных вариантов циклического времени и, соответственно, циклических практик. Такого рода интегрирующие жителей коммун устремления потерпели неудачу: их сторонники либо были вытеснены из сообществ, либо оказались в ситуации, когда их притязания на всеобщность стали рассматриваться окружающими как форма полностью индивидуального творчества, не определяющая жизнь сообщества в целом и сосуществующая с другими индивидуальными же практиками коммунаров. Среди прочего коммунары выработали механизмы отбора новых участников коммуны, задачей которого является избегание привнесения проектного будущего в сообщества и связанных с этим

конфликтов. Следствием этого стала и индивидуализация разного рода повседневных циклов, в т. ч. цикла бюджетного планирования или цикла общей закупки. Их взаимная интеграция имеет характер бриколажа, то есть нерегламентированного собрания разнородных элементов, обладающих, тем не менее, внутренними связями и не изолированных друг от друга.

Отказ от ориентации на «светлое будущее» также связан с формированием длительной временности – темпоральности, как правило, атрибутируемой мигрантам и беженцам, в которой редукции подвергается не только общее будущее, но и прошлое, а настоящее становится непостоянным и врёменным.

При этом длительная временность не вытесняет другие темпоральности полностью – она способствует их разнообразию. Включая в себя различные темпоральности труда и отдыха, она создаёт возможность их сосуществования, основанного на отношениях сменяемости. Сменяя друг друга в доминантной позиции темпоральность precarious труда и цикл воспроизводства рабочей силы, по очереди вытесняют друг друга. При этом доминирование той или иной темпоральности воспринимается как врёменное, что и позволяет разным формам времени, будучи взаимоисключающими, не способствовать вытеснению друг друга. Полагаю, стоит говорить о неописанной в историографии форме отношений между темпоральностями – сменяемости, которую можно противопоставить изменению и обмену, выделенных в аналитике темпоральной множественности. Длительная временность является темпоральностью, интегрирующей разнообразие внутри коммуны, в отличие от общего проектного будущего, не предполагающей масштабирования и, тем самым, не унифицирующей это самое разнообразие.

Практики общения также имеют интегрирующее значение для петербургских коммун, именно они часто приводятся как мотив переезда и продолжения жизни в коммуне. Их темпоральный аспект одновременно связан с экспансией и экономией. С одной стороны, коммунары считают общение в коммуне способом сэкономить время на организацию этого общения, а также увеличить разнообразие контрагентов в нём. С другой стороны, время общения вытесняет собой иные формы времени, вступая с ними в отношения изменения.

Темпоральность общения вытесняет цикл воспроизводства рабочей силы, в который также вовлечены участники коммун, наряду с ним вытесняется биографическое время саморазвития – у многих коммунаров не остаётся времени на работу по графику и реализацию биографических планов, поскольку временной ресурс уходит в пользу общения. В этом ключе ресурсное время является темпоральностью, включающей в себя три вышеперечисленных, внутри которого они и вступают в отношения изменения. В результате многие покидают

коммуны, стремясь сохранить свои экономические циклы. Альтернативой уходу является прекаризация и формирование прекарной трудовой темпоральности, вступающей с временем общения в отношения обмена. Некоторые коммунары последовательно развивают отношения изменения и полностью вытесняют цикл воспроизводства рабочей силы в пользу времени общения и хозяйственных циклов коммуны. Таких коммунаров часто называют «домовыми» и воспринимают как конституирующих для того или иного сообщества.

Экономические темпоральности петербургских коммун обладают в пространственном смысле внешним источником, связанным с работой или оплатой аренды, однако они существенно определяют жизнь внутри коммуны и, таким образом, интериоризируются.

Темпоральные множественности петербургских коммун, представляющие собой совокупности форм времени, вступающие друг с другом в отношения, организуются вокруг ядра этих отношений, что также связано с их взаимной интеграцией. Ядро отношений между темпоральностями внутри сообщества образуют время общения, арендный и бюджетный циклы коммуны. От существования этих темпоральностей зависит существование коммуны в целом. Воспроизводством этого ядра занимаются люди, называемые «домовыми».

В этом ключе можно утверждать, что материалы петербургских коммун позволяют дополнить существующее в историографии понимание темпоральной множественности. Темпоральная множественность не просто предполагает существование бесконечной сети отношений между темпоральностями, но она также может обладать ядром этих самых отношений. Вокруг этих ядер и образуются отдельные темпоральные множественности, в качестве которых можно рассматривать и коммуны.

С арендным циклом связаны также отношения товарной и нетоварной форм времени в коммунах. Аренда квартиры, в которой располагается коммуна, с одной стороны, приводит к чёткому разделению прошлого, настоящего и будущего в ней, поскольку именно так в логике товара, меняющего своего хозяина, разделяются прошлый, нынешний и будущий арендатор / житель коммуны. С другой стороны, товарная темпоральность находится в особом варианте отношений изменения с темпоральностью присутствия. В рамках темпоральности присутствия участник сообщества никогда не становится бывшим участником в полной мере, он остаётся представлен в коммуне посредством своих вещей, которые нельзя отдать, продать или выбросить, друзей и приятелей, готовых принять его в гости или лоббировать его возвращение на собраниях, денежных залогов, внесённых в «общак» коммуны. Таким образом, бывший коммунары вступает в отношения, которые М. Стратерн называет киборгом, подразумевающие,

что один агент действует через другого как представителя. Это позволяет предложить темпоральную интерпретацию концепции киборга – киборг является средством стирания разницы между прошлым, настоящим и будущим для вовлечённого в него агента.

Товарная темпоральность и темпоральность присутствия находятся в отношениях изменения, отличающихся от тех, что описаны Н. В. Ссориным-Чайковым. Та или иная темпоральность здесь также доминируют над другой, однако жители коммуны могут превращать одну темпоральность из доминирующей в вытесняемую и наоборот, когда посчитают доминирование темпоральности присутствия слишком долгим или посчитают, что бывший житель коммуны злоупотребляет своим влиянием. Его вовлекут в товарную темпоральность и объявят бывшим окончательно. Таким образом, если темпоральность присутствия способствует интеграция сообщества и его участников, позволяя коммунарам не утрачивать уходящую в прошлое связь с коммуной, то товарная темпоральность наоборот имеет дезинтегрирующую роль, предполагающую принципиальное отчуждение тех или иных участников сообщества.

Обобщая формы темпоральной множественности, которые представляют собой коммуны, можно использовать классификацию, предлагаемую некоторыми коммунарами. Она позволяет обнаружить темпоральные элементы, вокруг которых складываются коммунарские сообщества.

Коммуна-тусовка ориентирована на настоящее. Неопределённость, представленная длительной временностью, предполагает отсутствие фиксированного прошлого и единого будущего, а также принципиальную неустойчивость настоящего. Концентрация на неустойчивом настоящем и определяет этот тип коммун – ориентированных на совместность, которая имеет место сейчас.

Такая роль настоящего отличает коммуно-тусовку от коммуны-семьи и коммуны – общего дела.

Коммуна-семья интегрируется вокруг общего прошлого – того, что было «пережито» вместе, благодаря чему сообщество может сохраняться даже после потери общего жилища, то есть, распада коммуны.

Коммуна – общее дело, к которой некоторые информанты также применяют метафору «артели», строится вокруг совместных проектов, создающих общее будущее коммунаров, имеющее, однако, неутопический характер.

Таким образом, в одной сети связанных между собой, но не объединённых единой идеологией (или идеологиями) коммун обнаруживается целый ряд разных образов жизни,

обусловленных разнообразием темпоральностей, а точнее темпоральных множественностей, формирующихся в том или иной намеренном сообществе.

В противовес ситуации префигуративной политики, проживаемого утопизма и т. п. темпоральности, интегрирующие петербургские коммуны как сообщества не подвергают практики коммунаров унификации. Они способствуют как разнообразию самих темпоральностей, так и разнообразию практик вообще, поскольку те не включаются в процессы масштабирования. Таким образом, несмотря на взаимную интеграцию, деятельность коммунаров в сообществе остаётся, как это традиционно отмечается для «нефоров», индивидуалистичной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2019. - № 3 (51). – С. 30–38.
2. Агарин, Е. В. Коммунитарное движение в России (1901-1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (53). – Ч. I. – С. 13–21.
3. Агарин, Е. В. Трудами рук своих: толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России. М.: Common place, 2019. – 366 с.
4. Андреева, Ю. О. Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные образы родовых поселений и «воплощение мечты» // Антропологический форум. – 2012. – № 17. – С. 101–128.
5. Андреева, Ю. О. Модели сельской жизни в российских экопоселениях // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 52–69.
6. Андреева, Ю. О. «Новый мир» на краю деревни: родовые поместья и соседи // Вестник антропологии. – 2022. – № 1. – С. 104–116.
7. Андреева, Ю. О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии Нью-Эйдж в современной России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 // Андреева Юлия Андреевна. – СПб., 2017. – 278 с.
8. Артог, Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. – 2007. – №83. – С. 22-35.
9. Артог, Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. – 2008. – №3. – С. 19-38.
10. Бауман, З. От паломника к туристу // Социологический журнал – 1995. – № 4. – С. 133–154.
11. Бауман, З. Текущая современность. СПб.: Питер Пресс, 2008. – 239 с.
12. Бей, Х. Автономные зоны: временные и постоянные. М.: Chaoss/Press, 2020. – 347 с.
13. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
14. Белоусов, А. В. Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «саdistских стихов» // Лотмановский сборник. – 1995. – Вып. 1. – С. 681–691.
15. Бергсон, А. Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна). СПб.: ACADEMIA, 1923. – 154 с.
16. Берлявский, Л. Г., Бондарев, В. А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920–1930-х годов: организация, функционирование, взаимоотношения с властью // Новая и новейшая история. – 2021. – № 6. – С. 65–79.

17. Бессонов, И. А. Календарные праздники современных экопоселениях (на материале субкультуры «анастасиевцев») // Славянская традиционная культура и современный мир. – Вып. 14. – 2011. – С. 396–406.
18. Бредникова, О. Е. Дом для номады // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2010. – №3. – С. 72–95.
19. Бредникова, О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // *Журнал исследований социальной политики*. – 2020. – №18(4). – С. 705–720.
20. Бредникова, О. Е. Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2023. – № 26(1). – С. 118–142.
21. Бурдьё, П. Биографическая иллюзия // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. – 2002. – № 1. – С. 75-81.
22. Бурдьё, П. *Практический смысл*. М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 2001. – 562 с.
23. Веселкова, Н. В., Вандышев, М. Н., Прямикова, Е. В. Продолженное настоящее: капсулы времени как социальная практика и метод исследования // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2023. – Вып. 15. – №.1. – Р. 4–32.
24. Гордеева, И. А. *Забытые люди. История российского коммунитарного движения*. М.: Common place, 2017. – 280 с.
25. Гордеева, И. А. Тайны двух «Альтернатив»: неисследованные страницы истории самиздата советских хиппи конца 1970-х – начала 1980-х гг. // *Книга. Чтение. Медиасреда*. – 2024. – Т. 2. – № 4. – С. 278–288.
26. Гордеева, И. А. Театрализация повседневной жизни в культурном андеграунде позднего советского времени // *Kultūras studijas. Zinātnisko rakstu krājums*. – 2018. – Vol. 10. – Р. 52-60.
27. Гофман, Э. *Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы, 2017. – 381 с.
28. Данилова, Е. Н. Установка на создание образцовых хозяйств в доколхозной деревне и эксперименты по её реализации // *Экономическая история. Ежегодник. 2010*. / под ред. Л. И. Бородкина, Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 298–316.
29. Демидова, Ю. А. Модели социальной интеграции на примере анастасийских экопоселений «Славное» и «Ковчег» // *Социодинамика*. – 2018. – № 5. – С. 1–7.
30. Демидова, Ю. А. Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной России // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2020. – № 5. – С. 26–41.

31. Димке, Д. В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018. – 287 с.
32. Долгих, Д. А. Из города в деревню: экопоселения в контексте социального взаимодействия «местных» и «пришлых» // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Вып. 1 / под ред. А. А. Плеханова, Н. А. Лапкиной. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 38-48.
33. Егоров, Б. Ф. Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. – 416 с.
34. Задорин, И. В., Мальцева, Д. В., Хомякова, А. П., Шубина, Л. В. Альтернативные сельские поселения: стихийная внутренняя эмиграция или осозанный трансфер в будущее // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 2. – С. 64–77.
35. Здравомыслова, Е. А. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. – 2009. - №100. – С. 660-676.
36. Колесникова, Е. Ю., Мальцева, Д. В., Халкина, Е. В., Хомякова, А. П., Шубина, Л. В. Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения: итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования (версия от 27.11.12). М.: Исследовательская группа ЦИРКОН, АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2012. – 113 с.
37. Калашникова, А. Л. Наследие кузбасских коммунаров в контексте современного исследования творчества Л. Н. Толстого // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 114–121.
38. Калашникова, А. Л. Наследие сибирской коммуны последователей учения Л. Н. Толстого в региональной культурной системе // Вестник КемГУКИ. – 2013. – № 23 – С. 52–58.
39. Карасёва, А. И., Момзикова, М. П. Часовые пояса и синхронные телекоммуникации: незаметная работа по темпоральной организации у горожан Дальнего Востока России // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 42–61.
40. Крыков, Е. А. Анархия-в-деревне: переосмысление «сельского» как нового либертарного устройства обществ // Вестник антропологии. – 2024. – № 2. – С. 67–85.
41. Кулясов, И. П. Инициативы создания экопоселений на Северо-Западной Кавказе и Горном Алтае // Он же Экологические экопоселения. Екатеринбург: Riddero, 2016. С. 7-31.
42. Лебина, Н. Б. Советский дом-коммуна: границы тела // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2012. – № 23. – С. 133–151.
43. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. – 384 с.
44. Литвинцев, Д. Б. Жилищная прекарность: факторы, дискурсы и зарубежный опыт измерения // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Том 22. – № 3. – С. 553-566.

45. Ло, Дж. Объекты и пространство // Социология власти. – 2006. – Том 2. - №1. – С. 30-42.
46. Любимова, Г. В. «Сад как рай». Практики сакрализации пространства новых религиозных движений Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 3(37) – С. 345-356.
47. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – v, 794 с.
48. Мелешко, Е. Д. Хозяйственная этика толстовства. Толстовские земледельческие коммуны // Она же Христианская этика Л. Н. Толстого. – М.: Наука, 2006. С. 281–294.
49. Николашин, В.П., Рубан, Н.Б., Юхачев, С. П. Развитие взаимоотношений «образцовых коммун» и крестьянства на примере коммуны «Ира» (имени В.И. Ленина) Тамбовской губернии в 1920-е гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29. – № 5. – С. 1471-1481.
50. Ожиганова, А. А. Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – №2(33). – С. 262– 286.
51. Ожиганова, А. А. Конструирование традиции в неоязыческой общине «Правоведи» // Colloquium heptaplomeres. – 2015. – Т. 2. – С 30-39.
52. Октябрьская, И. В., Чиркина, Е. М. Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 726–730.
53. Октябрьская, И. В., Чиркина, Е. М. Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2020. – Т. XXVI. – С. 795-799.
54. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
55. Панаэтов, О. Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 46– 52.
56. Панченко, А. А. Оккультизм и коммунистическая мораль: новые религиозные движения, советское прошлое и концепция метанарратива // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13: Традиционная культура современного города, Государственный республиканский центр русского фольклора. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 287-318.
57. Панченко, А. А. Утопия «Последнего завета» // Отечественные записки. – 2003. – № 3(12). – С. 317-320.

58. Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России. Ульяновск : УлГТУ, 2008. – 124 с.
59. Позаненко, А. А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 129–153.
60. Позаненко, А. А. Два вида изолированных локальных сообществ как старые и новые тённисовские общности в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 20(3). – С. 161–178.
61. Позаненко, А. А. Факторы, определяющие успешность поселения родовых поместий // ЭКО. – 2020. – № 2. – С. 143-157.
62. Позаненко, А. А. Два учения, два уклада: анастасийские и рериховские переселенцы в сельской местности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 64. – С. 164-171.
63. Польский, И. В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России» // Труды русской антропологической школы – 2013. – Т. 12. – С. 136–155.
64. Редькина, О. Ю. Толстовцы Нижней Волги в 1917-м – 1930-х годах // Стрежень: научный ежегодник. – 2004. – Вып. 4. – С. 315–325.
65. Романов, В. В., Николашин, В. П. Американские иммигрантские коммуны Кирсановского уезда Тамбовской губернии 1920-х – 1930-х гг.: основные источники и особенности изучения // Вестник архивиста. – 2024. – № 4. – С. 1070–1082.
66. Рожков, А. Ю. Студенческие коммуны // Он же В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 289-312.
67. Рубан, Н. Б. История становления и развития Ирской коммуны (по документам Государственного архива Тамбовской области) // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. науч. тр. по материалам конференции / под ред. А. В. Лапаевой, Н. С. Ельцова, О. В. Моисеевой. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024. С. 74–80.
68. Селезнёв, А. Г., Селезнёва, И. А. Идейные и ландшафтные основы организации экопоселений (по материалам полевых этнографических работ в Омской области в 2019 году) [Текст] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 736-742.
69. Селезнёв, А. Г. Полевое этнографическое изучение экопоселений: кейс поселения Азь Градь Омской области // Проблемы, археологии, этнографии и сопредельных территорий. – 2021. – Т. XXVII. – С. 933-939.

70. Соколовский, С. В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // Сибирские исторические исследования – 2022. – № 2. – С. 6–26.
71. Ссорин-Чайков, Н. В. Антропология времени: очерк истории и современности // Этнографическое обозрение. – 2021. – №6. – С. 83–103.
72. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
73. Супоницкая, И.М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. – № 9. – С. 46-59.
74. Трѣхбратов, Б. А. Кубанская интеллигенция в поисках идеальных форм жизни и быта (конец XIX – начало XX вв.) // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 1(56). – С. 38–45.
75. Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие коммуны в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты): дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 // Фатющенко Андрей Валентинович. – М., 2007. – 187 с.
76. Филькина, А. В. Новорелигиозные общины в Сибири и контекст их изучения. Томск: Томское ЦНТИ, 2012. – 161 с.
77. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
78. Хан, Б.- Ч. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания. М.: Изд-во АСТ, 2023. – 192 с.
79. Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000 / под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–377.
80. Хиллиг, Г. «Войо-Нова» в Крыму – забытая сельхозкоммуна (кибуц). Марбург: Марбургский университет, 2005. – 188 с.
81. Шубин, А. В. Альтернативные общины: экзотика или дорога в будущее // Бюллетень Московского ИСАР. – 1998. – С. 8–16.
82. Щепанская, Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2006. – 282 с.
83. Andreeva, J. The Meanings of Family Homstead in the Anastasia Movement: the Cases of Russia and Lithuania // Humanitāro zinātņu vēstnesis. – 2010. – No. 18. – P. 94–107.
84. Andreeva, J. “Fairyland”: Kin’s Domain as a Place of Utopia and Experiment // Russian Peasants Studies. – 2023 – Vol. 8 – No 4. – С. 121–136.
85. Andreeva, J. Traditions and the Imagined Past in Russian Anastasian Intentional Communities // Journal of Ethnology and Folkloristics. – 2021. – No. 15 (2). – P. 25–42.
86. Azozomox, Kuhn, A. The Cycles of Squatting in Berlin (1969–2016) // The Urban Politics of Squotters’ Movements / ed. by M. A. Martínez López. N. Y.: Springer, 2018. P. 145–164.

87. Bear, L. For Labour: Ajeet's Accident and the Ethics of Technological Fixes in Time // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2014. – No. 20. – P. 71–88.
88. Bear, L. Time as Technique // *Annual Review of Anthropology*. – 2016. – Vol. 45. – No. 1. – P. 487–502.
89. Bergan, T. L., Gorman-Murray, A., Power, E. R. Coliving Housing: Home Cultures of Precarity for the New Creative Class. *Social & Cultural Geography*. – 2021. – Vol. 22. – No. 9. – P. 1204–1222.
90. Biao, X. The Making of Mobile Subjects: How Migration and Institutional Reform Intersect in Northeast China // *Dialogue*. – 2007. – No. 50(4). – P. 69–74.
91. Boggs, C. Marxism, Prefigurative Communism and the Problem of Workers' Control // *Radical America*. – 1977. – Vol. 6. – No. 4. – P. 99–122.
92. Boggs, C. Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power // *Theory and Society*. – 1977. – Vol. 4. – No. 3. – P. 359–393.
93. Brown, S. L. Introduction // *Intentional Community: An Anthropological Perspective*. – N. Y.: SUNY Press, 2002. P. 1–17.
94. Cermeño, H. Bretfeld, N., Bernhardt, F. Knowledge Practices Within and Beyond Sharing and Commoning Urban Initiatives [Electronic resource] // *Frontiers in Sustainable Cities* – 2022. – Vol. 4. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frsc.2022.767365/full>.
95. Clynes, M. E. Cyborgs and space // *Astronautics*. – 2007. – Sept. – P. 6–27, 74–77.
96. Criado, T. S., Estalella, A. Experimental Collaborations: Introduction // *Experimental Collaborations: Ethnography through Fieldwork Devices*. N. Y., Oxford: Berghahn Books 2018. – P. 1-30.
97. Crumley, C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Archaeological Papers of the American Anthropological Association*. – 1995. – Vol. 6. – No. 1. – P. 1-6.
98. Dee, E. T. C. Squatted Social Centers in London: Temporary Nodes of Resistance to Capitalism // *Contention*. – 2016. – No. 4(1–2). – P. 109–127.
99. Fabian, J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N. Y.: Columbia University Press, 1983. – xvi, 205 p.
100. Fürst, J. “We All Live in a Yellow Submarine”: Dropping Out in a Leningrad Commune // *Dropping out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc*. Lanham, Boulder, N. Y., London: Lexington Books, 2017. P. 179–206.
101. Gordeeva, I. Tolstoyism in the Late-Socialist Cultural Underground: Soviet Youth in Search of Religion, Individual Autonomy and Nonviolence in the 1970s - 1980s // *Open Theology*. – 2017. – No. 3. – 494–515.
102. Graeber, D. *The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement*. N. Y.: Spiegel and Grau, 2013. – 352 p.
103. Graeber, D. *Direct Action: An Ethnography*. Oakland, Edinburg: AK Press, 2009. – xix, 560 p.

104. Gregory, C. A. *Gifts and commodities*. Chicago: HAU books, 2015. – xiii, 271 p.
105. Greenhouse, C. *A Moment's Notice: Time Politics Across Cultures*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996. 334 p.
106. Guyer, J. *Prophecy and the Near Future: Thoughts on Macroeconomic, Evangelical, and Punctuated Time* // *American Ethnologist*. – 2007. – Vol. 34. – No. 3. – P. 409–421.
107. Hartog, F. *Regimes of Historicity. Presentism and Experiences of Time*. N. Y.: Columbia University Press, 2015. – 260 p.
108. Heinonen, A. *Commitments beyond Coupledness: Negotiating Relational Futures in Finnish Small-Scale Communes* // *Time & Society*. – 2024. – Vol. 33. – No. 2. – P. 149-169.
109. Holmes, D. R., Marcus, G. E. *Collaboration Today and the Re-Imagination of the Classic Scene of Fieldwork Encounter* // *Collaborative Anthropologies*. – 2008. – Vol. 1. – P. 81-101.
110. Holloway, J. *Crack Capitalism*. London: Pluto Press, 2010. – 305 p.
111. Huang, S. «Times» and Images of Others in an Amis Village, Taiwan // *Time & Society*. – 2004. – Vol. 13. – No. 2/3. – P. 321–337.
112. Jarvis, H. *Saving Space, Sharing Time: Integrated Infrastructures of Daily Life in Cohousing* // *Environment and Planning A*. – 2011. – No. 43(3). – P. 560-577.
113. Kadir, N. *The Autonomous Life? Paradoxes of Hierarchy, Authority, and Urban Identity in the Amsterdam Squatters Movement*. Manchester: Manchester University Press, 2016. – 232 p.
114. Kanter, R. *Commitment and Community: Communes and Utopias in Sociological Perspective*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1972. – 303 p.
115. Kern, L. *Rhythms of Gentrification: Eventfulness and Slow Violence in a Happening Neighbourhood* // *Cultural Geographies*. – 2016. – Vol. 23. – No. 3. – P. 441–457.
116. Kulasova, A., Pchelkina, S., Tysiachniouk, M. *Building Sustainable Communities in Russia: Nevo Ecoville Case Study* // *Proceedings – Review Environmental Interdisciplinary*. – 1999. – No. 2. – Vol. 1. – P. 59–66.
117. Kuper, A. *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. London, Cambridge: Harvard University Press, 1994. – 296 p.
118. Kuhlmann, H. *The Illusion of Permanence: Work Motivation and Membership Turnover at Twin Oaks Community* // *The Philosophy of Utopia* / ed. by B. Goodwin. London: Routledge, 2001. P. 157-171.
119. Lockyer, J. *Sustainability and Utopianism: an Ethnography of Cultural Critique in Contemporary Intentional Communities: PhD-thesis* / Joshua Peter Lockyer. – Athens, 2007. – 429 p.
120. Luhmann, N. *The Future Cannot Begin: Temporal Structures in Modern Society* // *Social Research*. – 1976. – Vol. 43. – No. 1. – P. 130-152.

121. Manzella, J. *Common Purse, Uncommon Future: The Long, Strange Trip of Communes and Other Intentional Communities*. Santa Barbara, Denver, Oxford: Praeger, 2010. – 203 p.
122. Marcus, G. E. *Collaboration Mode 3: A Found Condition of Anthropological Field Research Today ... and What Might Be Made of It // Experimental Collaborations: Ethnography through Fieldwork Devices*. N. Y., Oxford: Berghahn Books, 2018. P. xi-xvi.
123. McArdle, R. ‘Squat City’: Dublin’s Temporary Autonomous Zone. *Considering the Temporality of Autonomous Geographies // City*. – 2022. – No. 26(4). – P. 630–645.
124. Metcalf, W. *The Findhorn Book of Community Living*. Forres: Findhorn Press, 2004. – 129 p.
125. Miller, T. *The Quest of Utopia in Twentieth Century America*. In 2 vol. Vol. I. 1900-1960. Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 1998. – xx, 275 p.
126. Milligan, R. *Cracking Buildings, Cracking Capitalism: Antagonism, Affect, and the Importance of Squatting for Housing Justice // City*. – 2023. – No. 27. – P. 413-432.
127. Munn, N. *The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay // Annual Review of Anthropology*. – 1992. – No. 21. – P. 93–123.
128. Munn, N. *Gawan Kula: Spatiotemporal Control and the Symbolism of Influence // The Kula: New Perspectives on Massim Exchange / eds. by J. W. Leach and E. Leach*. Cambridge, London, N. Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1983. P. 277-308.
129. Muri, A. *The Enlightenment Cyborg: a History of Communications and Control in the Human Machine, 1660–1830*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2007. ix, 308 p.
130. Nippert-Eng, C. *Home and Work: Negotiating Boundaries through Everyday Life* Chicago, London: The University of Chicago Press, 2008. – 343 p.
131. Okely, J. *Anthropological Practice Fieldwork and the Ethnographic Method*. London, N. Y.: Routledge, 2012. – 212 p.
132. Pedersen, M., Nielsen M. *Trans-temporal Hinges. Reflections on a Comparative Ethnographic Study of Chinese Infrastructural Projects in Mozambique and Mongolia // Social Analysis*. – 2013. – Vol. 57. – No. 1. – P. 122–142.
133. Pitzer, D. E. *Developmental Communalism: An Alternative Approach to Communal Studies // Utopian Thought and Communal Experience / eds. by D. Hardy and L. Davidson*. London: Middlesex Polytechnic School of Geography and Planning, 1989. P. 68–76.
134. Ramsay, G. *Time and the Other in Crisis: How Anthropology Makes its Displaced Object // Anthropological theory*. – 2019. – No. 20(4). – P. 385–413.
135. Ringel, F. *Back to the Postindustrial Future: An Ethnography of Germany’s Fastest-Shrinking City*. Oxford: Berghahn Books, 2018. – 238 p.

136. Sargent, M. *Utopianism: a Very Short Introduction* [Text] / M. Sargent. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2010. – 160 p.
137. Sargisson, L. *Second-Wave Cohousing: A Modern Utopia?* // *Utopian Studies*. – 2012. – Vol. 23. – No. 1. – P. 28-56.
138. Sargisson, L. Sargent, M. *Lived Utopianism: Everyday Life and Intentional Communities // Communal Societies*. – 2017. – No. 1. – P. 1–24.
139. Shenker, B. *Intentional Communities: Ideology and Alienation in Communal Societies*. London: Routledge, 1986. – 296 p.
140. Ssorin-Chaikov, N. *Sociopolitics // Reviews in Anthropology*. – 2015. – No. 1 (44). – P. 5–27.
141. Ssorin-Chaikov, N. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Chicago University Press, HAU Books, 2017. – 153 p.
142. Starecheski, A. *Ours to Lost: When Squatters Became Homeowners in New York Cities*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2016. – 318 p.
143. Starecheski, A. *Squatters Make History in New York: Property, History, and Collective Claims on the City // American Ethnologist*. – 2019. – No. 46(1). – P. 61-74.
144. Starecheski, A. *Squatting History: The Power of Oral History as a History-Making Practice // The Oral History Review*. – 2014. – Vol. 41. – No. 2. – P. 187-216.
145. Stein, F. *Work, Sleep, Repeat: The Abstract Labour of German Management Consultants*. London: Bloomsbury Publishing, 2017. 248 p.
146. Stites, R. *Communes in the Town // Ibid. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 213–219.
147. Strathern M. *After nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. Cambridge, N.Y., Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press 1992. – 240 p.
148. Strathern, M. *Cutting the Network // The Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1996. – Vol. 2. – No. 3. – P. 517-535.
149. Strathern M. *Environments within: An Ethnographic Commentary on Scale // Ibid. Learning to see in Melanesia: Four lectures given in the Department of Social Anthropology, Cambridge University, 1993–2008 / ed. by G. da Col. Manchester: HAU Society for Ethnographic Theory, 2013. P. 208-239.*
150. Strathern, M. *One Man and Many man // Big Men and Great Men: Personifications of Power in Melanesia / Eds. M. Godelier and M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 197-214.*
151. Strathern, M. *Partial Connections*. Walnut Creek, Lanham, New York, Toronto, Oxford: Altamira Press, 2004. – xxv, 149 p.

152. Strathern, M. *Property, Substance and Effect: Anthropological Essays on Persons and Things*. London, New Brunswick: HAU Books, 2022. – xxxviii, 320 p.
153. Sue, S. *Body and Soul: A History of Cyborg Theory // Ibid Cyborg Cinema and Contemporary Subjectivity*. N. Y., London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 34–54.
154. Ssorin-Chaikov N. *Sociopolitics // Reviews in Anthropology*. –2015. – No. 1(44). – P. 5–27.
155. Tuckman, B.W. *Developmental Sequence in Small Groups // Psychological Bulletin*. – 1965. – Т. 63. – № 6. – P. 384–399.
156. Tsing, A. *On Nonscalability: The Living World Is Not Amenable to Precision-Nested Scales // Common Knowledge*. – 2012. – Vol. 18. – No. 3. – P. 505-524.
157. Tysiachniouk M., Kotilainen J. *Intentional Communities Finding Space Amid Geopolitical Turmoil: Belbek Valley Case Study // Sustainability*. – 2022. – No. 14. – P. 1–28.
158. Urbańczyk, J. *Last Testament Church — the Power of Unanimity // Сибирский сборник. Вып. 4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / под ред. В. Н. Давыдова, Д. В. Арзютова. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 293-304.*
159. Wagner R. *The Fractal Person // Big Men and Great Men: Personifications of Power in Melanesia / Eds. by M. Godelier and M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 159–174.*
160. Weiner, A. *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While-Giving*. Berkeley, Los Angeles, Oxford: Oxford University Press, 2001. – xiii, 232 p.
161. Willimott, A. *‘How do you live?’: experiments in revolutionary living after 1917 // The Journal of Architecture*. – 2017. – No. 3 – P. 437-457.
162. Willimott, A. *Living the Revolution: Urban Communes & Soviet Socialism, 1917–1932*. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2017. – viii, 203 p.

СПИСОК ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ АВТОРА

ПДА 2021a – записи наблюдений, сделанных в рамках верандной этнографии, а также записанные по памяти беседы в Первом Доме на линии

ПДА 2021b – записи наблюдений, сделанных в рамках верандной этнографии, а также записанные по памяти беседы Втором Доме на проспекте

ПДА 2021c – записи наблюдений, сделанных в рамках верандной этнографии, а также записанные по памяти беседы в Доме на синей ветке

ПДА 2021d – записи наблюдений, сделанных в рамках верандной этнографии, а также записанные по памяти беседы в коммуне «Ненатуральное число»

ПДА 2021e – записи наблюдений, сделанных в рамках верандной этнографии, а также записанные по памяти беседы в коммуне Первом Доме на проспекте

ПДА 2022 – записи наблюдений, сделанные в рамках включённого наблюдения в Доме на синей ветке, а также записанные там же по памяти беседы

ПДА 2023 – записи наблюдений, а также записи бесед по памяти, сделанные в ходе гостевого посещения Дома на синей ветке, а также «нефорских» кафе

ПДА 2024a – записи наблюдений, а также записи бесед по памяти, сделанные в рамках верандной этнографии в коммунах «Не то» и «Облака»

ПДА 2024b – записи наблюдений, записи бесед по памяти и фотографии сделанные в ходе гостевого посещения Дома на синей ветке

ПДА 2024c – записи наблюдений, а также записи бесед по памяти, сделанные в ходе включённого наблюдения в коммуне «Норм»

ПДА 2024d – записи наблюдений, а также записи бесед по памяти, сделанные в ходе включённого наблюдения в Доме на севере

ПДА 2025 – записи наблюдений, а также записи бесед по памяти, сделанные в ходе включённого наблюдения в коммуне «Норм»

ПМА 2021a – интервью, собранные в Первом Доме на линии

ПМА 2021b – интервью, собранные во Втором Доме на проспекте

ПМА 2021c – интервью, собранные Доме на синей ветке

ПМА 2021d – интервью, собранные в коммуне «Ненатуральное число»

ПМА 2022a – интервью, собранные в ДОме на синей ветке, фотографии, сделанные в период проживания в нём, интервью с его бывшими жителями, их посты в социальных сетях, а также текст «Договорённостей» в трёх редакциях

ПМА 2022b – интервью, посвящённые к тому моменту распавшимся Первому Дому на реке, Второму Дому на реке

ПМА 2023 – интервью, взятые у бывших жителей ДОма на синей ветке, переписка с ними

ПМА 2024a – интервью-экскурсии, собранные на первой квартире коммуны «Норм», сделанные в ней же фотографии

ПМА 2024b – интервью, собранные в Доме на севере, в коммунах «Не то» и «Древо»

ПМА 2025 – интервью-экскурсии, собранные на второй квартире коммуны «Норм», сделанные в ней же фотографии. Биографические интервью с коммунарами «Норм», их посты в социальных сетях. Интервью с жителями «Древа»

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1 – роспись стены на кухне ДОма на синей ветке

Рис. 2 – роспись на внутренней стороне двери гостиной ДОма на синей ветке

Рис. 3 – роспись одной из стен в коридоре ДОма на синей ветке

Рис. 4 – роспись одной из стен коридора ДОма на синей ветке

Рис. 5 – меловая роспись одной из стен гостиной ДОма на синей ветке

Рис. 6 – роспись на внешней стороне двери одной из комнат ДОма на синей ветке

Рис. 7 – роспись на внутренней стороне двери одного из санузлов ДОма на синей ветке

Рис. 8 – роспись одной из стен в коридоре ДОма на синей ветке

Рис. 9 – «второй этаж» в одной из комнат ДОма на синей ветке

Рис. 10 – «второй этаж» в одной из комнат ДОма на синей ветке

Рис. 11 – «второй этаж» в одной из комнат ДОма на синей ветке

Рис. 12 – надпись на внешней стороне внутренней входной двери в коммуне «Облака», обращённая к условным «нормисам»

Рис. 13 – «фримаркет» в зале ДОма на синей ветке

Рис. 14 – «фримаркет» («фрипрайссеконд») в первой квартире коммуны «Норм»

Рис. 15 – стеллаж на кухне ДОма на синей ветке, используемый для хранения яиц и овощей из «общей закупки»

Рис. 16 – полки на кухне ДОма на синей ветке, используемые для хранения специй из «общей закупки»

Рис. 17 – турка, помеченная биркой с эмблемой «Ъ», обозначающей принадлежность одной из жительниц ДОма на синей ветке

Рис. 18 – сковорода с жаренной картошкой, помеченная биркой с семью перпендикулярно перекрещёнными линиями (эмблема одного из жителей ДОма) и дополнительной биркой с надписью «NOT FREE!», обозначающей, что эта еда не предназначена для угощения всех

Рис. 19 – гостиная ДОма на синей ветке

Рис. 20 – кухня ДОма на синей ветке

Рис. 21 – одна из надписей на двери комнаты Деда

Рис. 22 – одна из надписей на двери комнаты Деда

Рис. 23 – ватман, вывешенный Дедом над своими вещами, выставленными у его двери вместо «фримаркета»

Рис. 24 – колонка, собранная и декорированная Питом ко дню рождения Деда

Рис. 25 – обеденный стол, стоящий в гостиной ДОма на синей ветке

Рис. 26 – куртки, оставленные и оставлявшиеся жителями ДОма на синей ветке в его коридоре в разные периоды существования коммуны

Рис. 27 – одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 28 – одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 29 – одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 30 – одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 31 – одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 32 – одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 33 – письмо, оставленное одной из гостей «Норм» на первой квартире коммуны

Рис. 34 – письмо, оставленное одним из гостей «Норм» на второй квартире коммуны

Рис. 35 – письмо, оставленное гостями «Норм» на второй квартире коммуны

Рис. 36 – некоторые меловые граффити на стене комнаты Мыши и Рината в первой квартире коммуны «Норм»

Рис. 37 – ёмкости и сколоченные Питом ящики для отдельного сбора мусора в ДОме на синей ветке с лежащим на них «коммунальным котом»

Рис. 38 – наклейка, оставленная «вегетарианцами» в ДОме на синей ветке (в овале)

Рис. 39 – граффити, созданное «оккультистами», позже частично забеленное

Рис. 40 – граффити с эмблемами богов из «Warhammer»

Рис. 41 – таблица «закупки на общак», составленная и вывешенная Лукой

Рис. 42 – одно из предписаний Луки, вывешенных в коридоре второй квартиры «Норм»

Рис. 43 – одно из предписаний Луки, вывешенных над кухонной раковиной в первой квартире «Норм»

Рис. 44 – одно из предписаний Луки, наклеенное на внутренней входной двери во второй квартире «Норм»

Рис. 45 – одно из предписаний Луки, наклеенное на внутренней входной двери в первой квартире «Норм»

Рис. 46 – отделы пенала, подписанные Лукой на кухне первой квартиры «Норм»

Рис. 47 – отделы пенала, подписанные Лукой на кухне второй квартиры «Норм»

Рис. 48 – отделы кухонной тумбы, подписанные Лукой на кухне второй квартиры «Норм»

Рис. 49 – ироническое предписание, вывешенное Шаманом на двери одной из комнат второй квартиры «Норм»

Рис. 50 – подписанные Мышью графины «Лёха» и «Тоха» в коммуне «Норм»

Рис. 51 – «Правила мытой посуды», вывешенные над кухонной раковиной во второй квартире «Норм»

Рис. 52 – «Правила для вписчиков», вывешенные на кухне во второй квартире «Норм»

Рис. 53 – объявление, наклеенное поверх стиральной машины в одном из санузлов ДОма на синей ветке

Рис. 54 – объявление, вывешенное на кухне ДОма на синей ветке, сторонниками отдельного сбора мусора над предназначенными для этого ящиками

Рис. 55 – объявление, наклеенное на розетку в одном из санузлов ДОма

Рис. 56 – надпись на внутренней стороне двери, ведущей к душевой кабине в одном из санузлов ДОма

Рис. 57 – надпись на внешней стороне двери, ведущей в курилку, в ДОме на синей ветке

Рис. 58 – объявления на кухне ДОма на синей ветке, расположенные над ящиками, предназначенным для отдельного сбора мусора

Рис. 59 – план Дома для обозначения выполненных обязательств по дежурствам, загороженный стремянкой

Рис. 60 – «коммунарский дизайн» одной из полок в гостиной второй квартиры «Норм»

Рис. 61 – гирляндное освещение в гостиной второй квартиры «Норм»

Рис. 62 – гирляндное освещение в коридоре второй квартиры «Норм»

Рис. 63 – «нафриганенная» картина на двери комнаты, в которой жил Лука на первой квартире «Норм», в нижнем левом углу подписанная Мышью «Лука, 1876 г.»

Рис. 64 – «нафриганенные» картины на двери комнаты, в которой жил Шаман на первой квартире «Норм».

Рис. 65 – один из коллажей Мыши, вывешенный на кухне второй квартиры «Норм»

Рис. 66 – один из коллажей Мыши, вывешенный на зеркале в гостиной второй квартиры «Норм»

Рис. 67 – один из коллажей Мыши, вывешенный на кухне второй квартиры «Норм»

Рис. 68 – скульптура, созданная одной из жительниц «Фонаря», расположенная в гостиной второй квартиры «Норм»

Приложения**1. Иллюстрации**

Рис. 1. Роспись стены на кухне ДОма на синей ветке

Рис. 2. Роспись на внутренней стороне двери гостиной ДОма на синей ветке

Рис. 3. Роспись одной из стен в коридоре Дома на синей ветке

Рис. 4. Роспись одной из стен коридора ДОма на синей ветке

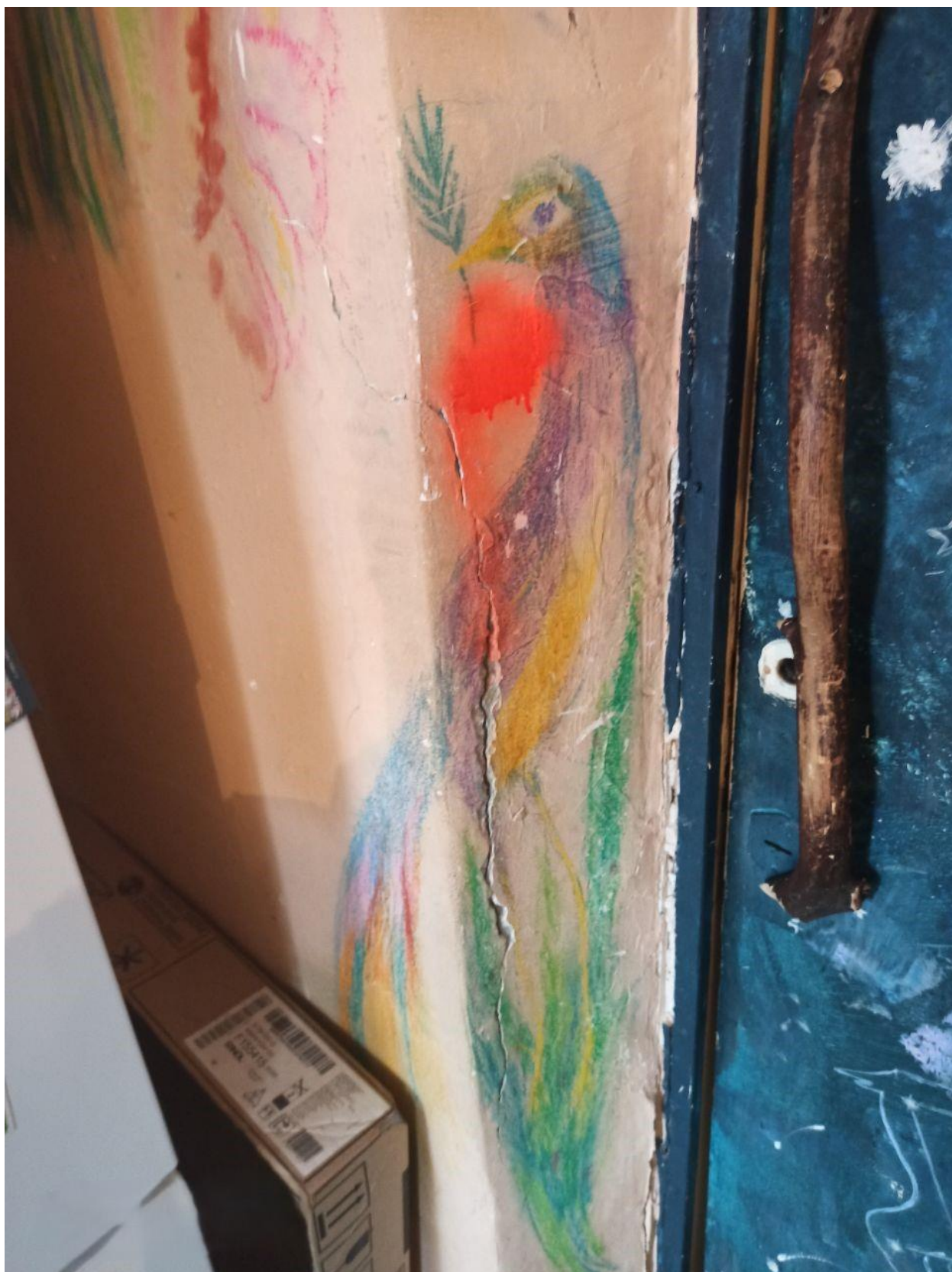

Рис. 5. Меловая роспись одной из стен гостиной ДОма на синей ветке

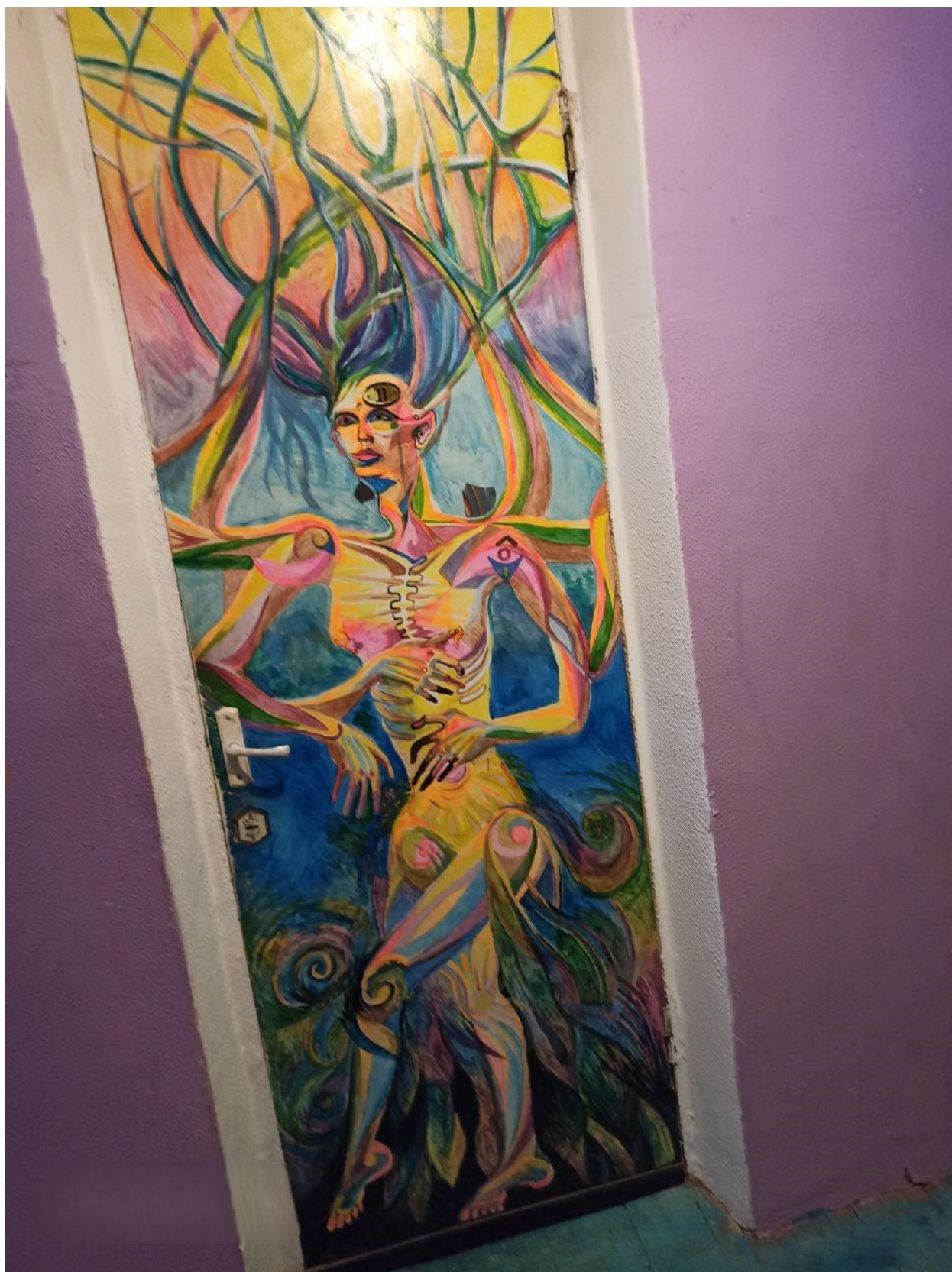

Рис. 6. Роспись на внешней стороне двери одной из комнат
Дома на синей ветке

Рис. 7. Роспись на внутренней стороне двери одного из санузлов
Дома на синей ветке

Рис. 8. Роспись одной из стен в коридоре Дома на синей ветке

Рис. 9. «Второй этаж» в одной из комнат Дома на синей ветке

Рис. 10. «Второй этаж» в одной из комнат Дома на синей ветке

Рис. 11. «Второй этаж» в одной из комнат Дома на синей ветке

Рис. 12. Надпись на внешней стороне внутренней входной двери в коммуне «Облака», обращённая к условным «нормисам»

Рис. 13. «Фримаркет» в зале ДОма на синей ветке

Рис. 14. «Фримаркет» («фрипрайссекод») в первой квартире коммуны «Норм»

Рис. 15. Стеллаж на кухне ДОма на синей ветке, используемый для хранения яиц и овощей из «общей закупки»

Рис. 16. Полки на кухне ДОма на синей ветке,
используемые для хранения специй из «общей закупки»

Рис. 17. Турка, помеченная биркой с эмблемой «Ъ», обозначающей принадлежность
одной из жительниц ДОма на синей ветке

Рис. 18. Сковорода с жаренной картошкой, помеченная биркой с эмблемой одного из жителей ДОма и дополнительной биркой с надписью «NOT FREE!», обозначающей, что эта еда не предназначена для угощения всех

Рис. 19. Гостиная Дома на синей ветке

Рис. 20. Кухня Дома на синей ветке

Рис. 21. Одна из надписей на двери комнаты Деда

Рис. 22. Одна из надписей на двери комнаты Деда

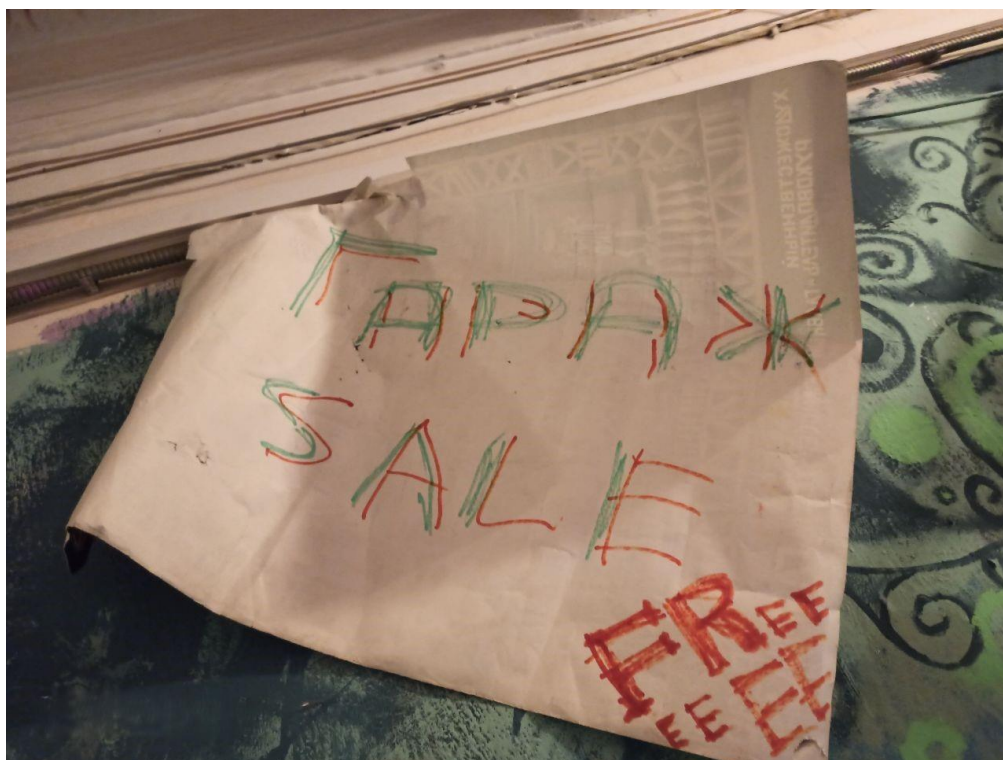

Рис. 23. Ватман, вывешенный Дедом над своими вещами, выставленными у его двери вместо «фримаркета»

Рис. 24. Колонка, собранная и декорированная Питом ко дню рождения Деда

Рис. 25. Обеденный стол, стоящий в гостиной ДОма на синей ветке

Рис. 26. Куртки, оставленные и оставлявшиеся жителями ДОма на синей ветке в его коридоре в разные периоды существования коммуны

Рис. 27. Одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

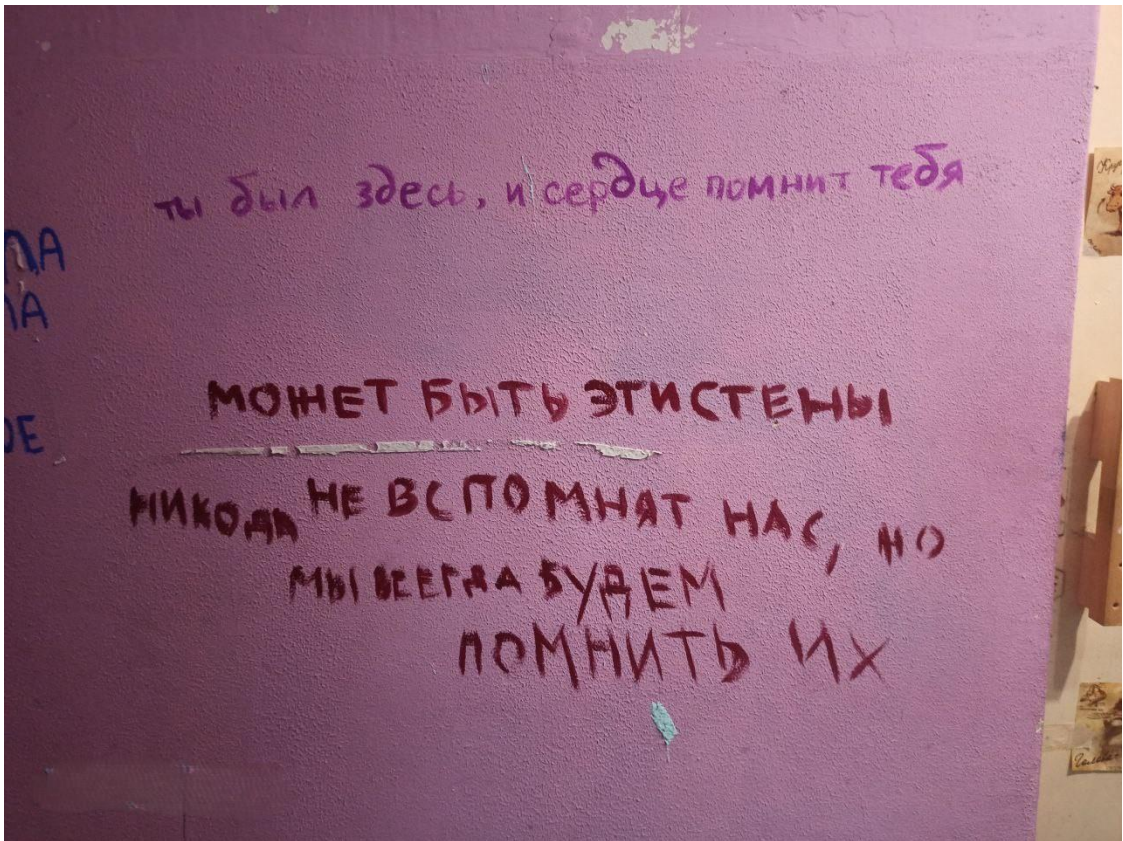

Рис. 28. Одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

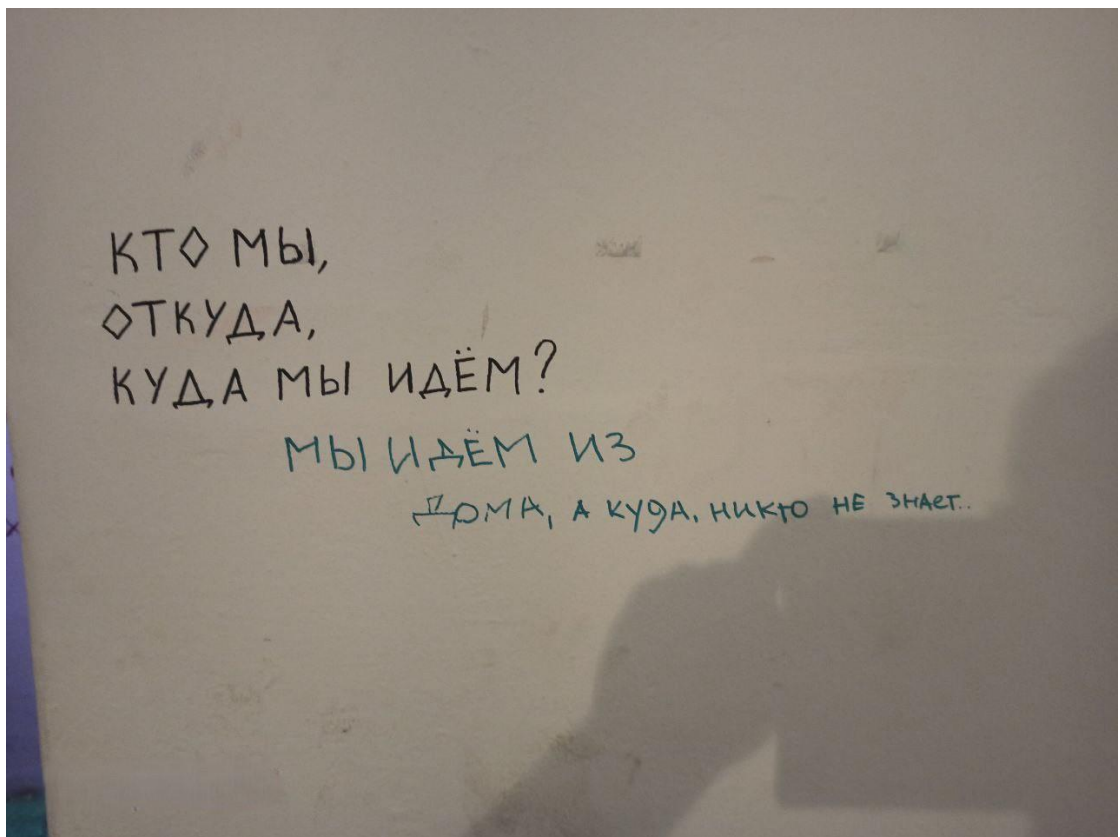

Рис. 29. Одна из прощальных надписей в коридоре ДОма

Рис. 30. Одна из прощальных надписей в коридоре Дома

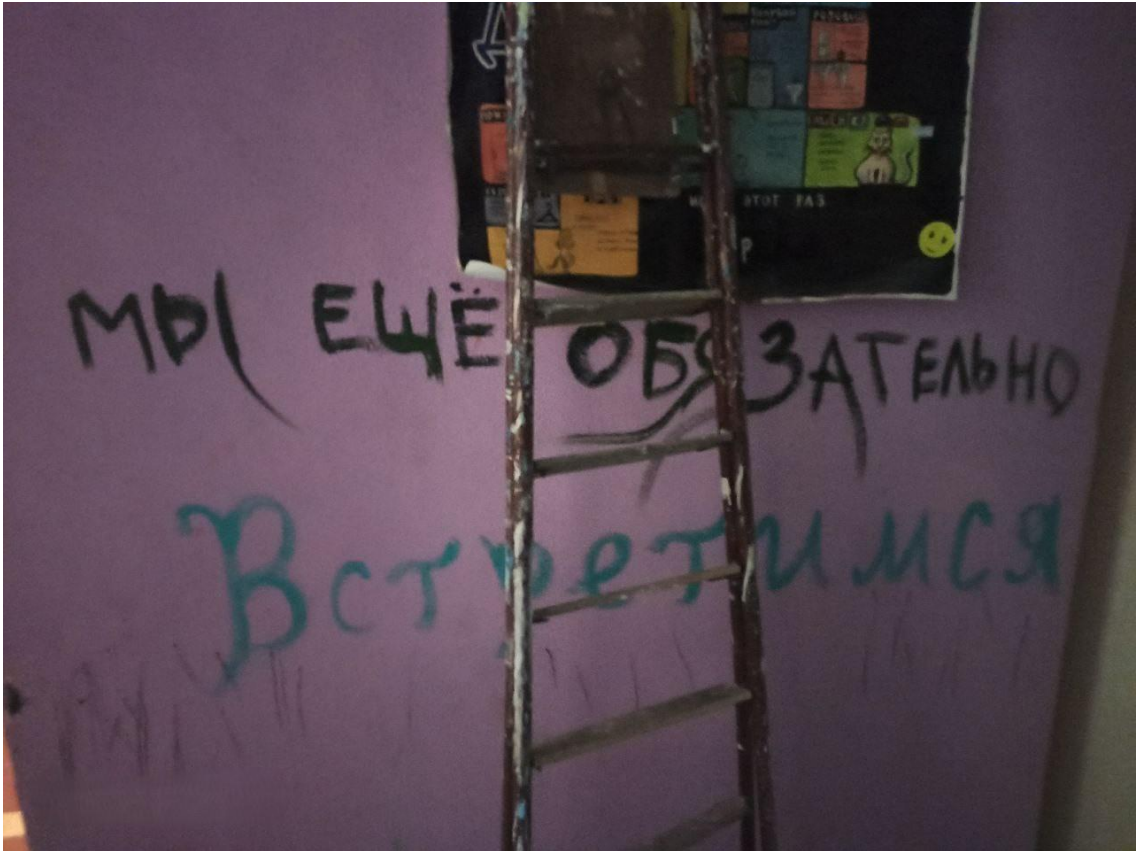

Рис. 31. Одна из прощальных надписей в коридоре Дома

Рис. 32. Одна из прощальных надписей в коридоре Дома

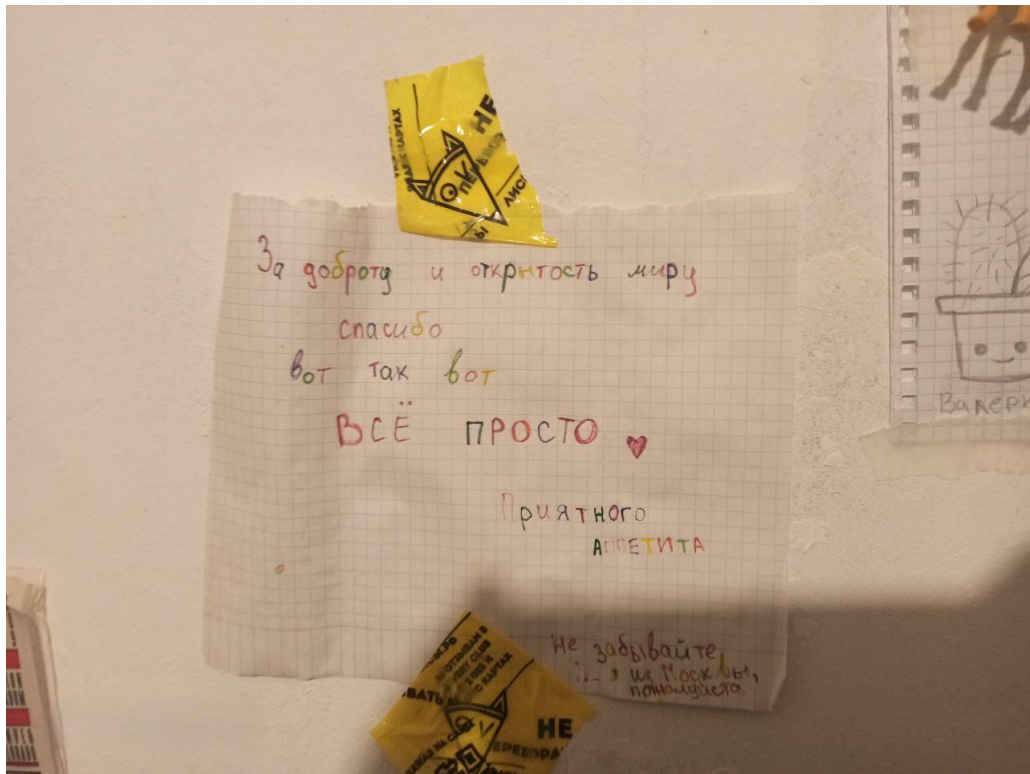

Рис. 33. Письмо, оставленное одной из гостей «Норм»
на первой квартире коммуны

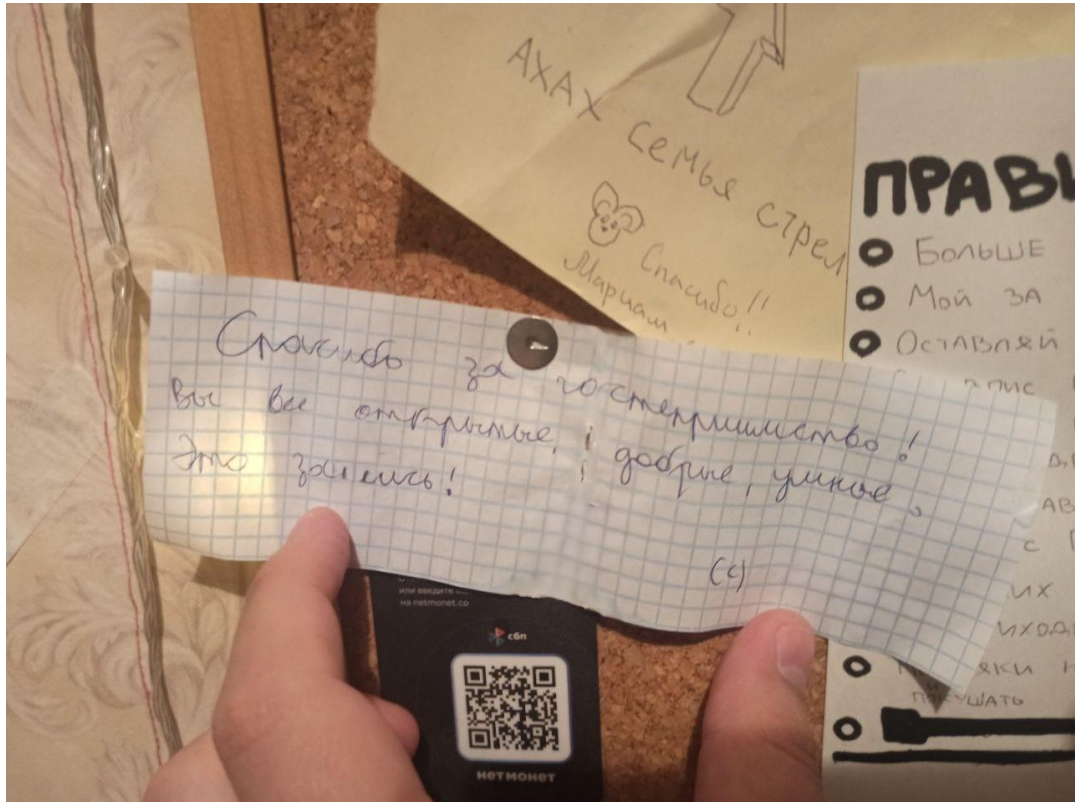

Рис. 34. Письмо, оставленное одним из гостей «Норм»
на второй квартире коммуны

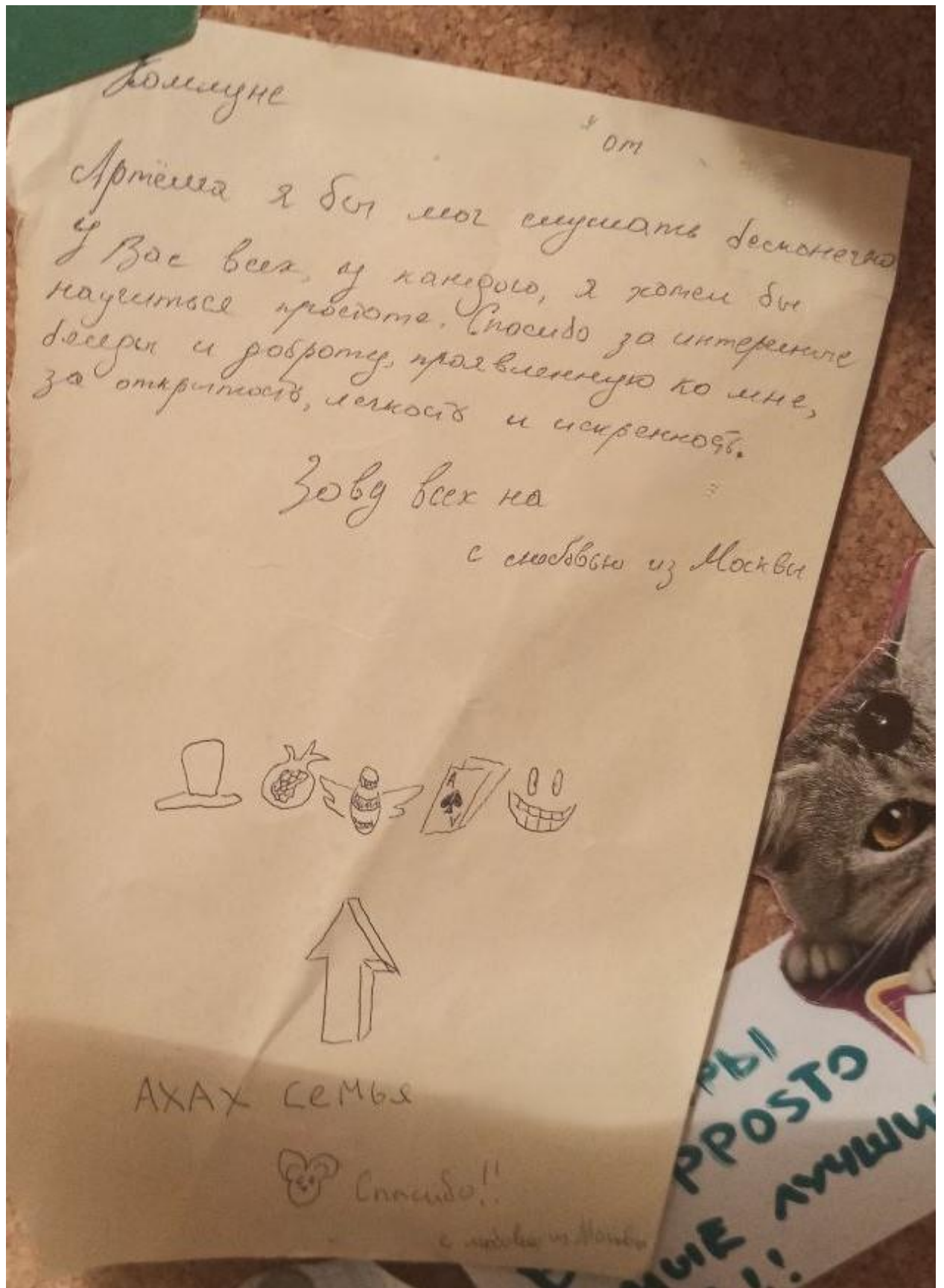

Рис. 35. Письмо, оставленное гостями «Норм» на второй квартире коммуны

Рис. 36. Некоторые меловые граффити на стене комнаты Мыши и Рината в первой квартире коммуны «Норм»

Рис. 37. Ёмкости и сколоченные Питом ящики для раздельного сбора мусора в ДОме на синей ветке с лежащим на них «коммунальным котом»

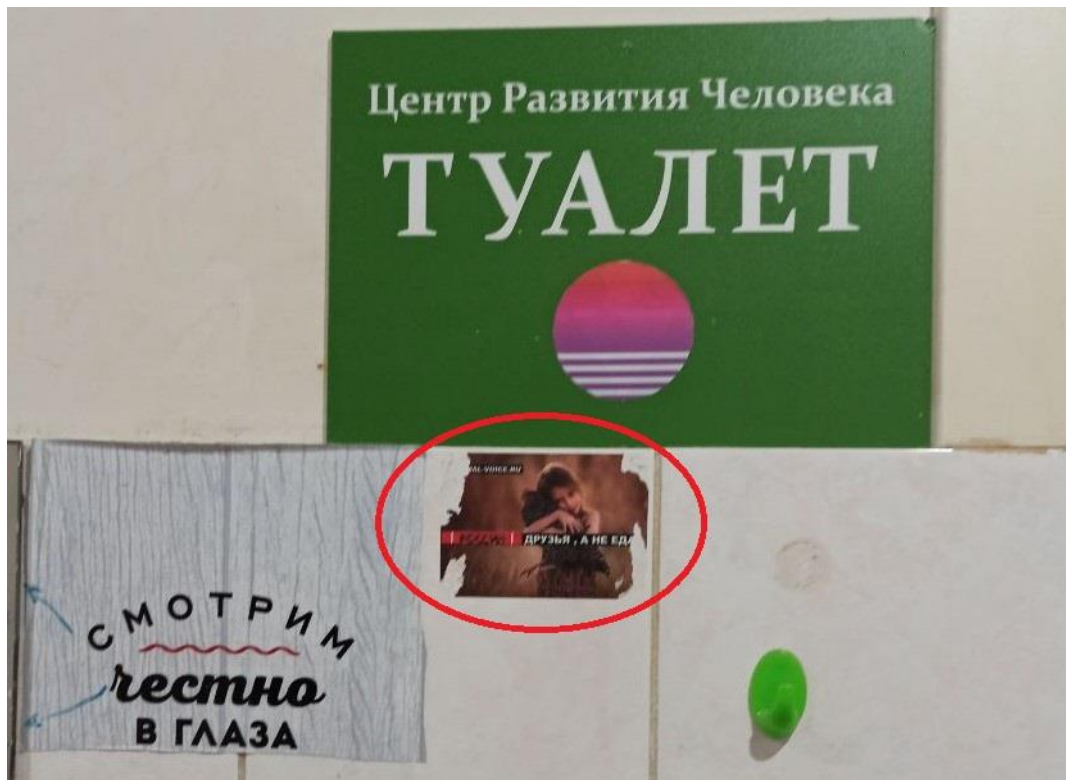

Рис. 38. Наклейка, оставленная «вегетарианцами»

в Доме на синей ветке (в овале)

Рис. 39. Граффити, созданное «оккультистами», позже частично забеленное

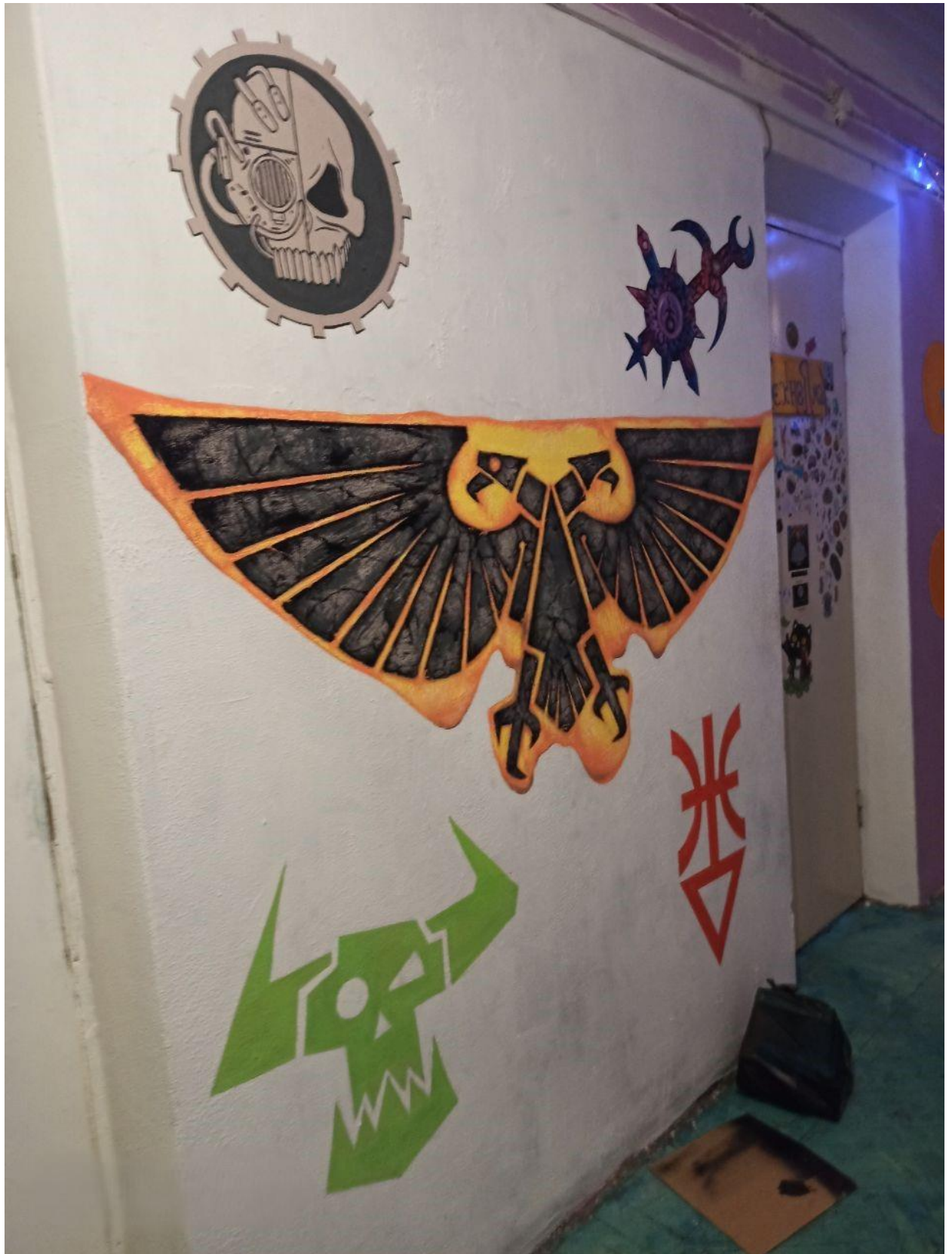

Рис. 40. Граффити с эмблемами богов из «Warhammer»

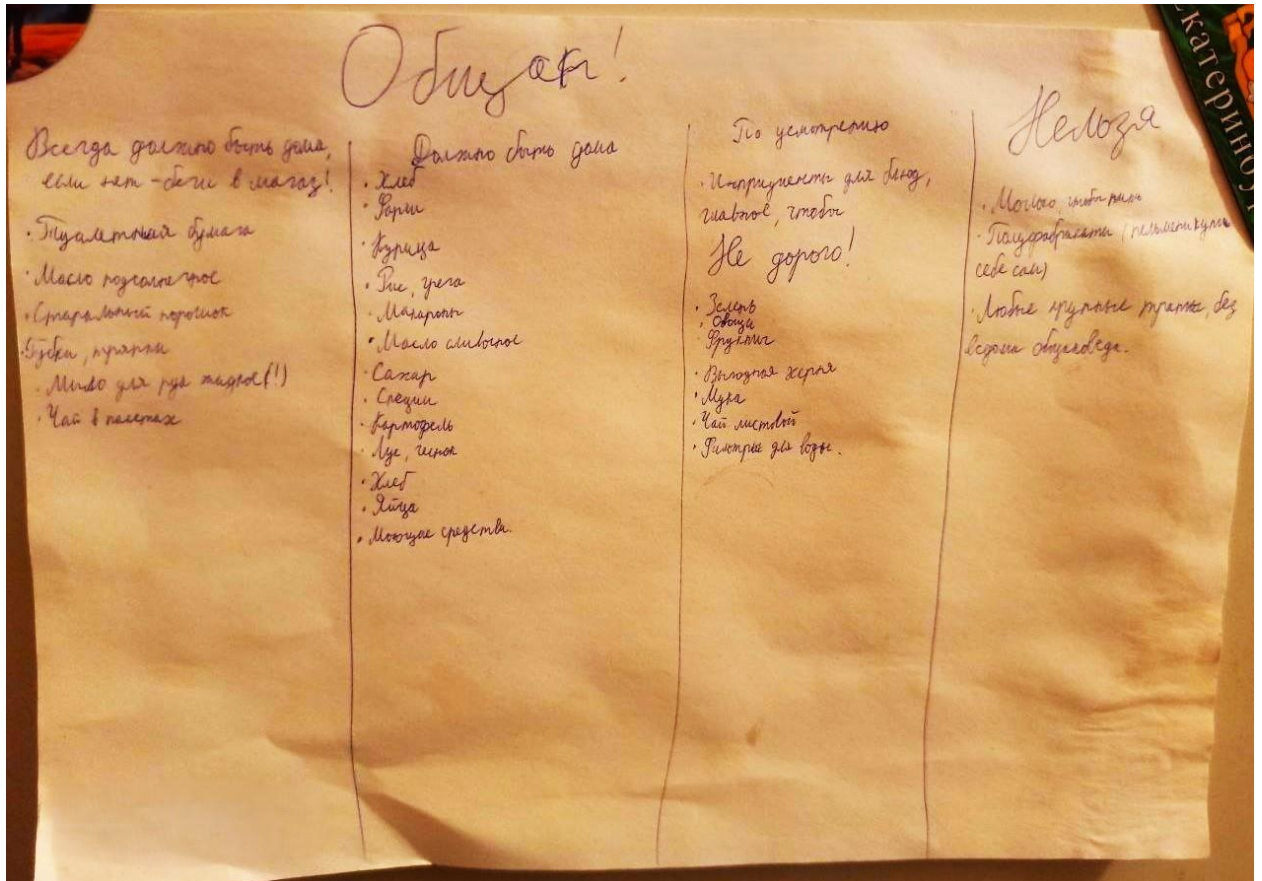

Рис. 41. Таблица «закупки на общак», составленная и вывешенная Лукой

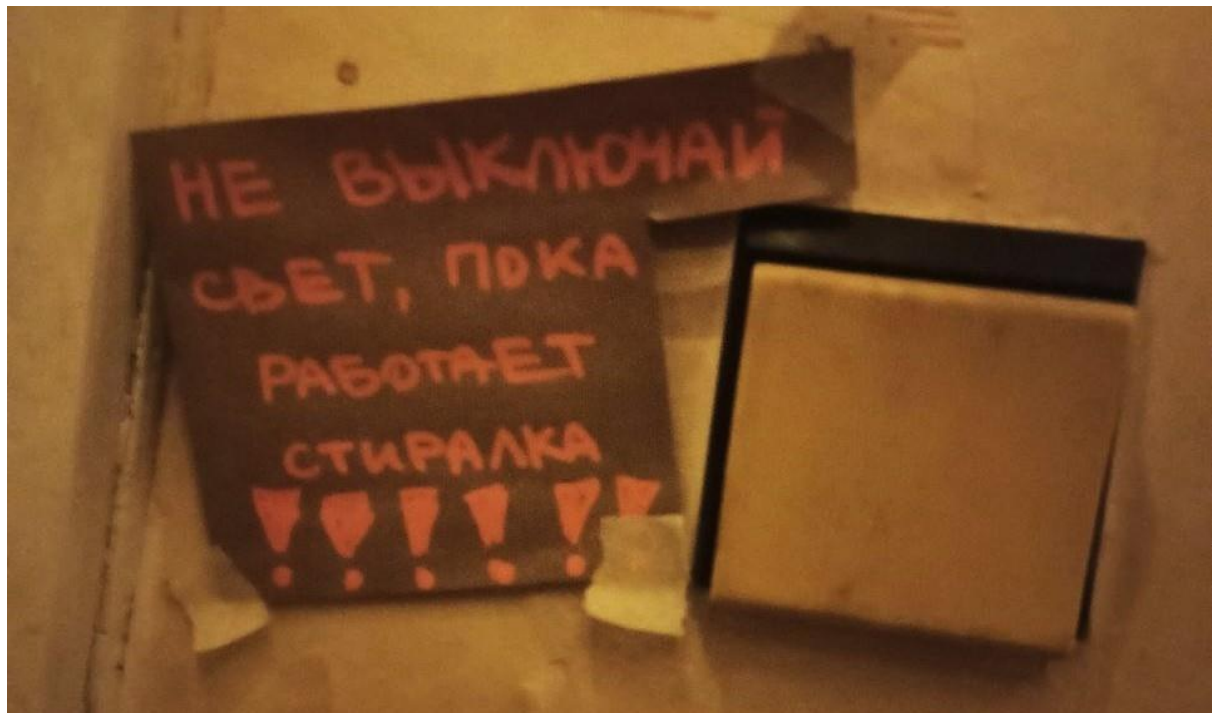

Рис. 42. Одно из предписаний Луки,
вывешенных в коридоре второй квартиры «Норм»

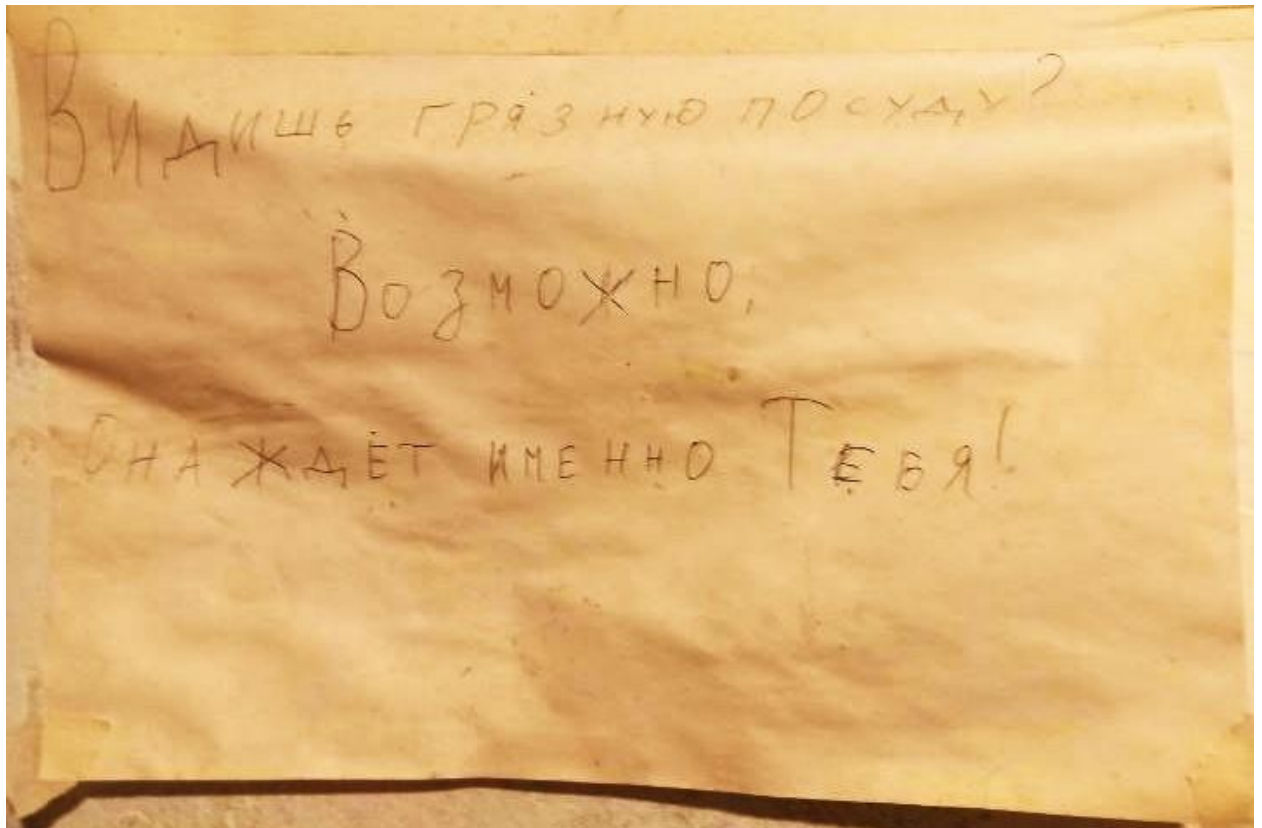

Рис. 43 – одно из предписаний Луки,
вывешенных над кухонной раковиной в первой квартире «Норм»

Рис. 44. Одно из предписаний Луки,
наклеенное на внутренней входной двери во второй квартире «Норм»

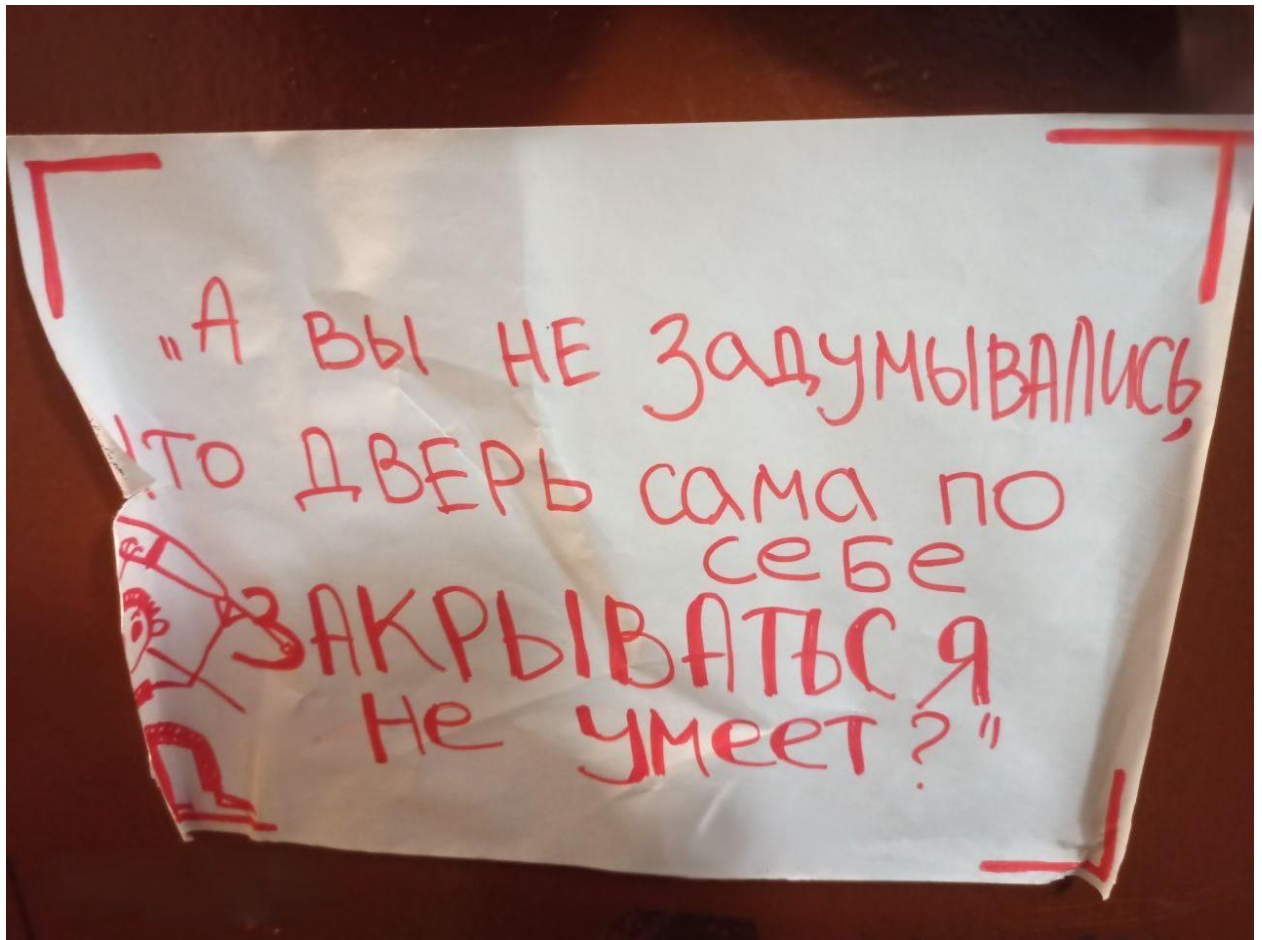

Рис. 45. Одно из предписаний Луки,
наклеенное на внутренней входной двери в первой квартире «Норм»

Рис. 46. Отделы пенала,
подписанные Лукой на кухне первой квартиры «Норм»

Рис. 47 – отделы пенала, подписанные Лукой
на кухне второй квартиры «Норм»

Рис. 48. Отделы кухонной тумбы, подписанные Лукой
на кухне второй квартиры «Норм»

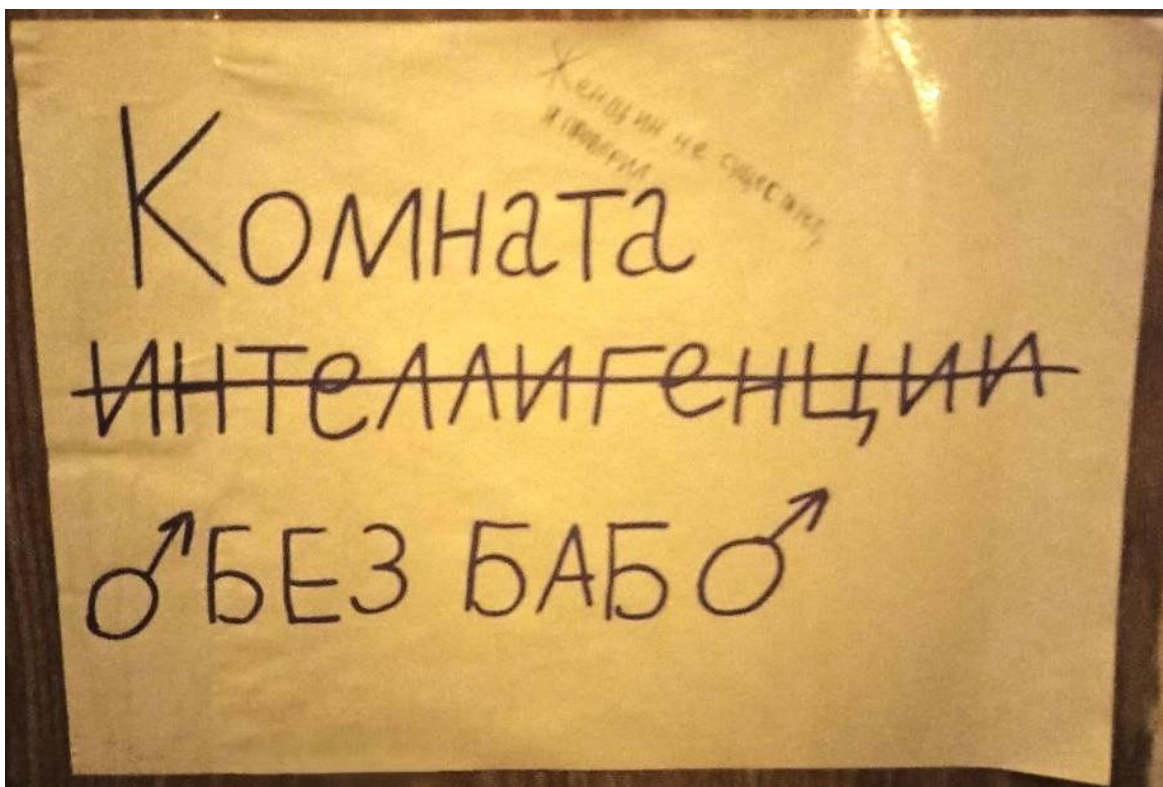

Рис. 49. Ироническое предписание, вывешенное Шаманом на двери одной из комнат второй квартиры «Норм»

Рис. 50. Подписанные Мышьё графины «Лёха» и «Тоха» в коммуне «Норм»

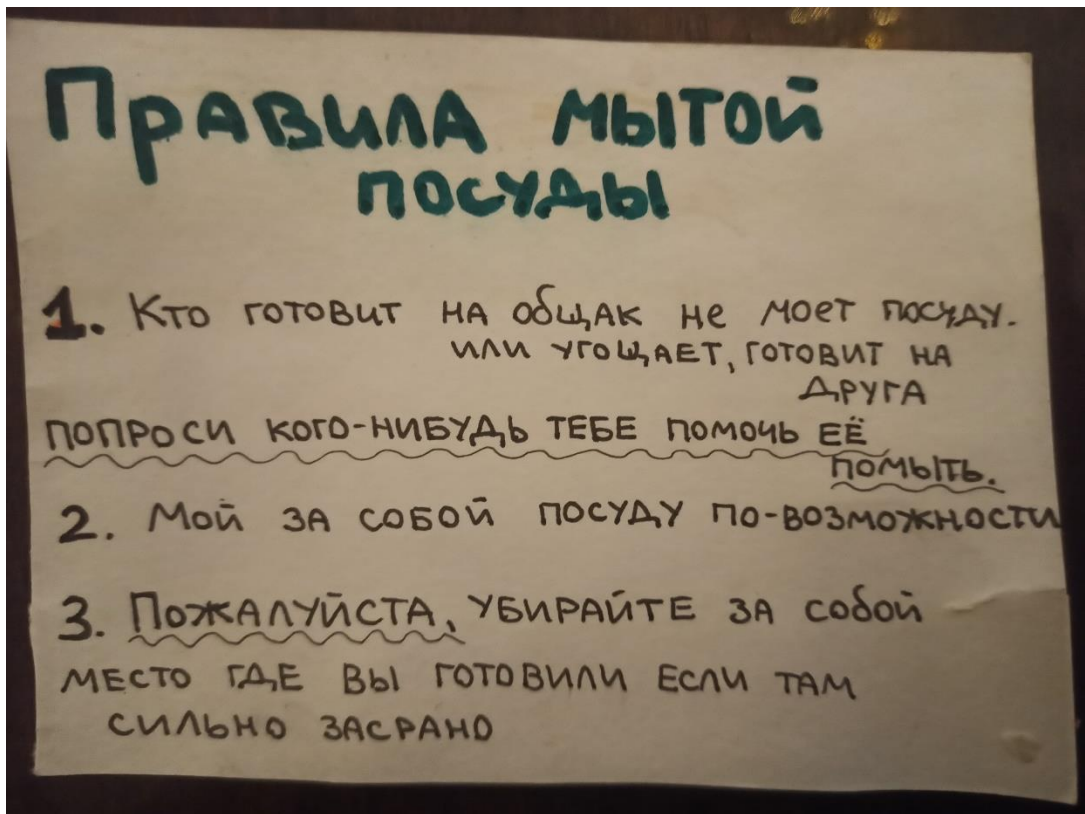

Рис. 51. «Правила мытой посуды»,
вывешенные над кухонной раковиной во второй квартире «Норм»

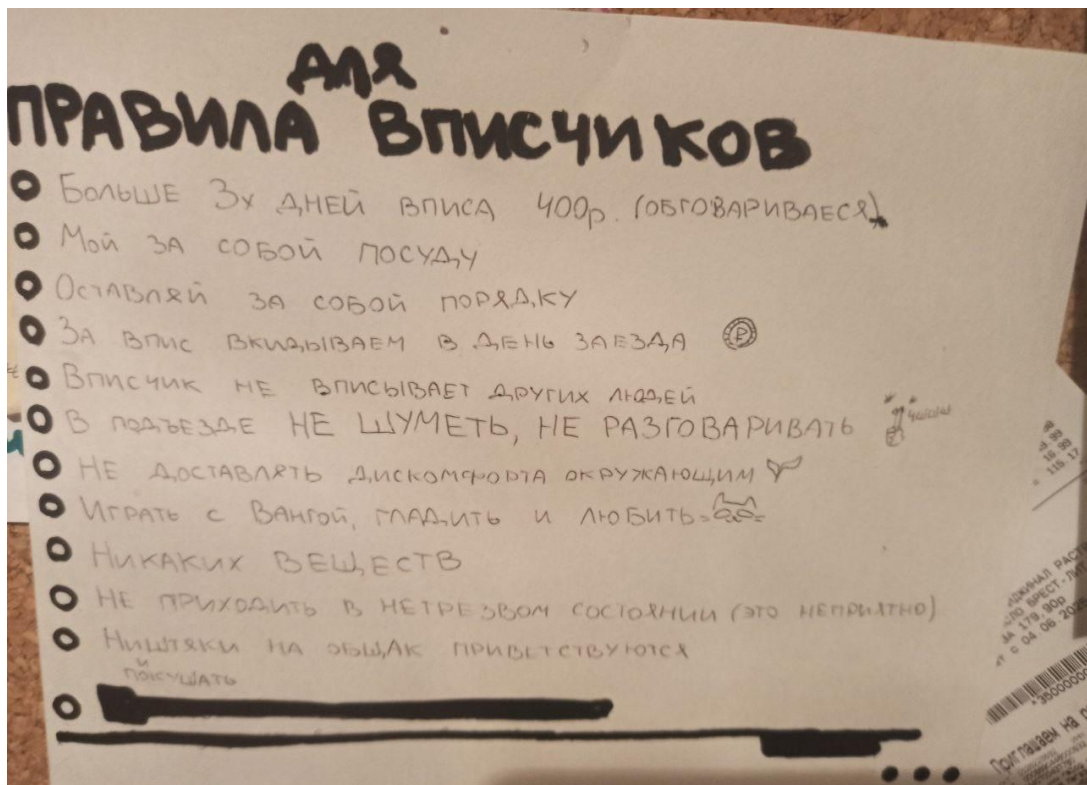

Рис. 52. «Правила для вписчиков»,
вывешенные на кухне во второй квартире «Норм»

Рис. 53. Объявление, наклеенное поверх стиральной машины
в одном из санузлов Дома на синей ветке

Рис. 54. Объявление, вывешенное на кухне ДОма на синей ветке, сторонниками
раздельного сбора мусора
над предназначенными для этого ящиками

Рис. 55. Объявление, наклеенное на розетку в одном из санузлов ДОма

Рис. 56 – надпись на внутренней стороне двери, ведущей к душевой кабине в одном из санузлов Дома

Рис. 57. Надпись на внешней стороне двери, ведущей в курилку, в ДОме на синей ветке

Рис. 58 – объявления на кухне ДОма на синей ветке, расположенные над ящиками, предназначенным для раздельного сбора мусора

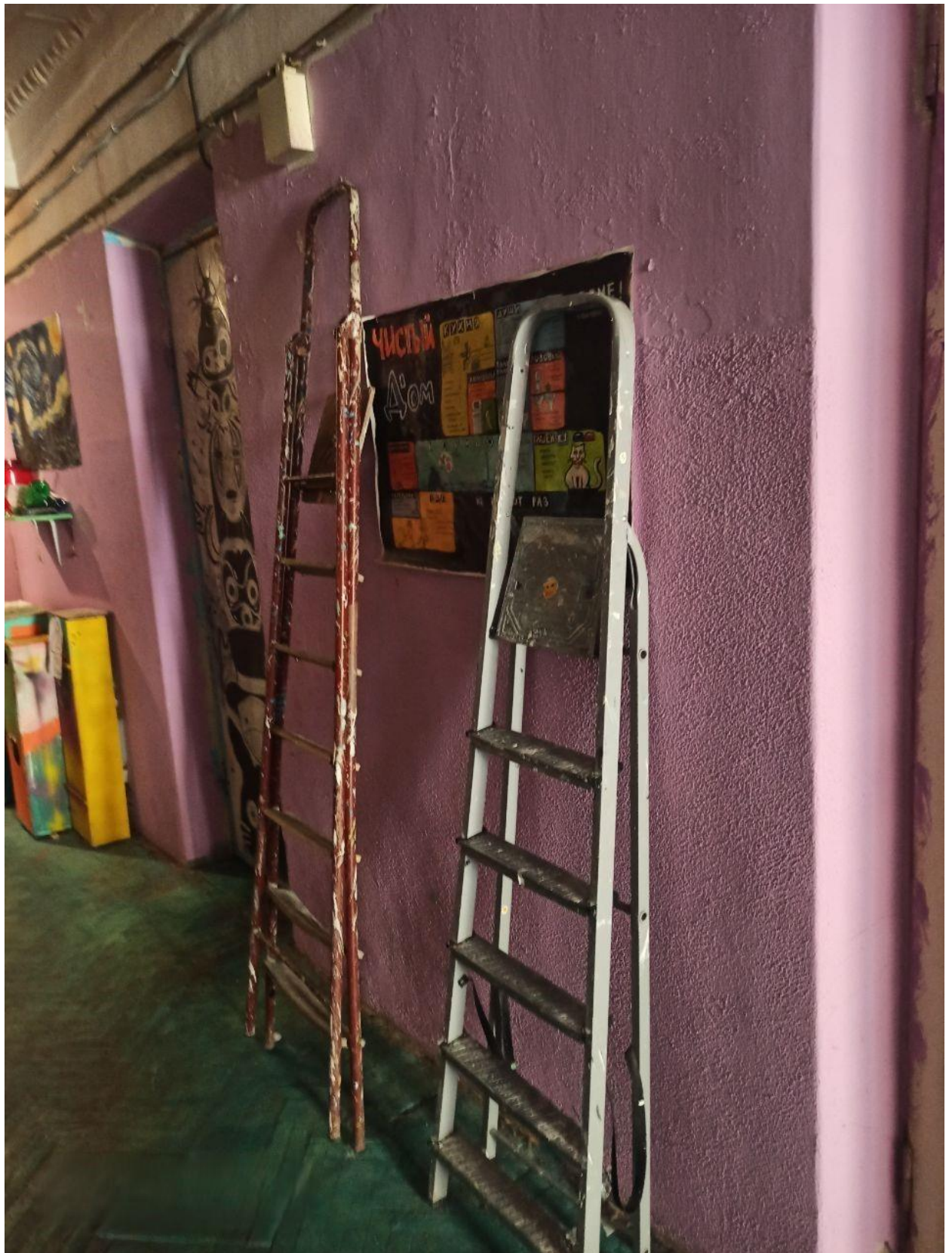

Рис. 59 – план ДОма для обозначения выполненных обязательств по дежурствам, загороженный стремянкой

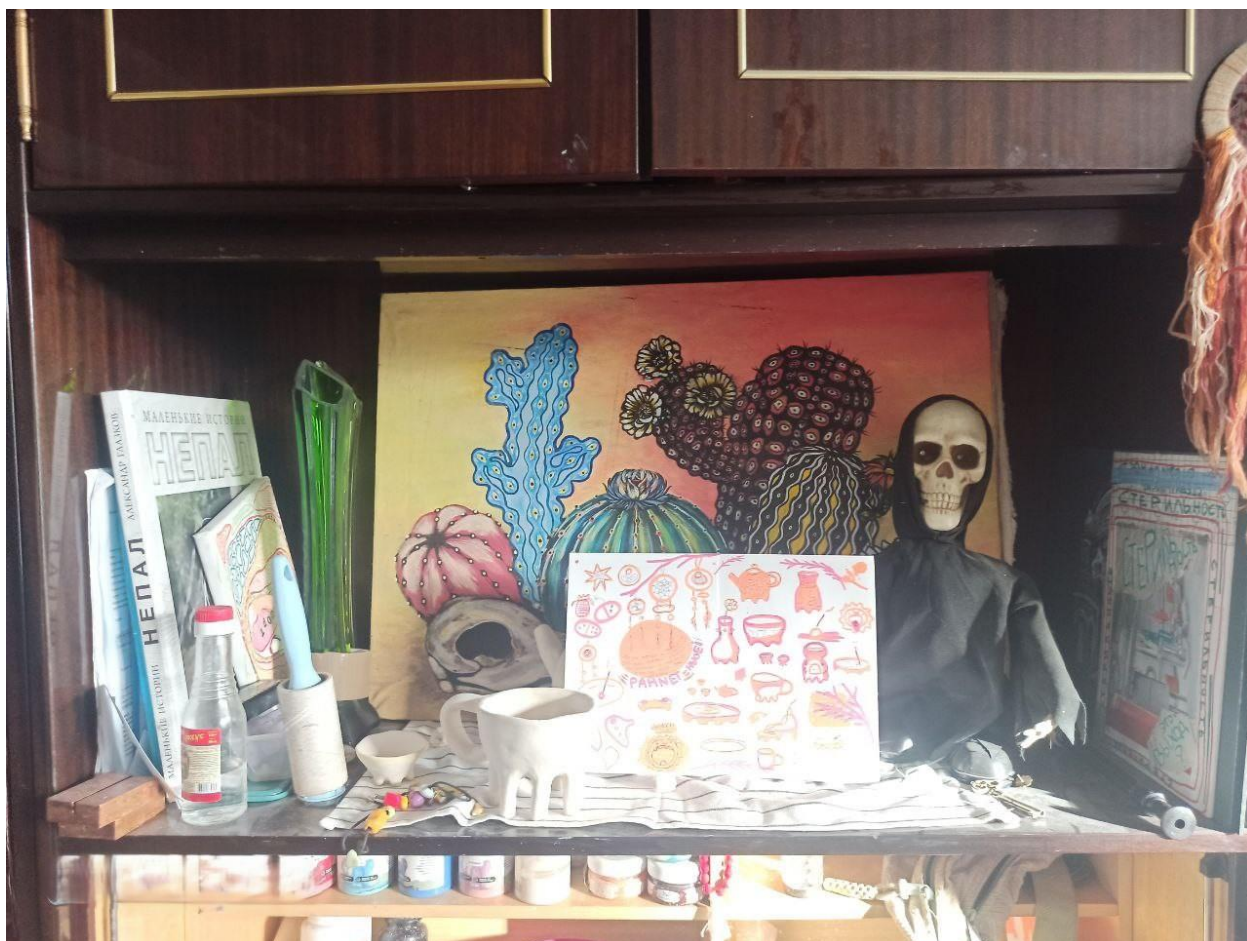

Рис. 60 – «коммунарский дизайн» одной из полок
в гостиной второй квартиры «Норм»

Рис. 61. Гирляндное освещение в гостиной второй квартиры «Норм»

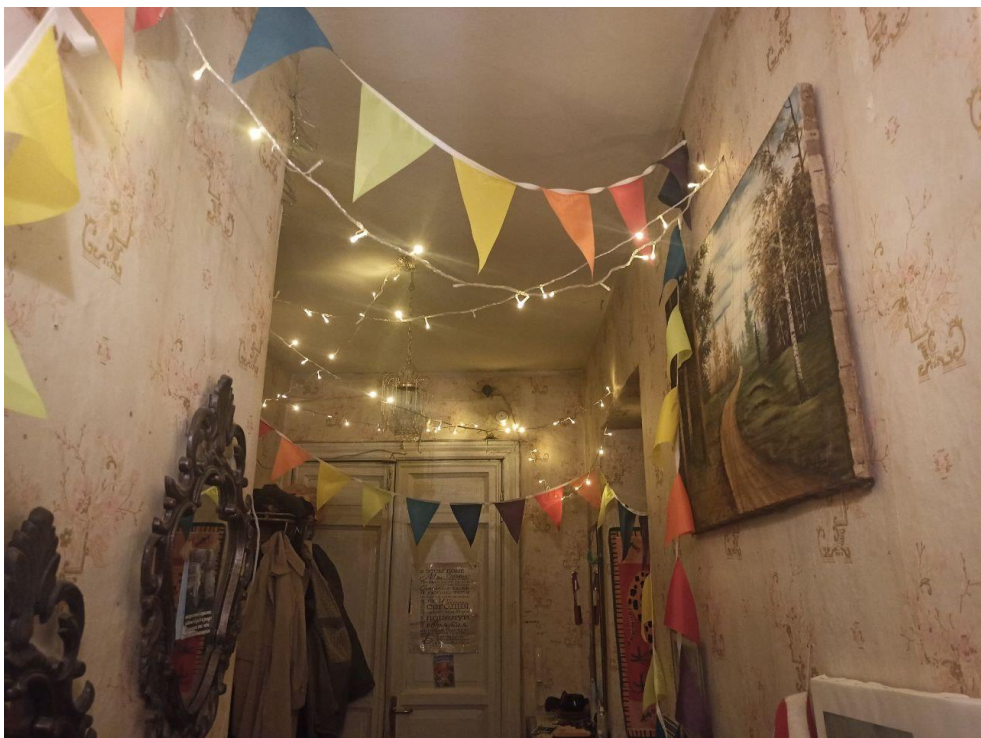

Рис. 62. Гирляндное освещение в коридоре второй квартиры «Норм»

Рис. 63. «Нафриганенная» картина на двери комнаты,
в которой жил Лука на первой квартире «Норм»,
в нижнем левом углу подписанная Мышью «Лука, 1876 г.»

Рис. 64. «Нафриганенные» картины
на двери комнаты, в которой жил Шаман на первой квартире «Норм»

Рис. 65. Один из коллажей Мыши, вывешенный на кухне второй квартиры «Норм»

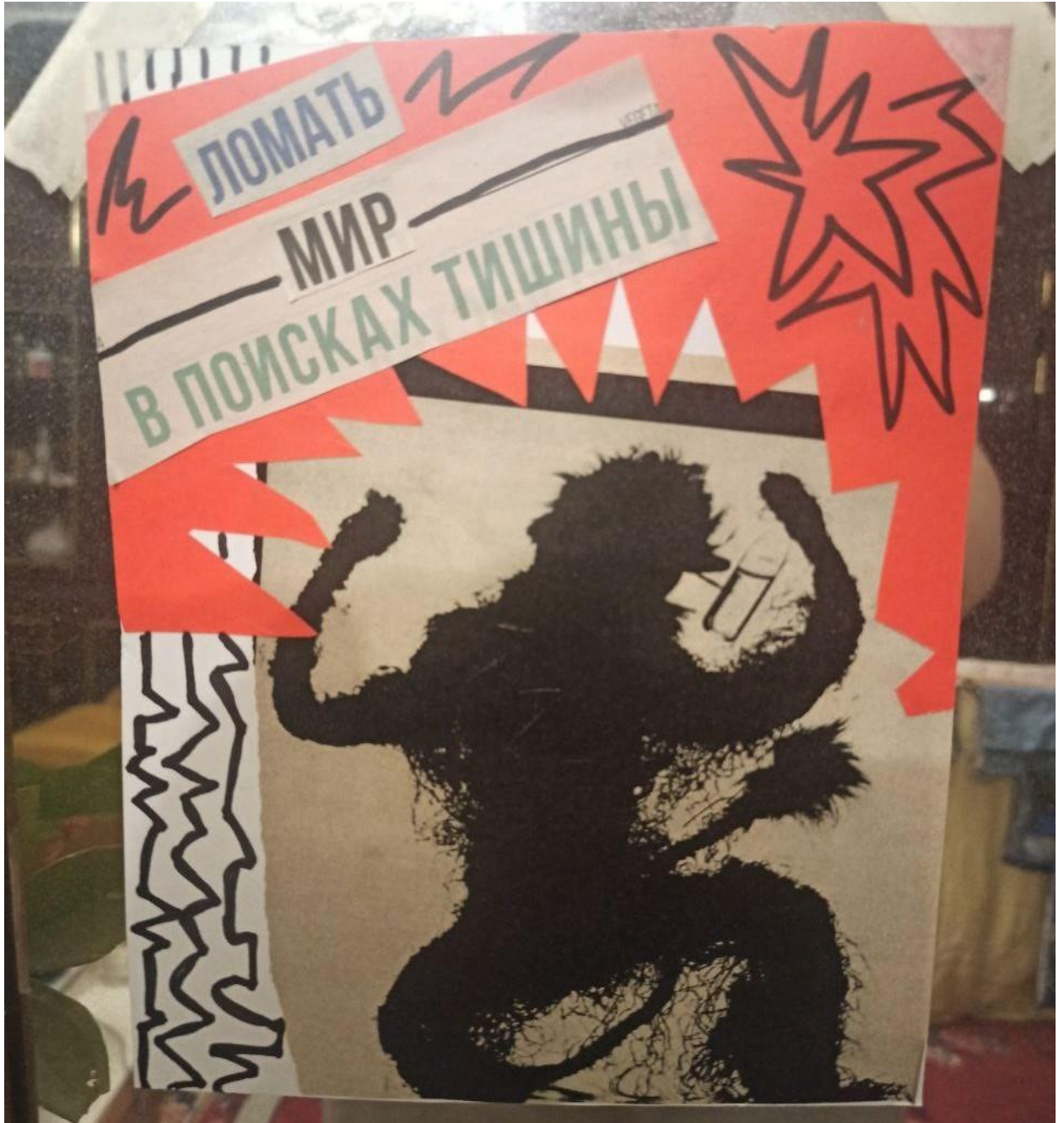

Рис. 66. Один из коллажей Мыши,
вывешенный на зеркале в гостиной второй квартиры «Норм»

Рис. 67. Один из коллажей Мыши, вывешенный на кухне второй квартиры «Норм»

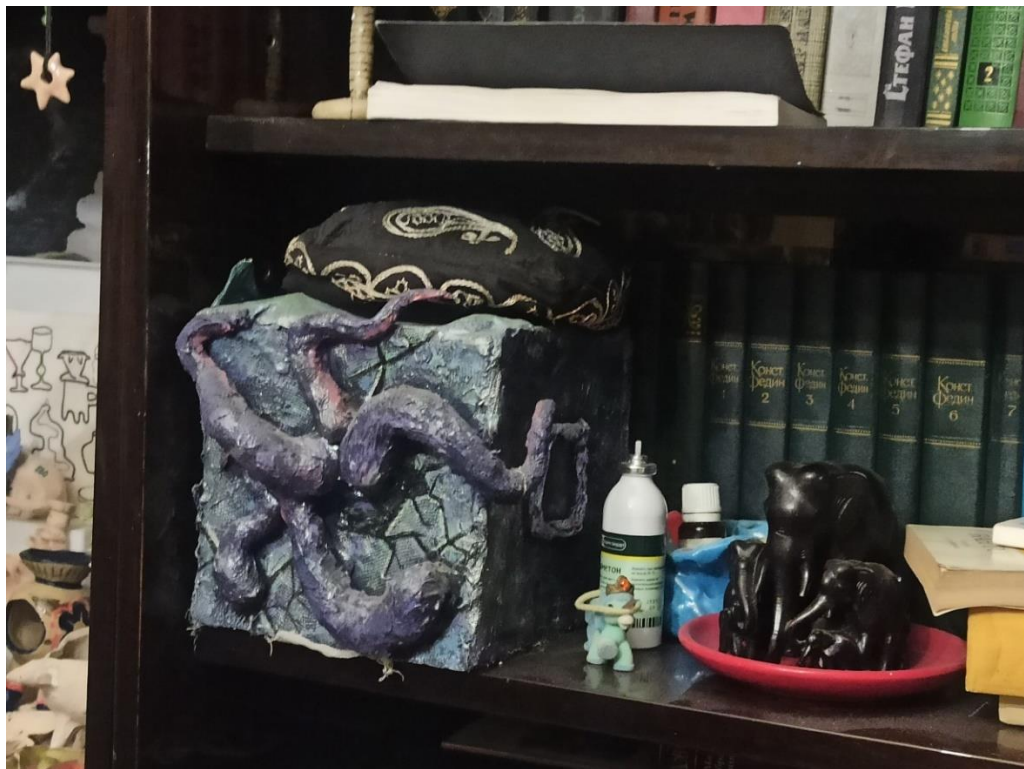

Рис. 69. Скульптура, созданная одной из жительниц «Фонаря», расположенная в гостиной второй квартиры «Норм»

2. Редакции «Договорённостей» ДОма на синей ветке

[1-ая редакция, компилятор и автор декларативной части – Гена]

Договоренности дома.

Вступление. Почему? Чтоэтогообще?

(часть первая, авторская -- Гриша Федосеев)

*Возьмем в качестве вводной тот факт, что мы пытаемся выстроить некоторое сообщество. Сообществ и так много, многие из них имеют действующие механизмы. Очевидно, мы разрабатываем свои. То есть **строим некоторое альтернативное сообществе о.***

Какие оно преследует цели? Для чего создано? В чем суть и кто всем этим руководит?

На данный момент однозначно принято, что в нашем доме нет главного, а все решения принимаются сообща тем или иным способом. Это дает возможность общего движения. То есть каждый двигает сообщество. Другой вопрос -- куда.

Второй, более-менее принятый факт -- мы строим самоорганизующееся сообщество. То есть опять же такое, в котором все равны и нет главного. Это иногда называют горизонтальной иерархией.

Более четко определить цели нашего сборища -- наша общая задача. Решать ее имеет смысл по мере необходимости. Иначе бы кому-то из нас пришлось бы навязывать свое мнение окружающим, а этого делать не хочется.

Что мы знаем наверняка -- мы строим Дом. Дом как стиль жизни, отличный от традиционного коммунального, добрососедского недоверчивого, уныло закупоренного в свой внутренний мир и собственные квадратные метры и тдип.

Отличный а значит тогда какой? Осмелюсь предположить, что нами правит желание быть ближе к друг другу, создать среду доверительного и бережного взаимодействия, совместного переживания и творчества. Это значит, что по умолчанию мы настроены слушать и быть услышанными, доверять и оправдывать доверие, любить и быть любимыми если хотите. Это значит решать конфликтные ситуации без разрушения и беречь дом, людей в нем живущих и, собственно, само наше сообщество.

Сейчас цель своего пребывания в доме каждый формулирует себе сам. Возможно, кого-то из нас связывают общие цели. Однако же очевидно, что для каждого из 30 с лишним наших жильцов какая-то цель жить толпой народа и порой терпеть определенные в связи с этим неудобства все-таки есть.

Люди в доме меняются, но по статистике постепенно численность наша увеличивается. При этом, тем, кто заварил эту кашу и тем, кто присоединился по идее важна некоторая стабильность того места, которое принято называть домом. На этом месте была введена идея локальных договоренностей.

Локальные договоренности

Фактически, локальные договоренности -- это то, как мы договорились жить в данном пространстве и данном формате. Когда вы живете со своим соседом по комнате, у вас есть свои локальные договоренности. С соседями через стенку, вполне вероятно, тоже могут быть свои локальные договоренности. Для группы людей проживающих в одном месте логично собраться вместе и договориться -- как именно действовать в тех или иных ситуациях. То есть, каким механизмы принятия решений и механизмы для урегулирования тех или иных общественно значимых действий использовать.

Правила

Почему именно договоренности? Какая вообще разница, как это назвать? Ну правила дома -- вроде норм. Все понимают, чего вообще за демагогия?

Как по мне (опять же, пока это все еще Гришино intro-ИМО) суть проста:

Правила -- это то, что кто-то придумал, а остальные выполняют. За не выполнение правил обычно есть вполне понятное наказание. Но факт применения наказания сводит нас к [несвободному] обществу и способствует постепенному, очень плавному и медленному возникновению круговой поруки, слежки, доносов и прочее. Поэтому я **считаю важным отказаться от правил в пользу договоренностей.**

Договоренности -- это то, о чем мы все договорились. То, что исходит из желания каждого из нас и является равнозначной ценностью каждого. Ценностью, удерживаемой каждым в меру его личной осознанности. Мне кажется, это смыслообразующая и очень важная штука.

И последнее, как мне кажется, важное замечание -- смысл договоренностей в поддержании здоровья и жизнеспособности сообщества. А так же его членов. Но прежде всего -- сообщества в целом.

То есть приоритет в сторону общего интереса в противовес личному. Согласитесь, человек, который прямо совсем недоволен может уйти. Но важно, чтобы он не поломал жизнь остальным. Еще раз подчеркну -- важно учитывать интересы всех и каждого, но в спорных ситуациях разумно ставить коллектив выше конкретного человека. Иначе ради спокойствия гордости кого-нибудь из нас мы будем подвергать риску жизнеспособность дома в целом.

Не самая приятная мысль, если ставить себя на место этого самого конкретного человека. Но попробуйте посмотреть на это со стороны каждого участника сообщества.

Ремарка: С этого абзаца заканчивается авторское отступление и начинается список договоренностей, созданной общими силами всех заинтересованных в существовании документа, резюмируя опыт жизни [Первого] Дома на [реке], [Второго] Дома на [реке] и двухлетний опыт существования Дома на [синей ветке]. Этот текст собран и выверен (и продолжает собираться и выверяться) в ходе общих собраний и не является чьим либо личным авторством. Каждый заинтересованный может внести в него свою лепту и таким образом документ становится коллективным творчеством, рождающимся в процессе жизни в Доме.

Итак, наши договоренности

1. Общие положения

1.1 Принятие решений

1.1.1 Бытовые, локальные организационные и частные решения

Решения принимаются малой инициативной группой.

То есть:

Инициатор выдвигает предложение (инициативу) и тем самым берет на себя ответственность моторить процесс.

Дальше инициативу поддерживает группа заинтересованных участников сообщества, которая принимает решение о деталях осуществления инициативы.

Группа уведомляет остальных жильцов, и **(выждав, чтобы у всех была возможность узнать об инициативе.. 1День?)** приступает к реализации инициативы.

Если среди жителей дома находится тот, кто считает, что нужно избрать другой способ реализации или в целом против этой инициативы -- он вступает в инициативную группу и транслирует свое видение.

В качестве крайней меры собирается локальный консенсус. Если локальный консенсус не дал результатов -- к консенсусу призывают всех, кто заинтересован в реализации инициативы.

1.1.2 Общеорганизационные решения; решения, влияющие на дальнейшую жизнь сообщества.

Решения принимаются консенсусом. **(Единогласное согласие)**

Что такое этот ваш пресловутый консенсус?

Как им принимаются решения?

Что такое высказывание против и что оно за собой влечет?

Что такое право вето?

Как его использовать?

Достаточно ли просто сказать "я против" чтобы заблокировать решение?

Чего влечет за собой право вето?

Какие есть механизмы решения ситуаций, если не удалось достигнуть консенсуса?

Раскол, наконец. Про него важно знать.

Ответы на эти и многие другие вопросы в теории и общем виде можно найти здесь:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/консенсус>

1.2 Решение конфликтных ситуаций

В случае возникновения между двумя и более жильцами недопонимания рекомендуется следующая последовательность действий:

1. Личная встреча. Встретиться и глаза в глаза постараться прийти к пониманию.
2. В случае невозможности достигнуть понимания один-на-один, приглашается выбранный медиатор -- человек, которому доверяют обе конфликтующие стороны. Он помогает найти общий язык.
3. В случае неудачи приглашают еще одного медиатора. Потом еще одного.
4. В случае невозможности решить конфликт на малый круг его выносят на общее обсуждение.

1.3 Выписка

В случае, если один из участников сообщества наносит вред сообществу, потенциально может привести к разрушению сообщества, вредит другим участникам сообщества или иным способом нарушает общедомовую гармонию, тот, кто берет на себя ответственность **помочь изменить эту ситуацию**

1. Выходит на личный диалог.

2. В случае невозможности достигнуть понимания один-на-один, приглашает выбранного медиатора -- человека, которому доверяют обе конфликтующие стороны. Он помогает найти общий язык.
3. В случае неудачи приглашают еще одного медиатора. Потом еще одного.
4. В случае невозможности решить конфликт на малый круг его выносят на общее обсуждение.
5. В случае, если общее обсуждение не дало результатов и на общий круг был принят факт недопустимости продолжения подобного рода действий со стороны этого участника сообщества имеет смысл говорить о невозможности дальнейшей совместной жизни и, как следствия, перспективы покинуть сообщество одной из сторон.

1.4 Участие в принятии решений жильцов, находящихся вне дома?

2. О каждодневном

Алкоголь – сдержанно, так чтобы никого не напрягало. Будь вменяем. Никаких наркотиков, разумеется.

- После 22 заканчиваются барабаны
- После 23 заканчивается шумное публичное
- После 24 заканчивается шумное домашнее
- коридор - после 11 говорим шепотом; не встречаем и не провожаем восторженными криками; понимаем, что за каждой дверью кто-то возможно спит (силится уснуть)
- кухня - после 11 без барабанов, на гитаре поем и играем бережно. Допустимы бережные ночные посиделки.

3. Заезд и выезд жильцов

3.1 Механизм заезда

ДВЕ НЕДЕЛИ - прописать (итоги собрания)

Новые жильцы заезжают при наличии свободного места и согласия всех жителей дома. Потенциальный кандидат знакомится со всеми заинтересованными. При необходимости заселяется на “пробный месяц”

Новый жилец становится постоянной и равнозначной частью сообщества, если никто не имеет возражений против него.

(!Спорный момент: а если возражения имеет кто-то один? Какая форма проявления возражений? Достаточно просто сказать “я против” и не аргументировать? Как быть если нет других кандидатов и свободного времени)

3.2 Оплата

На момент заселения кандидат оплачивает аренду согласно расчетной табличке.

Аренда включает в себя:

- Залог за последний месяц в размере аренды
- Оплату квадратных метров комнаты
- Оплату аренды общих пространств, разделенную на количество людей
- Оплату общей еды и хозки
- Оплату интернета

ДОЛГИ ЗА АРЕНДУ - ЧТО ДЕЛАТЬ?

3.3 Механизм ухода из Дома

Выезжающий уведомляет о своем решении за месяц.

Крайний срок -- за две недели. В случае, если позднее уведомление не дает возможности вовремя найти жильцов, время простоя комнаты оплачивается из залога.

Выезжающий дает объявление о поиске жилья домашним, в случае необходимости публикует его в сети. Он помогает искать жильца, но поиск жильца -- ответственность жителей дома.

!!! Выезжающий передает комнату дому. Он увозит все ценные вещи, свою мебель, торжественно дарит дому все, чего не смог вывезти а также имеющийся косметический ремонт. Мебель и конструкции, имевшиеся в комнате на момент заезда остаются собственностью дома.

Дальше дом заселяет в комнату нового жильца.

3.4 Механизм “каникулы” -- я уехал, но вернусь. Наверное. Или не вернусь (ЕСТЬ ЛИ НА ЭТОМ МЕСТЕ СЛОЖНОСТИ?) - уезжающий сам решает все свои вопросы про комнату, залог, мебель итд

3.4 ВПИСЧИКИ

Все гости – чьи-то гости.

За каждого гостя есть ответственный из жильцов.

Своих гостей вписываем у себя.

Если у себя не получается – впиши к кому-то другому.

Правило трех дней.

С уведомлением остальных жителей.

(То есть, для того, чтобы вписать кого-то к себе в комнату и под свою ответственность достаточно уведомить всех в чатике)

Дальше – по согласованию.

(!Вот он, кстати, второй спорный момент. Согласование -- это согласие всех, или консенсус или, собственно, как решим-то?)

В свое отсутствие не вписываем. Либо требуется "ответственный" за вписчика.

В зал и общие пространства не вписываем.

В чужие комнаты -- в особых случаях и по согласованию. (с кем?)

!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Временные жильцы в курсе дела, как мы живем, и разделяют наши договоренности.

Ответственность транслировать и следить за соблюдением наших договоренностей и ценностей на том, кто вписывает.

4. МЕРОПРИЯТИЯ

Обсудить - закрытый мы или открытый дом

О мероприятии уведомляют всех жильцов. Никто не должен быть против. (И снова это спорное “никто”. Таки как решаем? вообще никто или чего? По сути, это дает возможность лихо потролить и подорвать нашу шаткую систему.)

У каждого мероприятия есть организатор. Ответственный, которому интересно это мероприятие.

Он принимает гостей, делает при необходимости анонсы в группе.

Следит за общим порядком, транслирует правила дома.

Бесплатные мероприятия – бесплатны.

Мероприятия за доннейшен – доннейшен дому.
Коммерческие мероприятия – платны.

Организатор мероприятий следит за чистотой до и после мероприятия, и чтобы все гости были в курсе наших договоренностей.

5. Бытовуха!.

5.1 Посуда:

- каждый моет за собой посуду сразу, не скапливая ее нигде, даже в своей комнате (таракашки)
- общая посуда: кто последний, тот и моет; правило полной тарелки (если осталось 1-2 порции, переложил в маленькую тару, а кастрюлю помой)
- моешь кружку/тарелку - прихвати другую (отвечай за себя и чуть-чуть больше)
- сварил себе персональную еду с запиской - переложил ее в контейнер, не занимай общую посуду
- ночные бабочки, пожалейте утренних птичек, убирайте за собой
- если вдруг скопилось много посуды, каждый проходящий мимо раковины моет пару тарелок, и к вечеру всё будет ок.

4. Домашние животные:

- клопы - приносишь с помойки мягкое креслице - пройди таможенный контроль у Макса до вноса в квартиру.
- таракашки - карма. это нам напоминание про чистоту, крошки, порядок, уважение, бережность.

- **раздельный сбор мусора ? Как вообще с ним будем делать?**

5.2. Уборка и ответственность

На плакате есть 8 секторов:

1. Коридор – подмести и вымыть (2 чел) – 1 раз
 2. Кухня – прибраться во всей кухне: вымыть пол в большом и маленьком помещении, столы, посуду, раковину, лишнее выкинуть (1 чел) – 1 раз
 3. Души – помыть оба душа: пол, кафель (1 чел) – 1 раз
 4. Розовый туалет – унитаза, раковины, пол, мусор (1 чел) – 1 раз
 5. Голубой туалет – унитаза, раковины, пол, мусор (1 чел) – 1 раз
 6. Холодильник – при необходимости разморозить, выкинуть пропавшее, протереть (1 чел на 1 холодильник = 2 чел) – 1 раз
 7. Зал – дополнительные дела по уборке, если есть.
 8. Плиты – решили упразднить и застелить плиты фольгой (пока в порядке эксперимента).
- Ответственный за кухню, когда убирает её, наводит порядок во всей кухне.

[2-ая редакция, компилятор и автор декларативной части
– Рита, супруга Гены]

Договорённости дома.

Предлагаю поговорить о нашем зарождающемся доме: О чём может быть наша жизнь? Чего бы хотелось? Как выстраивать близкие связи и определять границы? Как сделать так, чтобы каждый чувствовал себя дома? Зачем нам жить вместе?))) и, конечно, стоит договориться о совместном быте.

Этот документ можно редактировать, можно в нём писать заметки, комментарии, высказывать своё мнение и присоединяться. Хорошо, если он станет коллективным творчеством.

Базовые договорённости:

1. Все домашние равны в своих правах вне зависимости от того, как долго они живут, насколько они опытные, темпераменты, старше или больше платят.
2. Все договорённости не являются правилами, их можно и нужно обсуждать и менять методом консенсуса. Договорённости для людей и для жизни, а не наоборот.
3. Все живущие принимают общие договорённости по доброй воле.
4. Каждый домашний выбирает такую жизнь из желания жить с людьми, оно является базовым основанием происходящего.
5. Каждый имеет право включаться в общее на столько, на сколько ему хочется и сам формирует баланс между частной и общей жизнью, личным пространством и общим, своими вещами и общими.
6. Выбирая жизнь с людьми и общий дом, каждый готов учиться принимать каждого, там где мы схожи и различаемся, проявлять уважение, искать взаимопонимание, помогать, искать общие смыслы и решать конфликты цивилизованными методами, создавать домашнюю реальность, в которой каждый будет чувствовать себя максимально свободно не нарушая границы других.
7. Каждый домашний может рассчитывать на сохранение безопасности от внешнего воздействия и на содействие домашних по её обеспечению.
8. Новые люди принимаются при согласии всего коллектива, изгнание невозможно.

Решение конфликтов.

1. Опирайтесь на уже обговоренные договорённости, не забывая про форс-мажорные ситуации, человеческий фактор, субъективность восприятия, и того, что мы все иногда косячим.
2. Разрешая конфликты, стараемся быть вежливыми. Внятно излагаем свои претензии через “я-высказывание” без попыток кого-то в чём-то обличить, пробуя понять логику из глаз другой стороны.
3. Решая конфликты, важно заниматься именно решением конфликта, а не переносить спор в попытку доказать чью-то “неправоту”.
4. Если конфликт решить не удаётся, нужно позвать третью сторону, нейтральную и незаинтересованную в чей-то выгоде. Конфликтующие должны совместно выбрать того, кто поможет решить спор.
5. Если конфликт решить не получается, или же он имеет глубокие смыслообразующие корни -- его выносят на общее собрание.

Безопасность малыша.

Жизнь ребёнком отличается от жизни без ребёнка (какая новость!), вы уже жили с детьми, поэтому сильно разгоняться на эту тему не буду. Наш малыш шибутной и неугомонный, поэтому:

- 1 стоит убирать всё опасное для него (острые предметы, таблетки, стекло и зеркала, бутылки с опасными жидкостями, сейчас он думает, что всё что в бутылках это питьё, и пр.). Берегите свои ценные вещи, убирайте и повыше от маленьких ручонок.
- 2 он не понимает про высоту, поэтому открывать окна стоит на манер форточки.
3. Постарайтесь быть адекватными в поведении с малышом, не стоит его пугать, носить футболки со страшными рожами (да <...>, моя просьба), смотреть в присутствии ребёнка сюжеты с насилием или другой пугающей дичью.
4. Малышу пока не всё можно есть, подробности диеты можно узнать у меня.

Очень хочу, чтобы все дружили с малышом. Я вообще, за то чтобы он как можно больше общался с разными людьми.

Общее и личное:

Общее: еда в холодильнике, стиральные порошки, посуда, сушилка, бытовая техника. Что ещё? Дополняйте)

Раз у нас есть вегетарианцы и мясоеды предлагаю одну доску сделать для мяса, другую для всего остального (это и по гигиене будет правильной).

Предлагаю скидываться на еду и хозку. Каким образом -- надо обсуждать.

Про личное и общее пространство лучше говорить вживую. Сейчас у нас просто стучаться в комнату если дверь закрыта. Можно вешать на ручку двери какой-нибудь предмет, чтобы всем было понятно, что сейчас даже стучаться не надо.

Вписки и гости.

Мне кажется, что о каждом пришедшем госте говорить не обязательно. Наверное стоит предупреждать заранее о большом количестве гостей.

Если на вписку приезжает не больше двух людей, не больше трёх дней -- нужно всех оповестить в домашнем чате, если больше двух и/или больше трёх дней -- нужно согласие всех домашних.

День и ночь.

У нас не самые попущенные соседи снизу, поэтому после 22 мы стараемся ходить на мягких лапках и сильно не топать, на наш смех им пофиг. Но... не пофиг нам самим, когда мы сами друг друга будим этим. Поэтому нужно быть чуткими друг к другу) И не шуметь, когда кто-то спит. В нашем доме так устроено, что если двери в комнату и на кухню закрыты, то не слышно почти ничего, а если открыты, то слышно так, будто это у тебя в комнате происходит. А так, радость, веселье, песни под гитару и прочие проявления жизни приветствуются)

Внешний вид и границы стеснения.

Это деликатный вопрос, тут нужно обсуждать. Лично я считаю, что дома можно ходить в том, в чём хочется. Если хочется можно и голым, это же мой дом! Понятно, что родителей или других гостей не стоит шокировать.

Да, а ещё я за открытую дверь ванну, меня не парит если кто-то чистит зубы пока я купаюсь. Думаю, можно договориться так, если кто-то моется и дверь в ванную не заперта на замок -- значит заходить можно, если закрыто -- значит нельзя. Понятно и просто.

Чистота и уют.

Давайте переосмысливать пространство, хочется свежей волны) Переструктурировать материю, добавлять свой декор и антураж.

Про то, как поддерживать дом в чистом состоянии, мне сложно высказываться. Нужны ваши предложения. То, как это сейчас происходит выглядит непринуждённо, но не всегда приводит к чистоте.

Так, про быт сказала. Что упустила -- добавляйте!

Смысловую часть делаю отдельным документом, скоро тоже выложу.

[Следующая за декларативной нормативная часть 2-ой редакции
идентична 3-ей редакции целиком]

1.1.1 Бытовые, локальные организационные и частные решения

Решения принимаются малой инициативной группой.

То есть:

Инициатор выдвигает предложение (инициативу) и тем самым берет на себя ответственность мониторить процесс.

Дальше инициативу поддерживает группа заинтересованных участников сообщества, которая принимает решение о деталях осуществления инициативы.

Группа уведомляет остальных жильцов, и (выждав, чтобы у всех была возможность узнать об инициативе.. 1День?) приступает к реализации инициативы.

Если среди жителей дома находится тот, кто считает, что нужно избрать другой способ реализации или в целом против этой инициативы — он вступает в инициативную группу и транслирует свое видение.

В качестве крайней меры собирается локальный консенсус. Если локальный консенсус не дал результатов — к консенсусу призывают всех, кто заинтересован в реализации инициативы.

1.1.2 Общеорганизационные решения; решения, влияющие на дальнейшую жизнь сообщества.

Решения принимаются консенсусом (единогласное согласие). Механизм "один голос против +2"

1.2 Решение конфликтных ситуаций

Любой человек, которого что-то не устраивает, говорит об этом сразу!!!

В случае возникновения между двумя и более жильцами недопонимания рекомендуется следующая последовательность действий:

Личная встреча. Встретиться и глаза в глаза постараться прийти к пониманию.

В случае невозможности достигнуть понимания один-на-один, приглашается выбранный медиатор - человек, которому доверяют обе конфликтующие стороны. Он помогает найти общий язык.

В случае неудачи приглашают еще одного медиатора. Потом еще одного.

В случае невозможности решить конфликт на малый круг его выносят на общее обсуждение.

1.3 Выписка

В случае, если один из участников сообщества наносит вред сообществу, потенциально может привести к разрушению сообщества, вредит другим участникам сообщества или иным способом

нарушает общедомовую гармонию, тот кто берёт на себя ответственность помочь изменить эту ситуацию.

Выходит на личный диалог.

В случае невозможности достигнуть понимания один-на-один, приглашает выбранного медиатора – человека, которому доверяют обе конфликтующие стороны. Он помогает найти общий язык.

В случае неудачи приглашают ещё одного медиатора. Потом ещё одного.

В случае невозможности решить конфликт на малый круг его выносят на общее обсуждение.

В случае, если обсуждение не дало результатов и на общий круг был принят факт недопустимости продолжения подобного рода действий со стороны этого участника сообщества имеет смысл говорить о невозможности дальнейшей совместной жизни и, как следствия, перспективы покинуть сообщество одной из сторон.

1.4 Участие в принятии решений жильцов, находящихся вне дома

Когда приедут, тогда и поучаствуют)

2. О каждодневном

Табак – на курительном балконе.

После 00.00 – курительный балкон закрывается, место для курения переносится на улицу, личные балконы, крышу, anywhere else

Алкоголь – сдержано, так чтобы никого не напрягало. Будь вменяем. Не злоупотребляй употреблением в общих пространствах! (а в идеале исключи их вовсе)

Никаких наркотиков, разумеется

-После 22 заканчиваются барабаны

-После 23 заканчивается шумное публичное

-После 24 заканчивается шумное домашнее (или после 23)

- коридор – после 23 говорим шепотом; не встречаем и не провожаем восторженными криками; понимаем, что за каждой дверью кто-то возможно спит (силится уснуть). Минимизируем шум в районе зала до 15:00.

- кухня – после 23 без барабанов, на гитаре поем и играем бережно. Допустимы бережные ночные посиделки с закрытыми дверями. Двери кухни держим закрытыми с 23 до 11.

3. Заезд и выезд жильцов

3.1 Механизм заезда

Если человек хочет к нам надолго (с залогом и дольше, чем на месяц-два), то делаем следующее:

- 1) Знакомство, как обычно, со всеми заинтересованными, кто смог присутствовать. В случае Одобрения
- 2) Человек арендует комнату на месяц.
- 3) Через две недели мы приходим к решению, подходим мы с новым жильцом друг другу, или нет. Если да, он выплачивает залог предыдущему жильцу, и переходит в статус постоянного обитателя Дома (сроки выплаты залога могут сдвигаться, как угодно, по договоренности предыдущего и нового жильцов между собой). Если нет, то у него остаётся две недели, чтобы найти себе новое жилье, а у нас - две недели, чтобы найти другого жильца, с которым повторяется та же схема.
- 4) Если Дом не принимает двух подряд кандидатов на одну и ту же комнату, а её владельцу срочно нужен залог, то Дом возвращает залог и берёт поиск нового жильца полностью под свою ответственность.

Новый жилец становится постоянной и равнозначной частью сообщества, если никто не имеет

возражений против него.

3.2 Оплата

На момент заселения кандидат оплачивает аренду согласно расчетной табличке.

Аренда включает в себя:

- Залог за последний месяц в размере аренды
- Оплату квадратных метров комнаты
- Оплату аренды общих пространств, разделенную на количество людей
- Оплату общей еды и хозки
- Оплату интернета

ДОЛГИ ЗА АРЕНДУ - ЧТО ДЕЛАТЬ?

3.3 Механизм ухода из дома

Выезжающий уведомляет о своем решении за месяц.

Крайний срок - за две недели. В случае, если позднее уведомление не дает возможности вовремя найти жильцов, время простоя комнаты оплачивается из залога.

Выезжающий дает объявление о поиске жильца домашним, в случае необходимости публикует его в сети. Он помогает искать жильца, но поиск жильца - ответственность жителей дома.

!!! Выезжающий передает комнату дому. Он увозит все ценные вещи, свою мебель, торжественно дарит дому все, чего не смог вывезти а также имеющийся косметический ремонт. Мебель и конструкции, имевшиеся в комнате на момент заезда остаются собственностью дома. В ряде случаев, по согласованию с новым жильцом, допустимо частичное возмещение стоимости конструкций (вторых этажей, мебели и т.п.) уезжающему.

Дальше дом заселяет в комнату нового жильца.

3.4 Механизм "каникулы" - я уехал, но вернусь. Наверное. Или не вернусь (ЕСТЬ ЛИ НА этом МЕСТЕ сложности?) - уезжающий сам решает все свои вопросы про комнату, залог, мебель и т.д.

3.4 ВПИСЧИКИ

Все гости - чьи-то гости. За каждого гостя есть ответственный из жильцов. Своих гостей вписываем у себя. Если у себя не получается – впиши к кому-то другому, но оставайся ответственным.

Правило трех дней.

С уведомлением остальных жителей. (То есть, для того, чтобы вписать кого-то к себе в комнату и под свою ответственность достаточно уведомить всех в чатике)

Дальше - по согласованию.

В свое отсутствие не вписываем. Либо требуется "ответственный" за вписчика.

В зал и общие пространства не вписываем.

В чужие комнаты - в особых случаях и по согласованию.

!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Временные жильцы в курсе дела, как мы живем, и разделяют наши договоренности.

Ответственность транслировать и следить за соблюдением наших договоренностей и ценностей на том, кто вписывает. Все, что творит/вытворяет твой гость - твоя ответственность, как если бы это делал ты сам!

4. МЕРОПРИЯТИЯ

О мероприятии уведомляют всех жильцов. Никто не должен быть против.

У каждого мероприятия есть организатор - ответственный, которому интересно это мероприятие. Он принимает гостей, делает при необходимости анонсы в группе. Следит за общим порядком, транслирует правила дома.

Бесплатные мероприятия - бесплатны. Мероприятия за донейшен - донейшен дому.

Коммерческие мероприятия - платны.

Организатор мероприятий следит за чистотой до и после мероприятия, и чтобы все гости были в курсе наших договоренностей.

5. Бытовуха!

5.1 Посуда:

- каждый моет за собой посуду сразу, не скапливая ее нигде, даже в своей комнате (таракашки)
- общая посуда: кто последний, тот и моет; правило полной тарелки (если осталось 1-2 порции, переложи в маленькую тару, а кастрюлю помой)
- моешь кружку/тарелку - прихвати другую (отвечай за себя и чуть-чуть больше)

- сварил себе персональную еду с запиской - переложил ее в контейнер, не занимая общую посуду
ночные бабочки, пожалейте утренних птичек, убирайте за собой

- если вдруг скопилось много посуды, каждый проходящий мимо раковины моет пару тарелок, и к вечеру все будет ок.

4. Домашние животные:

- коты - живут в своих комнатах, не гуляют по общим пространствам (исключение - Гашен);
хозяйка котиков следит за выполнением этого, а также несет всю ответственность за сбежавших котиков, их поведение и продукты жизнедеятельности. Новых котиков в Дом не принимаем!

- клопы - приносишь с помойки мягкое креслице - пройди таможенный контроль у Макса/По до вноса в квартиру.

- тараканы - карма. это нам напоминание про чистоту, крошки, порядок, уважение, бережность.

- отдельный сбор мусора

5.2. Уборка и ответственность

Уборка проводится 1 раз в 10-14 дней.

Дежурный по Гашену освобождается от уборки в других зонах.

На плакате есть 8 секторов:

1. Коридор - подмести и вымыть (2 чел) - 1 раз

2. Кухня - прибраться во всей кухне: вымыть пол в большом и маленьком помещении, столы, посуду, раковину, лишнее выкинуть (3 чел) - 1 раз

3. Души - помыть оба душа: пол, кафель (1 чел) - 1 раз

4. Розовый туалет - унитазы, раковины, пол, мусор (2 чел) - 1 раз

5. голубой туалет - унитазы, раковины, пол, мусор (1 чел) - 1 раз

6. Холодильник - при необходимости разморозить, выкинуть пропавшее, протереть (1 чел на 1 холодильник с 2 чел) - 1 раз

7. Зал - дополнительные дела по уборке, если есть.

8. Прихожая - протереть обувные полки, подмести и вымыть пол (1 чел) - 1 раз